

Александр Иванченко

Клятва на крови

Стихи, поэмы, рассказ

Издательские решения

По лицензии Ridero

2024

УДК 82-1
ББК 84-5
И23

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Иванченко Александр

И23 Клятва на крови : Стихи, поэмы, рассказ / Александр Иванченко. — [б. м.] : Издательские решения, 2024. — 326 с. ISBN 978-5-0062-4512-9

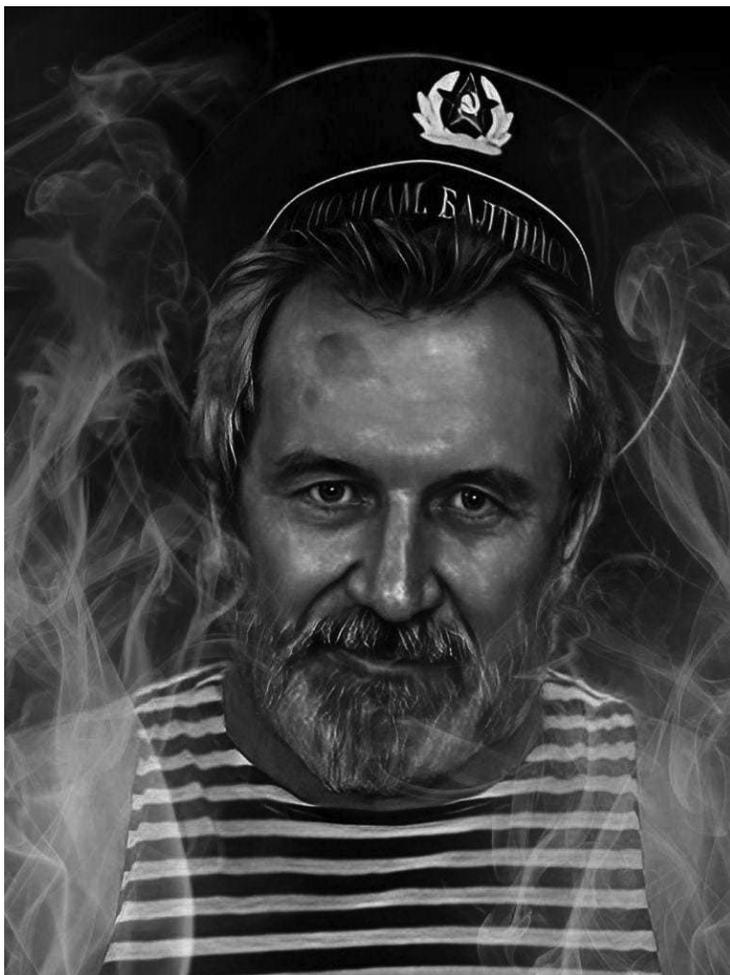
Книга «Клятва на крови» является творческим отчётом за истекший год, включающая в себя сборник стихов, ставший уже юбилейным, десятым, и рассказа. В книгу вошли также три поэмы, написанные в разные годы. Надеюсь, что и эта книга найдёт своих читателей. Приятного прочтения, уважаемые читатели! Ваш Александр Иванченко.

УДК 82-1
ББК 84-5

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Александр Иванченко, 2024
© Александр Иванович Иванченко,
фотографии, 2024
© Александр Иванович Иванченко,

ISBN 978-5-0062-4512-9 дизайн обложки, 2024

Александр Иванченко (душой всегда с море)

От автора

Имея определённый творческий и довольно большой жизненный опыт, хочу сказать, что с годами у человека меняются приоритеты. Если коснуться моего творческого пути, то его началом я считаю свой двадцатилетний юбилей, тогда я написал свои первые поэтические произведения. Но если быть более точным, то моя писательская деятельность берёт начало из середины 90-х годов, когда я начинал себя пробовать в публицистике. Но это были, как и младенца, первые неуверенные шаги. И потому я считаю этот год юбилейным, первые стихи датируются 2004 годом. А стало быть, поздравляйте меня. У меня юбилей — 20 лет, как меня затащило с головой это хобби, и я уже не представляю себе жизнь без поэзии, прозы, публицистики.

Но я в начале сказал, что с годами меняются приоритеты. Возможно, не у всех, но у меня — точно. Лет через пятнадцать мне захотелось написать, кроме стихов, ни эссе и ни очерк или миниатюры, а что-либо более объёмное и значимое. Так появились два моих романа с интервалами в два года. Они не могут, конечно, сравниться с фундаментальными произведениями русских, советских или современных писателей, известными большому кругу читателей, но уверен, что и они найдут своего благодарного читателя.

И естественно, в эти годы у меня снизилась производительность труда в поэзии, стихов я стал писать в разы меньше. А, что же дальше? — спросите вы. Все люди разные, потому скажу только о себе. Подносился

я, дорогие мои читатели, изрядно. Не хочется ныть и высказывать все причины этих изменений, скажу лишь главное. Подходя к 70-летнему рубежу, я побаиваюсь уже «замахнуться», как говорил герой фильма «Берегись автомобиля», на объёмные вещи. Появляется, как и неуверенность в завтрашнем дне, так и в собственных силах. Не хотелось бы, чтобы очередной роман остался незавершённым.

И меня однажды посетила идея — «старина, а почему бы тебе не реализовывать себя в средних по объёму формах произведений?» И я взялся за них, это поэмы и рассказы. Три поэмы я написал ещё в ранние годы творчества. И первым, что я сделал сейчас — отредактировал их. Кроме двух поэм «с бородой», я хочу представить на суд читателей ещё одну свежую поэму «Шурави» и рассказ «Заговор на крови».

И, когда я подвёл итоги прошедшего года в плане творчества, то понял, что «от перемены мест слагаемых, сумма не изменилась», но произошло изменение «ассортимента» видов творческой деятельности, которую я вам и хочу представить на ваш суд, изысканных любителей чтения натуральной, книжной литературы. Хотя все эти произведения имели место в «свежеиспечённом» виде на сайтах Стихи.ру, Проза.ру, Ок и других.

Я надеюсь, что не сборник стихов, как ранее, а «ассорти» нескольких видов писательского творчества, собранное в этом сборнике, найдёт любителей и читателей. А, если бы это был чисто сборник стихов, без рассказа, то я смог бы отмечать ещё один юбилей —

это был бы десятый сборник стихов. И пусть будет так. Ведь 90% произведений всё же остаются поэтическими. А я, на некоторое время остаюсь один на один с мыслями — «а что бы мне ещё чего-нибудь сотворить?», в хорошем смысле этого слова.

С сим разрешите откланяться. Будьте счастливы, друзья! Мира и добра вам!

Член Российского союза писателей, всегда ваш,
Александр Иванченко.

Русь

сборник стихов

Храм в с. Анастасиевка Матвеево-Курганского района.

*Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот — она не запятнала
Первоначальной чистоты.
(Александр Блок)*

Моя Родина — Русь

Я потомок вот тех, обрусевших хохлов,
Из Екатеринославских земель казаков,
Мой прапрадед, арбою тощих волов,
На восток держал путь по степям, буеракам.

Среди Дикого Поля открыл прадед рай,
За кряжем Донецким он увидел просторы,
Земля Примиусья — степей дивный край,
Трудом прославляли, где его хлеборобы.

И пошла смесь крови хохлов с москалями,
Татар и греков, славян, обрусевших немцев —
Их столько во мне — не расскажешь словами,
Что Богу известно, что я чувствую сердцем.

За три сотни лет тут сроднились народы,
На российской земле, где прадеды жили.
Русский Дух Бог мне дал, словно символ свободы,
При крещении, с верой, его в душу вложили.

С ним я живу, за Русский Мир сердце рвётся:
Там же предков родня, там живут новороссы
Под обстрелами годы их кровушка льётся,
Задаю я: «За что?», — тем убийцам вопросы.

Я потомок вот тех, обрусевших хохлов,
Из Екатеринославских земель казаков,

Кто по указу царя, зову сердца, богов,
В Примиусье осели — итог саги таков!

Мне скажите: я кто, хохол или русский?
Верх берёт в моих жилах русичей кровь:
«Мы едины!», — для тех, кто в прицел смотрит уз-
кий,

Моя Родина — Русь, любовь в сердце и боль.

01.01.23 г.

Начало января

Весенняя погода,
Второе января,
Не спит ещё природа,
Весну нам сотворя.

Земля не знала снега,
Дожливый был декабрь,
Нас всех ломает нега,
Свихнулся календарь.

Весенняя погода,
Но зимнее тепло,
Никто не помнит года,
Чтоб в январе «окно».

Зима совсем без снега
У нас быть не должна,

Что почка ждёт побега,
То не её вина.

Весенняя погода,
Начала января,
Ты не чуди, природа.
Будь строже, так нельзя!

03.01.23 г.

Птица счастья

Птица счастья рано разбудила
И щебечет: «Просыпайся! С Рождеством!»
Благодать от Бога подарила,
Я же отогрел её души теплом.

Ты лети с известием по миру,
В сей Великий праздник Рождества,
Передай и с поздравленьем лиру:
Свет пролей и радость торжества.

.
Я держу в руке ту счастья птицу,
Кою мне послал, как есть, Господь —
Ни сороку, воробья, синицу —
Птица счастья, крохотная плоть.

Отогрелась та, от Бога птаха,
И подав призывный голосок —

Призывал то долг, а не от страха —
Улетела, ущипнув легко в висок.

Стрелки часов

Стрелки часов замирают на миг на нуле,
Как бы проходят таможенную границу года.
Старый дольше править хотел на Земле,
Но, а Новый толкает в зад сумасброда.

В ожидании чуда и мы замираем,
Пронеслось, словно миг, года прошлого время
И мы, улыбаясь слезу вытираем,
Жалея о том, что наше уходит племя.

Двенадцатого боя мы с волнением ждём,
Со стрелками вслед замирает дыхание,
Новогодний салют, ты, осыпав дождём,
Одно, заветное, исполни желание.

Хотим, чтоб воцарился долгожданный мир,
А кто не желает, тот исчадие ада,
Ведь для тех отморожков, Дьявол смерти — кумир,
Не дождём их осыплет, а стеною града.

Прости, Господь, меня за скверные мысли,
За то, что судить стал сам Страшным Судом,
Прости, что с погодою, мысли все скисли...
Пусть в Новом году мир заполнит наш дом.

Мир заполнит наш дом, под названьем Земля,
Вместо взрывов войны, детям солнце и небо,
На лужайке цветы, а не в минах поля,
И в каждой семье принимали, чтоб с хлебом.

Набирают разбег в Новый год часов стрелки,
Напряжённо берём мы опять «низкий» старт,
Чтоб грудью порвать ленту финиша сделки,
Коя жизнью зовётся — не стриптиз, боди-арт.

07.01.23 г.

Рождественское чудо

Рождественское чудо —
К вечерне выпал снег,
В природе всё так мудро,
Прикрыл земной наш грех.

Ударили морозы,
Снег солнце серебрит,
У тех замёрзнут слёзы,
На зиму кто сердит.

Рождественское чудо —
Такая благодать,
Что в голове всё кругом,
Восторг не передать.

Рождественское чудо
Нам подарил Христос:
Нет тяжести в два пуда —
В душе метаморфоз.

Рождество — это диво,
Святки в песнях и плясках,
Людно в храмах, красиво,
Новогодняя сказка!

Душа-подранок

Вороньё расклевало останки
Моей юности вешней в пух-прах,
Лишь остались в душе подранки
Светлых мыслей, а дальше мрак.

Старость-гадость пробралась в жизнь
Незаметно, украдкой, так нагло.
Говорит: «Стиль степенный держи!» —
Бзик хандры забрал в плен с подагрой...

От боли в душе не знаю таблеток,
Её излечить лишь можно теплом.
Чувств сердечных, эмоций, без клеток
Чтоб небо, с православным храма крестом.

Излечить я смогу свою душу,
Но молитвой, настал чтоб покой:

Бог, подранка, меня, Ты, послушай
И веди — я ж, крестясь за Тобой.

20.01.23 г.

Простолюдин

Простолюдином рождён я,
Сословием не вышел,
И вся моя семья
Запев, где песен слышен.

О чём поёт с рассветом
Любовник-соловей,
Храня святым заветом
Край Родины моей.

К рыбе вилка мне не нужна,
Ложку мне дайте к борщу,
Хлеб подаст к обеду жена,
Разносолы я не ищу.

Простолюдином я рождён,
Скажите — это плохо?
Пусть буду вами осуждён,
Ответит вам мой хохот.

Шаром по дому покачу —
Не нищ, но вовсе не богат,

Но в плен блг тленных не хочу,
С женой на миллион карат.

Разве плохо быть простым
Или, скажем, из народа,
Ни да Винчи, ни Толстым,
Ни красавцем, ни уродом?

Я — обычный человек
И таких нас миллионы,
Двигаем прогресс свой век,
На пути снося препоны.

Простолюдином рождён я,
И сословием не вышел,
Дружная моя семья —
В духе сила, иных выше.

Вот, если б жить без заморочек...

В жизни каждого есть закорючки,
Гладко в ней лишь бывает в сказках,
Попадаются ямы в ней, кочки
И слезинки в любимых нам глазках.

Вот такие, мой брат, заморочки,
Мир свихнулся, его не понять:
Счастья нет и раздумья ночи
Постриг с верой толкают принять.

Жду весну, чтоб проклюнулись почки,
И теплу стали птицы ликовать,
Хоть и у них есть заморочки,
Любовь — тот повод, чтобы ворковать.

В жизни каждого есть заморочки:
Шипы, закорючки, заботы, дела...
Но скоро весна, тепло и цветочки,
Душа развернуться всю зиму ждала.

27.01.23 г.

Ершистый

Я всегда был ершистым,
Вот таким и помру,
А не белым, пушистым —
Их никак не пойму.

В том какая услада —
Быть примерным во всём?
Не сундук — ёмкость клада —
Душ сухой водоём.

Никогда не смирюсь я,
Совесь в споре права —
В том есть суть бытия,
Причём, мысль не нова.

.

Ну, а кто-то с ней сделку
На всю жизнь подписал:
Перевёл правды стрелку
Из реалий в астрал.

Потому равнодушен
Я к общества изъянам —
Строя остов, что разрушен,
Труха грёз, с надежд обманом.

Ненавижу беспредел
Во всех преступных ипостасях,
Добиться одного хотел,
Чтоб мир — по факту, не в указах.

29.01.23 г.

Не судьба

Я прощаю тебя, нет обиды,
Не держу на тебя вовсе зла.
За бессонные ночи мы квиты —
Память мне о любви — зола.

И хочу, чтоб меня ты простила,
Было всё у нас как-то не так.
Не уверен, меня что любила:
Я же верил, наивный простак.

Тебе было приятно играть
В ту любовь, что в моей груди
Родилась, не умея лгать —
Я был счастлив от первой любви.

Да чего там греха таить,
Вспоминая, я счастлив сейчас...
Только ты не умела любить,
А мой счастья не пробил час.

Я не забыл и не забуду

Я не забыл и не забуду,
Меня связало что с тобой
И, если б мог, то взял бы ссуду
Не денег — чувства на любовь.

Не смог тебя я долюбить
И убедить, что лучше прочих,
А ты при мне могла бы быть
Усладою души, без порчи.

Да, ты при мне могла бы быть...
Хотя всё это мои грёзы,
Одно я знаю, что любить
Счастливым нужно, не под слёзы.

Забылось многое, не всё,
А то, что знать мне и не надо,

Лишь помню о твоей красе,
Ты для души была наградой.

Растаял след твой на воде
И в Лету канул год разлуки,
Лишь блики глади на заре
Напомнили любовь и муки.

Когда приходит к нам любовь?

Когда приходит к нам любовь?
И кто сказал: придёт весной,
Если зимою в сердце боль,
Что Купидон послал стрелой?!

Приходят чувства к нам незвано,
Пленяют, потеряв покой,
Терзаемся в любви коварной,
С признаньем: «Ты — моя, я — твой!»

Кто сказал, что пора для любви,
Когда молод, эгоистичен
И к плотским желаньям своим,
В чувствах дерзок, в меру приличен?

Кто сказал, что любовь скисает,
Когда ты не молод, вице-стар?
Нас она от старости спасает —
Ты не стар для любви — суперстар.

Когда приходит к нам любовь?
В том интерес, что есть сюрприз:
Возможно, в юной поре лет
И в шестьдесят, коль выпал приз.

Вас прошу, вы её не гоните,
То не ваша вина — заслуга,
Она вас выбрала, поймите...
След неудачи скроет вьюга.

Чувства рождаются круглый год,
Душа — цветник для орхидей.
В любовных чувствах чуден плод,
Любите с рвеньем лебедей.

Когда приходит к нам любовь —
Не кара это — наше счастье,
Нельзя идти против богов...
— Я здесь уже! Не ждали?!
Здрасьте!

06.02.23 г.

Как тут быть?

Я был твоим, теперь — не твой
И не устраивай истерик,
Ты не умом пойми — душой,
Мне не делить с тобой постели.

Ведь так бывает в нашем мире,
Что не слюбилось, не срослось.
Законы притяженья в силе,
Коль чувство в сердце родилось.

А, если нет, то мил не будешь
И не помогут тут страданья:
Его ты долго не забудешь
Или её — рок испытанья.

Не можем делать, как машины,
Чтоб управлять самим собой,
Чтоб без эмоций до кручины
Исправить сердца ритма сбой.

А нужно ли его нам править?
Адреналин, взбесивший кровь,
В покое нас же не оставит...
В себе убить к тебе любовь?!

И я в тебе убить не в силах,
А лишь прошу: прости, забудь!
Кровь не бурлит в остывших жилах,
У нас, у каждого свой путь.

07.02.23 г.

Достижение желаемого

Я зову тебя, эхо вторит,
Твой хочу услышать ответ,
Сердце ритмом любви задорит:
— Я люблю тебя, ты — мой свет!

Я зову, ты меня не слышишь
Или просто делаешь вид,
Но при этом так томно дышишь,
Слёзы катятся с пылких ланит.

Я снимаю с них жар губами,
Ты, по-прежнему, всё молчишь.
Мы одни, тишина меж нами,
С блеском глаз на меня глядишь.

Может быть, в ночную пургу,
Ничего не сказав и резко,
Без оглядки, я молча уйду —
Это выглядеть будет дерзко.

— Ты пьяна от моей любви,
Может, это тебя отрезвит,
Отойдёшь, когда, позови —
Не замедлю я свой визит.

Помолчав, отстранил от себя
Неподвижно застывший стан

И, взглянув ещё раз на тебя:
— Ты, прости! Ожидать устал...».

Уходил от тебя неспеша,
Фибры чувств, что проснутся, верил,
А внутри клокотала душа,
Жестоко я тебя проверил.

— Подожди! Ну, куда ты? Пстой!
Голова по орбите кругом.
Твой вопрос совсем не простой,
У души нет опор под крылом.

Ты нравишься мне, поверь,
Шаг серьёзен, этого мало:
Я — не кошка и ты — не зверь,
Подводить нам итоги рано.

— Понимаю тебя, часа хватит?!
Или сутки, раз шаг серьёзен...
Перебор, если двое, кстати,
Слушай сердце, оно поможет.

Через сутки спешу я к ней:
Она навстречу... я улыбаюсь...
— Сердце ноет, ты в душе моей,
Нету сил, без тебя я маюсь...

— Ты вот так говоришь мне «да!»?
Удивлён я, оригинально.

Любовь наша не знает стыда,
Моё счастье стало реально!?

Или понял тебя я не так,
Поспешил подвести итоги.
Говорить о любви, я — мастак,
Не иглу же мы ищем в стоге.

— Да всё так, не даёшь сказать:
Я согласна, буду твоею!
До венца должны мы доказать,
Что уз наших нет в мире прочнее.

— Мы единым пойдём путём,
От любви появятся дети
Нет, счастливее нас, людей,
Нам звезда путеводная светит.

Музыка любви

Давай мы сыграем любовь,
Сложим музыку, нота к ноте:
С весны — пробуждения новь,
А летом — ягодка в компоте.

И осенних добавим красок
От звуков-«жалоб» саксофона,
Зимних карнавальных масок,
А от снега искристого — фона.

Сочиним мы любовный сонет,
Увертюру времён всех года.
С соло выступит пусть кларнет,
Альт подменит чипом кода.

Пусть проявит себя тромбон
И зальёт плачем вечер скрипка,
Контрабас утром будит — бом-бом,
И любви на лицах улыбка.

Песня будет в два голоса спета,
В ней, развеяв густые туманы,
В счастье жизнь «от Кутюр» одета,
А любовь без разлук и обманов.

Нежность ласки и поцелуев,
И алмазно-прочной любви.
Эта музыка сердце волнует,
Спев её, для других сохраним.

13.02.23 г.

Барду

Поэтов знаю, музыкантов,
А два в одном зовётся бардом.
Так много в творчестве талантов,
Локомотивом, авангардом
Зовём их, с присвоением грандов,
«Маэстро!», аплодирую с азартом.

Ты — бард не просто, из маститых
С тобою дружбой дорожу,
Как много струн, гитар разбитых
Нам души рвали, что стихи сложу,
Я в сердце для других открытом
Талант великий нахожу.

Не идол ты на сцене — человек,
С заглавной буквы, наш кумир,
Но не попсы и бизнеса тех рек,
Огранкой превратив в сапфир
Ту бездарь, что поёт для тех,
Кто тупо платит за бахвала пир.

Тебе, братишка, долгих лет
И в творчестве больших успехов,
Не раскрывай, в чём твой секрет
Как ты добился звуком эха,
О дружбе с лирой, как сонет
Ты сплёл в душе, что без доспехов.

Открытая душа, мы видим,
Как фибры тронуты тобой,
Щипком, что струны, боевитым
Рывком прервал ты их покой
И слышим, бархатом покрытый,
Твой голос — супер! Боже мой!

Тебя хотел бы слушать я,
Дыханье затаив, так вечно,

Чтоб лиры мощная струя
Несла по волнам бесконечно,
Ты хит, что поразил меня,
Как стимул жизни, спел сердечно.

19.02.23 г.

Человек собаке друг?!

Быть может, человек собаке друг,
Хоть не всегда, да и не каждый,
Когда голодные собаки всё вокруг —
Вопрос сейчас, бесспорно, важный.

Считали раньше, что собака — друг,
Её поставив на вторые роли,
Хоть кто-то скажет, что замкнулся круг,
Но «слабое звено» тут — в нашей воле.

Себя, мы мним вершителями судеб,
От нас зависит жизнь собачья
Считаем мы: с собаки не убудет,
А пёс на свалке человеком плачет.

Он выброшен, забыт совсем, унижен
Хозяином, кому служил так верно,
И голова пса битого всё ниже,
И с видом — «не жилец», прискорбно-скверном.

А если человек собаке друг,
Как с человеком будь с ней равным:
Друзья в беде, в предтече страшных мук —
Не дай обидеть их, бесправных.

В беде увидишь друга — помоги,
Он за тебя «порвёт» всех без раздумий —
Иначе как? Друзья вы — не враги,
Другой закон для дружбы не придуман.

Ты друга не бросай на произвол,
Судьба коварна и тебя достанет.
Никто не застрахован, твой «престол»,
Что лёд весною под тобой растает.

И ты потом, как битый тобой пёс,
Среди собак бездомных еды просишь,
А друг, твой бывший, хлеб тебе принёс...
«Прости, меня!» — долг другу не воротишь...

Дух и металл

Я рад бы был вам всем помочь,
Когда бы Бог дал боле силы,
Ушли чтоб недуги все прочь
И чёрт пока не взял на вилы.

Пока кому-то ещё нужен,
Пока поставил себе цели,

Пока идеями загружен —
Мне не страшны по жизни мели.

Не супермен — я — супер... стар,
А проще если, то старик,
Но есть в душе тот, божий дар,
Он — не стареющий родник.

Я буду рад вам всем помочь,
Мне бы встать с колен на ноги,
И хоть не рыцарь, чем-то гожд,
Дух — меч мой и со мною боги.

И помощь та — от Бога, словом,
Советом в чём-то помогу.
Финансовая помощь — безголовым,
Затея эта — туфли сапогу.

Поможет вам моя улыбка,
Когда дух слаб, он ждёт поддержки
И в нашем мире, с миром зыбким
Не испытаете издержки.

Поможет ли вам мой настрой,
Без денежного в жизни кредо?
Металл же выпадет в отстой,
А дух поднимет душу в небо.

24.02.24 г.

«Последний динозавр»

Как устаревшая модель, ущербен я —
Считают так друзья и на работе,
Как и без лужи не обходится свинья,
Коль Леший, то сиди в своём болоте.

Таков вот в ногу современности вердикт —
Изгой, не человек ты без ватсапа
И грех сей, видимо, огромен, так велик,
Сильней, возможно, даже крови крапа.

Я без ватсапа уже больше не моряк,
У моряков, стал символ — «труба в круге».
Я ж без него, без мата если, то червяк,
Слизняк и «плесень» в записях подруги.

Хоть человек, коль мыслящий — не цап,
А, если «труб» с программой не имеешь,
Общаться можешь, с пожиманьем лап...
Копыта, клешни, плавники довлеешь.

«Ты низко пал!» — мне говорят, пока, шутя, —
«Я же подводник. Меня влекут глубины:
Души глубины, дружбы, чувств, женщину любя.
А вас же с «бонами» вокруг «морские» мины.

Я — из людей, кто жил без телефонов,
Не ездил на свидания в «тачках» и авто,

Приятнее живых не знаю разговоров,
В ватсапе вам общение через стекло.

Да я ничуть не против ни прогрессов,
Что западные фирмы из вас «сосут» бабло,
Пусть вам удобны «погонялы» бесов,
«Труба» в кругу зелёном, для вас — не западло.

Оставьте «динозавру» отдушину души,
Чтоб мог я с теми, с кем хочу общаться,
Вживую лучше или с «Nokia» в тиши...
А, если нет, то будем мы прощаться...

24.02.23 г.

Послесловие к стихам «Последний динозавр»

Я представляю, сколько недовольства вызвали у тех, кто прочёл, эти стихи. И причина тому та, что практически все пользуются приложением ватсап. Если кто-то читает это, хочу объяснить, что обидеть пользователь того, без чего вы не представляете просто жизнь, я ни в коем случае не хотел.

Просто хотелось поднять проблему общения людей в живую, а точнее её заменой тем-же ватсапом. И это проблема уже не только молодёжи, многие без «трубы» жизни не представляют. Но мы жили без личных автомобилей и без телефонов, даже проводных. Телефон был роскошью и очередь на установку была приличной. Что такое переговорные пункты молодые люди,

наверное, уже и не помнят и не могут понять, зачем и как они связывали людей за сотни и тысячи километров, помимо переписки в обычных письмах, не с помощью СМС, ММС, мессенджера или ватсапа, и как с нетерпением ждёшь долгожданное письмо, заглядывая в почтовый ящик — эти ощущения трудно передать, просто «классика» жанра».

Заставили меня написать эти стихи обычные житейские ситуации, при общении с друзьями по соцсетям, по работе, при прохождении курсов повешения квалификации, где без вацап никак. В последнем случае есть большой плюс — подключился к чату конференции или лекции, а сам занимайся своими делами (маячок-то светится, что ты «сидишь» в чате, слушаешь, как бы).

Если я студентов оповещаю о каком-м важном деле, событии и пр., они мне отвечают, даже не видят мои СМС, говоря: «Смартфоны СМС не принимают, нужно отправлять «голосовое» по...», указывая вебер, вацап и не знаю ещё что. Так они, возможно, просто посылают меня «на», не скажу куда?!

Но больше всего меня убивают водители, дамы и представители, ранее не охочие до трепотни по телефону. Не успел за руль прыгнуть, не о ремне безопасности думает, а «трубу» достаёт и при движении вообще не перестаёт «трещать». В лучшем случае, при сложной дорожной ситуации, зажимает смартфон головой к плечу и, «парализованный», перекосив позвоночник, с видением дорожной ситуации под углом наклона «видеокамер», встроенных в глазные проёмы,

ухватившись обоими руками за баранку авто, пытается избежать ДТП. Но не всегда этого получается избежать. Но не учит ничему.

Я знаю одного руководителя производственного подразделения и очень часто мне приходится его видеть за рулём. Вот не могу сказать, как он, находясь на рабочем месте, в своём кабинете, но за рулём, за сотни раз, которые пришлось в течение нескольких лет наблюдать, никогда не видел без гаджета в руке или зажатого между плечом и щекой. Думаю, если, случись авария, он будет в первую очередь спасать этот гаджет, понадеявшись на «подушку безопасности» в престижном авто.

А теперь жду нападения тех, кого я задел или, даже в чём-то обидел. Вы уж меня простите, старика, «динозавр» — я и то время, когда нам гаджеты не мешали наслаждаться естественной, натуральной жизнью, не через экран смартфона, пусть и самого крутого, а с экрана кинотеатра, видеть не смайлы и фотошопы, а живую природу и прогулки с живым общением молодых людей, и натуральными эмоциями на лице, с румяными щеками, толи от мороза, толи от стеснения и от счастья, после поцелуев, лицами.

Отзывы жду на страничках в интернет-ресурсах: ОК, ВК, Стихи.ру, Проза.ру, Изба-читальня и на старенький «Nokia».

С доброй улыбкой, «последний динозавр».

25.02.23 г.

Послесловие к празднику

Бог нам всем, всё прощает всегда,
А мы так часто не прощаем,
Грех свой доводим до суда,
Эго своё в себе величаем.

Бога нет в душе вовсе у нас,
За Него мы берёмся судить
И, выпячив свой вперёд фарс,
С Творцом теряем связи нить.

За безумцев прости, Господь!
То не знают они, что творят,
Их забота — не дух, а плоть,
Они ползают, а не парят.

Нас прости за грехи, Господь!
Человека грешней нет Твари:
Взял послаще себе ломоть,
Попирая веры морали.

Я молю, нас прости, Господь!
Мы друг друга уже простили.
В пост грешить — грех вдвойне, погоду,
Те «списали» — не отмолили.

28.02.23 г.

Март

Настал март, стало быть, и весна!
Огрызаясь, зима уступает,
Стала ночь для морозов тесна,
Тепло с солнцем с утра наступает.

И коты весне рады, и птицы,
Со дня на день, с визитом скворцы,
Их на смену давно ждут синицы,
Принять вновь их готовы «дворцы».

Ветер южный прогнал с неба тучи,
Открыв солнцу прекрасный обзор.
Луч целебный, заслон «колючий»
Пронзил, бросив свой в дали взор.

Забыв напрочь про снег и морозы,
Ждём мы праздник прекрасный весны,
Чтоб тюльпаны дарить и розы
Лишь любимым, с кем узы тесны.

04.03.23 г.

Ода мимозе

И всё же, талисман весны — мимоза,
Столь нежен, ароматен её цвет.
Ни тюльпан-красавчик и ни роза,
Душевней их цветов, что в марте — нет.

Мимоза-мимоза — весенняя роза,
Тебе в марте нужно сонеты слагать,
Ты выведи нас, мужчин из склероза,
Напомни — пора пришла дам поздравлять.

Не нужно духов — заменила мимоза,
Нежно-изысканный твой аромат —
Поэзия в нём, где роз запах — проза...
Пыльцу на губах твоих мне целовать.

05.03.23 г.

Е.С.

Ты оставил всем нам в наследство
Свою улыбку и души своей тепло.
Печаль и слёзы по тебе, как средство,
Чтоб очистить наши души под стекло...

05.03.23 г.

Девушка и голуби

Девушка курносая, в джинсах и берете,
Солнцем наслаждается в парке, на скамье,
И её счастливее нет на белом свете,
Мило улыбается солнцу и весне.

Видимо, студентка, через парк домой
Ходит ежедневно и кормит голубей,

А они курлычут, кивая головой
В благодарность девушке — реверанс тот ей.

На девушку, украдкой, смотрит паренёк,
В девушку с веснушками влюбился в один миг,
А она так занята, что ей и невдомёк:
Счастье-то упустит... сердца боль и крик...

А птички суетливо с ладошки всё клюют,
Купаются под радостной улыбкой.
Соловьями голуби весною не поют,
Вокализ* бы спели для души со скрипкой.

Гимн Матвеево-Курганского района

Холмистый Матвеев-Курганский район,
Чудесный наш край Примиусский,
На славном Миусе, в разливе затон,
Черёмухи белые грузди.

Здесь каждый клочочек священной земли,
Пропитан он потом и кровью.
На этой земле от зари до зари
Трудятся люди, не просто — с любовью.

По нивам бескрайним «плывут» корабли,
С душой, что вложили, поток в бункера
Зерна наливного... убрать всё смогли,
Рекорд урожая в страны закрома.

Припев:

В Российской глубинке район наш расцвёл,
С посёлком Матвеев Курганом,
С казаков донских, основателей сёл
Стал «Якоря» для нас талисманом.

У нас подвиг ратный и подвиг в труде
Косой заплелись в венок славы.
Та слава бессмертна в народной молве,
Склоняем Героям мы главы.

Ты дал нашей Родине много талантов,
Врачей, полководцев и в жатве бойцов
Ты дал нам поэтов, отряд музыкантов,
Душой самобытных культуры творцов.

Расти, процветай наш прекрасный посёлок,
С тобой я по жизни, что «брат по крови».
Люблю, как родителей любит ребёнок,
Горжусь, воспеваю, будь счастлив, живи!

Припев:

В глубинке России район наш расцвёл,
С посёлком уютным Матвеев Курганом,
Казаков донских, основателей сёл
И «Якоря», ставшим для нас талисманом.

12.03.23 г.

Морское братство

Теряем тех, кем Родина гордится,
Им не пожать нам больше «краба»,
Успели морем с кем навек сродниться,
В том нашем братстве нет, где духом слабых.

Вам каждый скажет: «бывших не бывает»,
Душою мы в отсеках, в море навсегда.
И вновь она, как вспомним, замирает —
Три года службы не забудем никогда.

Поднимем дружно тост «За тех, кто в море!»,
За тех, кого, с прискорбьем скажем, нет...
Но они с нами в радости и в горе,
Морское братство нерушимо — наш завет.

Отечество, надеюсь, не забыло,
Кто с честью отдал долг святой стране,
И мир был хрупок, беспокойно было,
Пожар разжечь не дали мы в войне.

И мы поднимем тост «За тех, кто в море!»,
Ведь точно знаем — ваши души там,
Где место встречи всех, «обнимем» вскоре,
Когда угодно будет и «морским» богам.

15.03.23 г.

Мы слышим «SOS»

песня

*(братишкам-подводникам
и субмаринам,
на которых они служили, ждущий
своей
участи на «кладбище» кораблей)
Вспомним службу, свои
субмарины,
Вспомним море, братишек-друзей,
На флоте служат настоящие
мужчины,
Крепче стали дух этих людей.
(Александр Иванченко)*

Не отойдёт уж лодка от причала
И не услышим мы прощания гудок,
За мир Союза ты когда-то отвечала,
Хоть не мертва ещё, но вышел срок.

Точнее если, замысел был вражий,
Все «буквы» договора исполняли мы.
В отсеках дух витает экипажей,
И пульса нет в реакторе — увы.

Она ещё «жива», хоть «мозг» в отключке,
«Реаниматоров» бы сердце запустить,
И недостатка нет у нас в «горючке»,
Они ж решили ВэПэКа убить...

«Кондоры», «Барракуды» и «Акулы»
В плену судьбы, их уже пробил час.
Кто б импульс дал сердцам «мускулатуре»,
Есть в «миокарде» мощности запас.

Припев:

Мы ждём вас, морские глубины
И в шторм, и в жару, и в пургу,
Родные мои субмарины,
Вы слышите песню мою.
Родные мои субмарины
Вы слышите песню мою

Все переплавив «дизеля» в орала,
«Букахи» стонут на чужих полях.
Ох, если б мы, служили, когда, знали,
Что не ходить в походы им в морях.

Что были стержнем атомной триады,
Прижались друг к другу и жалок их вид,
Нам комом в горле встал, взамен награды,
У нас, подводников душа болит.

Припев:

Мы ждём вас, морские глубины
И в шторм, и в жару, и в пургу,
Родные мои субмарины,
Вы слышите песню мою.
Родные мои субмарины,
Навек вы остались в строю.

Подлодки стонут, рвутся их «сердца»,
Реакторы устали без работы,
Мы верим в Верховного и Творца,
Подводники России — патриоты!

Мы верим в Верховного и Творца,
Подводники России — патриоты!

18.03.23 г.

Беспечность

Тебя кто-то полюбит, я в этом уверен,
Но будет любить ли, также, как я?
Сегодня закрыла за мною ты двери,
Разбилась чаша, с названьем семья.

Не мог я остаться, а ты промолчала
И мы разошлись, что в судьбе корабли.
Не видеть мне долго родного причала,
Но как мы расстаться легко так смогли?

Как будто с тобою мы были чужие,
Как будто меж нами и не было чувств
И мы эти годы с тобою не жили,
«Точила» обида нас, ревности грусть.

А кто в том виновен? Конечно, беспечность
И гордость, и чувство чьей-то вины.

Но жизнь коротка, а забвение — вечность,
Уже чашу не склеить, мосты сожжены.

«Чёрно-белое» детство

Вижу я в «чёрно-белом» детстве
Те, цветные, счастливые сны,
И соседки по парте кокетство,
И от скромности щёки красны.

Заросли крапивою дорожки,
Все закрыты в детство пути,
Хат отцовских нас ждут порожки,
Что роднее их не найти.

По тропинкам босые ноги,
Омовенье приняв с утра,
Уносили, что охали Боги,
Целовала мне пятки трава.

Мне обжог душу, словно крапива,
Родной хаты прискорбный вид,
Нива в золоте, так красива,
По глубинке душа так болит.

Вижу я в «чёрно-белом» детстве
Только светлые счастья дни,
Вижу там я себя, мы вместе...
Я побуду в тебе — не гони!

Александру Ивановичу Ганину

«Саня-усач» — так звал тебя когда-то,
«Кинщик, привет!» — братва перед кино.
Я это помню, полста лет — не дата
И всё же были вместе так с тобой давно...

Я помню, обо всём мы говорили,
Так были молоды, сил, помыслов полны,
Не ведая порой, что и творили...
В поступках и мечтах, во всем вольны.

Киномеханик классный, тракторист,
Души широкой, добрый человек,
Серьёзный, если нужно, юморист,
Я думал: проживём друзьями век.

А человека век — не сто лет, разный,
Но каждый оставляет земной след:
Один вёл образ жизни праздный,
Оставил злата горы, смертный грех...

Твоё богатство, Саша, — твои дети,
И, если слышишь, ими ты гордись,
Ведь нет для нас дороже ничего на свете,
Чем память добрая, летит что ввысь...

Я б мог с тобой сидеть — два старика:
Ты бы разглаживал густящие усы,

А я седую бороду; вокруг, наверняка,
Внучат ватага и «тик-так» — часы стучат...

Могли бы, но твои часы давно стоят,
Коротким путь твой был земной,
На фото твоё дети все в слезах глядят:
«Любимый папочка, наш ты, родной!»

Счастливый случай

Я сердце своё внимательно слушал,
Когда на секунду взгляд пал на тебя,
Целуя уста, ещё не зная душу,
Терял я свой разум от тебя, любя.

Одно я понял — для меня ты всех лучше,
Хоть и заставила меня страдать:
Сметана, настоявшись, станет гуще,
А вот с оборота, что ты можешь взять?

За мною пошла не сразу, долго звал,
Женою стала верной ты и мамой,
И не случился для завистников «обвал»,
Ты лишь дороже, любимая, стала.

Я был влюблён и никого не слушал,
А сердце так стучало, словно метроном,
Нам выпал приз, счастливый случай,
Но это поняли с тобою мы потом.

Связь поколений

Мой прадед Платова знавал в боях,
Дед получал «Георгия» с Будённым,
А дядя немцев бил, погиб в чужих краях...
А я в другие годы был рождённым.

Не воевал в Афгане, раньше был рождён,
Вины моей тут нету — очевидно.
Хоть враг силён, он будет побеждён,
За воинов-сынов совсем не стыдно.

Сыны и внуки отстаивают мир,
Задачи выполняют от Главкома,
И с долгом священным, Присяге верны...
Их, с мамами, жёны и дети ждут дома.

Хоть я и стар, звеном вам помогу,
К Победе ключ, не пустота, что звука,
От дедов передам, в душе, что берегу,
Со звоном колокольным — силу духа.

Как перед предками, пред вами я в долгу,
Нас ненависть к врагам объединила.
Частицу Родины я в сердце берегу,
Она, что мать, защитников родила.

Нас монолитом сделал Русский дух,
Связал патриотизмом поколений,

Замкнувшись в неприступный круг —
Победа нашей будет, без сомнений.

Мы стареем, живя надеждой

Я бегу по росистой траве,
Босых ног оставляя следы,
Луч рассветный с улыбкой мне
Освещает цель детской мечты.

С аттестатом заветным в руках,
Вот уже я — студент института.
Юность — классная штука, пока
Не изменит судьба путь маршрута.

Я в морфлоте, в руках автомат,
Текст Присяги — с волнением, гордость,
Субмарина, ученья, собрат
И проверка морем на стойкость.

Мне работа, любимая в радость,
Дома ждут меня дети, жена.
Жили бедно, не спорю — не жалость,
Жили счастливо, как никогда.

Мои внуки любимые — счастье,
Когда в доме сплошной тарарам
И, конечно, всё в Божьей власти,
Я за них свою жизнь отдам.

Мы стареем, живя надеждой,
Вновь вернуться чтоб в детство во снах,
Где трусы называли одеждой,
Босиком мчусь счастливый в мечтах.

«Союзники»

Скоротечность жизненных этапов
К старости становится ещё быстрее,
Ума не нужно Канта и Сократа,
Заметить, чтоб — земля сошла с осей.

Летит цивилизация вниз, в пропасть
И что могло б её остановить?
Суммарная, при взрыве бомб всех мощностей
Способна жизнь планеты погубить.

Так напрягли сегодня обстановку,
Что взрыв произойдёт и без огня,
И королю не сделать лакировку,
«Владыке» мира выгодна война.

Кого винить нам в том, что проморгали,
Когда нажрётся мировой жандарм...
Союзники на Эльбе руки жали...
Казалось, для дружбы готовился плацдарм.

Желает мир, свихнувшись, согнуться,
Тому Россия лишь противовес.

Копает Запад для себя могилу:
Бог с нами и благословение Небес.

Запад забыл родилась, где чума
Нацистов, фашистов, кровавых убийц,
Глаза затмил доллар, сдвиг фазы ума,
С призывом к миру, разбойничий свист.

Забыли союзники видимо наши,
Кусками, что сахар дробя этот мир
И кроме России, кто шлёт вам демарши?
А, англосаксы, для стран всех — «вампир».

Планета Земля сбилась с осей,
Наш грешный мир слетел с катушек.
Страданий хватит людям и смертей,
Мы ждём мирных гроз, вместо залпов пушек.

Цветения садов под мирным небом,
Счастливых, в играх, бегодне детишек,
Полей — не минных, урожайных хлебом,
Стихи о любви у поэтов в престиже...

Стране «Содомии» — «радужных» парадов,
А нам победы над вампиром-шарлатаном,
Миру от России станет то награда —
Освобождение народов от тирана.

14.03.23 г.

На душе у меня нет покоя

Не будет в душе нам покоя,
У сердца ритмичного боя,
Пока в мире всё так тревожно,
Как раньше уж жить невозможно.

Делать что, вы скажите мне,
Когда Русский мир весь в огне
И когда задушить Россию,
США с Европою всё ж решили.

Вы историю ту забыли,
Когда «Катюши» вас крушили
И духа русского победу,
Что снова победим мы, веру?

Мы верим в сынов своих, внуков,
Но сердце терзает разлука:
«Спаси, сохрани!» — просим Бога,
Ждать их тяжело то как — мука.

Одуматься вам нужно, люди,
Вам, павшие будут — судьи,
Даже внуки и те проклянут,
Анафеме вас предадут.

На душе у меня нет покоя,
Вошло сердце в режим разнобоя.

Мы за то, чтоб на всей планете,
Были люди за мир в ответе!

17.04.23 г.

Благодатный огонь

Благодатный огонь осветил мою душу,
Укрепил веру победы над смертью жизни,
Когда мир православный затих, послушай,
Ангелы восторженно ликуют: «Христос Воскресе!»

«Воистину Воскресе!» — миряне отвечают,
С молитвой, песнопение церковного хора,
Их крестный ход и звон колоколов венчают,
А радость торжества до трепета души пробрала.

Так «воскресни» же Русь, мир спаси от «Содома»,
Весь Запад погряз с головою всё в тех же грехах.
Человечеству мало данного Богом слова —
Гром и молнии с градом звучат им в укор в небесах.

Благодатный огонь осветил мою душу,
Укрепил мою веру в то, что есть к Богу путь.
Ты звон колокольный в Пасху послушай,
Зов предков услышь и верным канонам будь!

20.04.23 г.

Границы времён и народов

Участки с оградой — двухметровый забор,
Дома под охраной, сто видеокамер,
На хозяина дачи дело... закрыл прокурор,
Дома их, что крепость, сердца — точно камень.

А раньше, ты помнишь — дружили домами,
Замки — «нет, мол, дома», под коврик ключи,
Соседей с округи на праздники звали,
У ламп-керосинок в деревнях, вместо свечи.

Что было — забыто, открыть душу — пошлость,
Не ради идеи, в богатстве личном успех...
Разве «триединство русских народов» в прошлом?!
Вновь «русский с китайцем — братья навек».

Преграды, границы, со спорами, войны —
Всему сему доллар стал главной виной
И то невозможно, что всем быть довольным,
Чтоб мирно все жили, а не в мыслях войной.

Хоть кресло трещит под «властителем» мира,
Вассалов Европы лишил напрочь прав.
За недра всё споры, в них могущество, сила,
К тому же воинственный, хищника нрав.

Сосед с соседом участки по микронам мерят,
На Запад русским въезд не безопасен.

Заманчиво пока хозяева им стелют,
Но жёстко спать, исход предельно ясен.

Предать Россию, если сказать прямо,
И о возврате можешь позабыть.
Победное ты предал, в крови дедов что зная,
«Цветным», что радуга, изгоем чтобы быть.

В мышлениях размыты все границы,
Кто, совесть потеряв, изгой в чужом краю,
И честь ты не сберёг, что глаз зеницы,
Ты Родину предал, что матушку свою.

25.04.23 г.

Цветущий наш, победный май

Май «на носу» и День Победы в мыслях,
И скорбь, и радость гармонируют в сердцах,
С черёмухой цветущей, голубями в высях,
И сталью режут слух слова, в торжественных ре-
чах.

Май на дворе, сирень цветёт, тюльпаны
И настроенье праздника у нас в душе.
Далёкие не стоит строить себе планы —
Весь День Победы распланирован уже.

И красота не только лишь в убранстве,
В нарядности столицы, городов и малых сёл,

А в чистых помыслах, сплочённости — не в чван-
стве,

В значении Победы, садами май зацвёл.

Цветущий май и хочется всем мира,

В цветах салюта осветились с блеском слёзы.

Бессмертный полк, то русские идут, в потоке сила,

Кумач флагов Победы, на них серпы и звёзды.

29.04.23 г.

Первомай Первомаю рознь

К Первомаю, кто постарше, к другому привыкли,

А сейчас к шашлыкам приучить нас хотят.

Ну, а где солидарность? От неё все отвыкли,

Стало мир на планете нелегко отстоять.

На земле нашей нет того уже братства —

Есть хохол, есть бульбаш и москаль.

Если глубже хотим во всём разобраться —

Нас давно всех рассорил «мировой капитал».

Водка мне не нужна, на дыму шашлыки —

Нужна мне солидарность народов всех в мире.

Уповая на мир, «миротворцы» нам скалят клыки,

А то братство народов забыто в помине.

Мне жаль, что молодёжь того не знает,

Как дружно жили мы в стране одной семьёй

И скоро от неё тот след, что мы храним, растает...
Ох, если б мир вновь воцарился над землёй!

01.05.23 г.

Конкурентоспособность

Вам стыдно за меня, что я публичный,
За то, что успеваю быть и тут, и там,
Я не могу и быть, как вы двуличным,
А быть публичным — это разве срам?

Вам хочется свою повесить планку.
Не получается?! Но это не беда.
Есть вариант, найти себе «обманку»,
Сбив планку оппонента раз и навсегда.

Как сделать так? Да просто облить грязью,
Чтоб в оправданиях я не мог творить,
А вам лезть дальше, смазываясь мазью:
«Я — гениальный!» — мир собой мутить.

Вам стыдно за меня, что я успешный?
А вам успешным не хотелось быть?
Не стоит заниматься делом грешным,
Лучше уважать друг друга, если не любить.

03.05.23 г.

Разлился Миус...

песня

Разлился Миус, шлюзы слёз открылись небес,
Льются детские и материнские слёзы.
Так сколько ж ещё будет зверствовать бес?
От ядерных стран не намёки — угрозы.

Ты мужество помнишь, наш славный Миус,
Хоть и много лет мы не знали про БЕды,
«Крестил» ты Героев, потерь был тягостен груз,
Прорыв Миус-фронта заделом стал главной победы.

Припев:

«Река Миус — рубеж бессмертной славы»,
С мужеством, героизмом и отвагой бойцов,
Мы помним Героев, склоняя пред ними главы,
На воды Миуса спускаем венки из цветов.

Миус переполнен водою из недр и небес,
Он тайны хранит, разливом от глаз скрывает.
Они, как и память, имеют в истории вес,
Их в награду река потомкам открыть обещает.

Полноводен Миус наш в канун Дня Победы,
И в наших сердцах к нему неподкупна любовь.
Подвиг помним и чтим отцов наших и дедов.
Расцветай Примиусье в мире, среди хлебов!

Припев:

«Река Миус — рубеж бессмертной славы»,
С мужеством, героизмом и отвагой бойцов,
Мы помним Героев, склоняя пред ними главы,
На воды Миуса со скорбью венки цветов.

04.05.23 г.

Судьба-злодейка

О чём, скажи, кричит твоя душа,
В ночи без сна тревожа часто мысли,
А чувства в сердце, с томностью дыша,
Они за годы, разве не прокисли?

Ты снова вспомнила свою любовь,
Она не умерла, а чуть остыла.
Преодолев разлуки сердца боль,
Его ты поцелуи не забыла.

Но ты ему желаешь счастья,
И, всё простив, взаимности в любви,
Без твоего, хоть в том участия,
Его ведь гены в сыне по крови.

04.05.23 г.

Душевные корни

Вросли корнями чувства в мою душу,
Искоренить никак их не могу,
И не проси, я сердце буду слушать
И вспоминать то ложе на стогу.

Под звёздным небом стрекотал кузнечик,
Его «забил» талантом соловей,
Ромашковый венок, что в храме венчик,
На голове, над стрелками бровей.

Из сердца не уходят к тебе чувства:
Уютно там им, где живут давно;
Измен, не допуская и распутства,
Тебя не видя, помню всё равно.

06.05.23 г.

Воля Божья

Кто же любит надолго прощаться,
Тем паче, если на года разлука
И, казня себя, в чувствах копаться,
Не живёшь ты, а томишься в муках.

Не бывает разлука приятной,
Коль меж вас не привычка — любовь,
Ни жених «единицей штатной»,
Без любви коль невеста — уволь!

Река слёз не станет твоей душе,
Что бальзам, а солью на раны.
Отшельником став, живя в шалаше —
Не выход, но с любимой — Канары.

Кто любит, нипочём расставаясь,
Чувства, что вино, только крепчают.
Ни страсть не унять, ни желания...
Ангелы, по воле Бога вас венчают.

10.05.23 г.

Когда к тебе тянулись мои руки

Когда к тебе тянулись мои руки,
То был и страсти, и желания порыв,
То был порыв души, и не от скуки,
То был эмоций чувств любовных взрыв.

Когда тебя я встретил — мир вокруг погас,
Поблекли его яркие доселе краски,
На дыбы встал в душе моей Пегас
И чувствам захотелось в том огласки.

Ты вздрогнула, ко мне прижавшись,
Всё ж настороженно смотрела мне в глаза.
Стояли неподвижно мы, обнявшись,
Потом ты улыбнулась и сказала: «Да!!!».

14.05.23 г.

От нелепости до счастья один шаг
(шутка)

Я развратный свершил поступок —
Оголил перед девушкой торс,
При примерке рубашек и курток
Я открыл на груди густой ворс.

Назвала меня милка гориллой
И решил я растительность сбрить.
Мне в цирюльне назвали шерсть милой:
— Экзотичный у вас, такой вид!

Вы не против, я сделаю стрижку
Бороды и усов столь шикарных,
И, уткнувшись носом в подмышку,
Окунусь в эйфорию грёз тайных...».

Я смотрел на девицу с опаской,
А она засветилась счастьем:
— Что я сплю, окруженный сказкой?
Вы мне посланы Божьей властью!

От нелепости до счастья один шаг,
Я готов его сейчас же сделать.
То невидимый, добрый маг
Вёл к судьбе меня, начав с тела...

17.05.23 г.

Мне с тобою не бывает скучно

Для тебя приготовлю я ужин,
Хоть свечей и шампанского нет.
К поцелуям на «первое» нужен
С речью пламенных чувств сонет.

И твои, с пылом алые губки,
И задорный, радостный смех,
Томный вдох, при объятьях голубки —
Элементы прелюдий — не грех.

И глаза, наполняясь счастьем,
Брызнут искрами слёз на плечо.
Под моею приятно быть властью?!
Без вина станет нам горячо.

Для тебя приготовлю постель,
Простыня из ромашек с шалфеем,
«Доброй ночи!» — ко сну коростель,
Соловей отзовётся Орфеем.

Утром нас обласкает луч солнца,
Я на завтрак тебе — поцелуй.
Залюблю, зацелую до донца...
Боже! Счастлив как я! Аллилуйя!

20.05.23 г.

Единственной

Я мог тебя, конечно же, не встретить,
Но обмануть судьбу-то невозможно.
Я понял, что с тобой мне счастье светит
И это чувство не могло быть ложным.

Оно пронзило сердце, что разряд грозы,
То видно Купидон-проказник пустил стрелы
И сердцу нет уже спокойствия поры,
Я, из тихни стал, влюбившись, смелым.

Уверен я — не мог тебя не встретить,
Мы рождены, чтоб быть по жизни вместе.
Не мог пройти я мимо, не заметить
Женой кто стала, а до того была невестой.

21.05.23 г.

Симпотяжка

Не красавицы, ты — симпотяжка,
Чем-то просто затмила других,
И смешная на талии пряжка,
И в платьях, больше нет таких.

Нос курносый, на щёчках румянец
И улыбка — её не сотрёшь.
Коль затронет «подколом» поганец —
Ты его в один миг «отошьёшь».

А, как мне, то нет лучше девчонки,
Ты такая красотка во всём:
В этой живости, в крае юбчонки,
В разговоре, ведёшь как плечом.

Пусть ты внешне совсем не красотка,
Но совсем потерял я покой.
Не богатая и не «босотка»,
Да и я, между прочим, такой.

24.05.23 г.

Девушка под ивой

Что дева-русалка, к воде ветви склонила,
Одинокая ива у быстрой реки,
А под нею девица слезами лик мыла,
Ими пыталась смыть следы от тоски.

— Скажи-ка мне ивушка, чем я её хуже,
Может быть тем, что веснушчатый нос?
Мне так его хотелось звать в семье мужем —
Теперь вот в судьбе ребром стал вопрос...

Мои кудри-кудряшки — отлив света солнца,
Румянец похищен бледнолицей луной —
Серебряный «аверс» с «кантом» червонца —
Дурнушка, короче, для всех я собой.

Ты много здесь видела счастья и слёз
На излюбленном месте для тайных свиданий,
Почему же меня он не принял всерьёз?
Почему я должна душу рвать от страданий?

Исповедь закончилась, молчание...
Ниоткуда озорливый ветер набежал
И, решив развеять девушке страданья,
Что тарзанку, ветки ивы вихрем раскачал.

Ветви листья окунули в речной омут,
Зачерпнув собой изрядный жбан воды,
Что от тяжести мольбою ветки стонут —
Окропили девицу, все смыв тоски следы.

Девушка, вскочила, охнула с восторгом
И с толкнулась с парнем, что за ней стоял.
Видимо, молитвы, услышанные Богом,
Помогли им встретиться... юноша сиял.

— Как же ты прекрасна, милая русалка!
Я же — стоеросовый, красы не замечал.
Цветок моей души, вечерняя фиалка,
Люблю тебя! — целуя, шептал он, что кричал...

29.05.23 г.

Если б знал наперёд...

Если б знал наперёд расклад жизни,
То не тратился бы в мелочах
И не делал ошибки б трижды,
Разбираться б стал лучше в вещах.

Да и как вот без них обойтись,
Из крупинок слагается целое.
Коль по прошлому в мыслях пройтись,
То мы видим, лишь важное дело.

Вода медленно камень же точит,
Но мы видим того результат:
Труд во благо успех нам пророчит,
Лавры славы пора б испытать.

Если б знать наперёд расклад жизни,
Всё поставить готов я на кон.
От рожденья по факту до тризны,
Финиш жизни под слёзы икон.

Потому я спешу жить сегодня,
Завтра может не быть и тогда,
Отпущу на «галоп» я поводья,
Ну а вы, не со мной, господа?!

30.05.23 г.

Моим читателям

Медали, грамоты — не столь заслуги — блажь.
Нужны поэту для общенья люди,
Разносят кои творчества, всех мук багаж
Героев, кто с писателем прожил их судьбы.

Мне так приятны ваши отзывы, друзья,
Тепло от них так согревает душу.
Бездарностью своей никак нельзя
Обидеть вас и связи вмиг обрушить.

Спасибо же тебе, ты мой читатель,
Мой слушатель, ценитель и судья,
Особый дар вам дал не зря Создатель —
Любить прекрасное, духовность бытия.

Спасибо вам за всё, без вас поэтов нет,
Нет композиторов, писателей, артистов.
Вы те, кто нам даёте в мраке жизни свет,
Даёте вдохновение, дух оптимистов.

Медали, грамоты — не столь заслуги — блажь.
Нужны вы для писателей, поэтов — люди,
Вы, те, кто создали рекламный нам витраж,
Мы ваши должники. Вы — лучшие! Вас любим!

01.06.23 г.

Я лечу...

Разгон, толчок и я уже лечу,
Прекрасен мой полёт, неповторим,
Лимит полёта вышел, я ж хочу
Душевым чтоб порывом был гоним.

Душа ведь наша так легка,
Хоть наступил уж жизни вечер,
Я тленному миру крикну: «Пока!
Мир поэзии, люди, он вечен!».

Закрыт назад путь, нет возврата,
Без поэзии я жить не смогу.
Мне бы верного там собрата,
Пусть без опыта он, помогу.

Мир любви и добра построим,
Без заносчивых псевдоталантов,
Кто без скверны, в нём быть достоин,
Вдохновению став гарантом.

Мой полёт, он будет свободным,
Мне не нужно куда-то спешить,
Я не буду поэтом народным —
Хочу просто в поэзии жить.

03.06.23 г.

В родительскую субботу

Вновь к маме, в скорби я иду, с цветами,
В субботний, накануне Троицы, день.
Глазами встретились, свои залив слезами,
Смотрю я молча, память разгоняет тень.

Вот мама молодая, за тридцать чуть
И в сорок пять блистательна, счастлива;
Встречаешь караваем: радость, грусть...
Тебе за пятьдесят, но женственно-красива.

Мелькают дни, что кадры кино, годы...
Лицо в морщинках, азартна блеск в глазах,
Хоть часто жалобы на боли, непогоду...
Тебе ж, я, важное так и не успел сказать.

Прости, родная! Ведь я тебя любил,
Но как-то скупое, тайно и внутри себя.
Когда ушла, молчанья узел разрубил:
Прости меня! Клянусь себя, скорбя, любя...

04.06.23 г.

Два следа колеи в судьбе

- Живёшь?
- Живу!
- Поёшь?
- Пою! Но в нотках радости немного,

Лишь проживаю жизнь свою,
Но не вернуть уже былого...

— Ты веришь?

— Верю!

— Помолись!

Излей Отцу свою ты душу,
Пришла что старость — с тем смиришь,
Свой голос внутренний послушай.

— Ты слышишь?

— Нет!

— Так это ж я!

Я говорю всегда с тобою,
Лишь только рассветёт заря,
Ты в мыслях говоришь со мною.

— Хоть прожил жизнь, того не знал,

Что ты во мне, со мной, нас двое!

И я во снах с тобой летал,

Когда был в радости и в горе.

— А помнишь, ты стоял у края,

Я смог тебя отговорить.

Не предоставил благ хоть рая,

Давай всё ж будем мы дружить.

Мы неразрывное едино,

Ведь я живу всегда в тебе,

Что между нас — неколебимо —
Два следа колеи в судьбе.

08.06.23 г.

Запавшей в душу

Я буду радоваться дню
И счастлив, как никто в ночи,
Ведь я уверен, что люблю,
Смотря в блеск глаз, под свет свечи.

Ты моё счастье навсегда,
Господь послал тебя с Небес,
Ты та, ярчайшая звезда,
Что, увидев тебя, я «воскрес».

И ты, для этого, приди,
Как я прошу, ко мне на встречу.
Тебя, красотка, Господи,
Средь миллиона я замечу.

Мы будем счастливы с тобой,
Я в этом и в себе уверен.
Ты мне дарована судьбой,
Что кот, тебе я буду верен.

11.06.23 г.

За семейным столом

Скажи, жена, как меня ты терпела?
Издавая звуки душевной струны,
Я хотел, чтоб со мной ты лишь пела
Арии влюблённых до пепла седины.

Я — ни деспот, ни Отелло-ревнивец,
Но столько вместе мало кто живёт.
Нет, ни трутень я и ни ленивец —
Тружусь и ныне, хоть с арбуз живот.

Да и на жизнь мне жаловаться грех,
Живу, как кот, хоть не всегда и с маслом,
Порою расшибаюсь под орех,
Ну а порой и думать страшно.

За стол присядем, я налью вина,
В честь даты нашей тост провозглашу,
Скажу стихами, как прожиты года,
Чьё имя в сердце, с любовью ношу.

12.06.23 г.

Мой долг перед тобой

Родная, мама, я исполнил просьбу,
Роман о брате вот, перед тобой.
Видимо сложилось так по звёздам
То, что называется судьбой.

Девяносто пять могло быть брату,
Ты, когда ушла, была ещё моложе.
К тем годам военным нет возврата,
Память о которых во сто крат дороже.

Брат твой, не отметив девятнадцать,
Пал геройски на чужой земле,
Ты пережила на семь десятков братца,
Но успокоить душу я не смог тебе...

У изголовья, преклонив колено,
Прошу: прости! Виновен пред тобой...
Я написал роман! Сквозь мрак вселенной
Услышь слова, что смешаны с мольбой.

Роман о брате и тебе, и о войне,
О детстве, юности и подвиге солдата,
И комом в горле, прижившимся во мне,
О том, что плачет о Герое Сам Создатель...

Прости, родная! Виновен пред тобой!
Ты так добра, не держишь зла на сына?!
И пусть с романом в душе твоей покой
Наступит. Ты брата, мама, так любила...

17.06.23 г.

Летят годы

Летят годы, вершатся судьбы,
Вечерний стал тускней закат,
Остаться прежним порой трудно,
Годков же лишних не дают в прокат.

Но в том и прелесть — жажда жизни,
Чтоб на пустое дни не тратить,
И чтоб успеть ещё до тризны
Творить, насколько духа хватит.

Хочу так жить, как в первый раз
Хотел любить я беспробудно
Девчонку ту, на кою пал мой глаз,
Целуя страстно её, в чувствах, бурно.

Летят годы, в воспоминаньях жизнь.
Они теплы, светлы и так душевны.
Господь мне шепчет: «Старина, держись!» —
Благодарю Его в молитвах ежедневно.

17.06.23 г.

Колокольный звон

Мне колокольный звон встревожил душу.
В нём Дух России, златоглавой, мне родной,
Его, что соловья могу я слушать,
Как звон церковный разливается рекой.

В колокольном звоне меди голос,
Православные соборы славят Русь,
Под этот звон с молитвой зреет колос,
Тем, кто на чужбине, навевает грусть.

В колокольном звоне веры благодать,
В нём и радость жизни ко всему в любви,
И с ним полёт души готов я испытать...
Вы, люди русские! Господь всех вас храни!

18.06.23 г.

Нет, я — ни глыба...

Нет, я — ни глыба, но и ни песчинка,
Ни самородок дикий недр породы,
Рождён в местах с названием глубинка,
С красотами шикарными природы.

Рожала меня с братом разом мама:
Мне первому дарован Божий свет,
Стал старшим я, хоть полчаса и мало,
Крик громкий летний разбудил рассвет.

Я рос, крепчал и превращался в камень,
Достиг лишь я того, чего смог сам достичь
И до тех пор, когда наступит «темень»,
Я постараюсь по достоинству прожить.

Духовный мир далёк мой к совершенству,
Я к этому стремиться буду, чтоб венец,
Был не из терна ветви, с души блаженством,
Венчал мой чел, когда у Врат встречал Творец...

20.06.23 г.

«Ревизия» жизни

Память вновь затронет моё сердце
И оно занует, заболит, как прежде,
И приправив рану безразличья перцем...
Словом, так и надо мне за всё невежде.

Я, что было с нами, как вчера, всё вспомню,
Имя повторяя, но не открыв секрет,
Я тебя сегодня с той вот познакомлю,
А ты улыбнёшься со слезой в ответ.

Мы вместе в памяти пройдем весь путь,
Вновь пережив счастливые мгновенья.
Нахлынет волной ненадолго грусть,
Мы пожелаем всем, как и себе, везенья.

Всем счастья пожелаем, добра, мира,
Любовь в сердцах по жизни пронести
И пусть звучит в душе подольше лира,
Чтоб жизнь нам в радость... Господи, прости!

21.06.23 г.

Грусть

Есть момент грусти, пусть в жизни он будет,
Как сладкое с кислым — изысканный вкус.
Грусть быстротечна и вновь придёт счастье —
Счастье надолго, грусть — комара укус.

Грусть выделяет контрастом нам счастье,
Оно становится значимей и ярче,
В сравнении с ним ничтожны все ненастья,
Любовь колоритней, а чувства жарче.

Пусть в нашей жизни лёгкой будет грусть
И, если не горьки, пусть будут слёзы,
И посещает иногда нас она пусть,
В другие дни: любовь, поцелуи и розы.

24.06.23 г.

Поверь в себя

— Суровой к нам бывает часто жизнь?

— Ну, как сказать? Даже не знаю.

Когда жизни ещё имеется смысл,

Все её тяготы я принимаю.

— Но можно ж от тягот жизни уйти,

Зачем нам вступать с ними в схватку?

Гору мы можем вокруг обойти

Или разбить у горы палатку.

— Конечно, можно, чтоб набраться сил,
Направив к цели все стремленья,
И взяв вершину, чтоб увидеть мир
Поверить в себя, развеяв сомненья.

02.07.23 г.

Ромашковое лето

Окунуться бы сходу в прорубь,
Только лето сейчас на дворе.
Над куполом храма парит голубь,
Зной летний нипочём детворе.

Лето-лето! Как тебя мы любим:
Природы расцвет с улыбками женщин;
Зарю с рассветом не проспите, люди,
Чтоб вечер опустился нежно на плечи.

Утонуть так в травах лета хочется,
Нежиться в ласках солнца на пляже —
Вдохновенье — толчок для творчества,
Слоганом трепетным на душу ляжет.

С головой окунуться так хочется в лето,
Слушать кузнечиков песни в степи,
Там, где ромашки нас манят цветом,
Лето поможет любовь нам найти.

07.07.2023 г.

Изменилось время, а с ним нравы

Так, что мы будем расставаться?
Ведь вместе прожито полжизни,
Из-за чего могло так стать,
Клялись мы в верности до тризны.

Вам кто-то скажет: жизнь — злодейка,
В ней планы строить на года —
Бог засмеётся: так себе идея,
Земные браки, что в угоду господам.

Скреплённые же там, на Небесах
По взаимной любви, те — навеки
И даже, если пепел в волосах,
Роднее нету, души — не калеки.

Сидят в обнимку в парке старички,
Того не скажешь, словно молодые,
Они для молодёжи в судьбах маячки,
Уже полвека вместе, что святые.

09.07.23 г.

С внуками в парке

Катя «петли» крутит на качелях,
Приковала всех к себе внимание.
Страховала её бабушка доселе,
А теперь свободы понимание.

Под каштаном, на скамье бабуля,
Я — дедуля, мой маршрут другой:
Внук наш, Вова, носится, что пуля —
Прыток, шустр, с «горячей» головой.

Детский гомон всюду: визги, крики,
Хаотично-управляемый поток;
От фонтана брызги остудили лики,
Мороженное рядом и сока глоток.

По восьмому кругу всё сначала:
Тренажёры, горки и качели,
Детвора восторженно кричала,
Мы ж с бабулей в детство улетели...

Лето! Ах, лето!

Долгожданное лето настало —
Это было вчера, а сегодня?
Середина его, как ни странно,
Циклу года — ни нам так угодно.

Поспешим получить наслаждение,
Лето красное, ты так прекрасно —
Планов в мыслях у нас наваждение,
Только много в них было напрасно.

Пролетит, за ним клин журавлей
В перелёт соберутся дальний.

Лето-лето, душой овладей,
И согрей до блеска сияний.

Лето-лето, порадуй нас всех
Дарами щедро и гаммой красок,
В урожае — рекордный успех
До осенней листвы раскрасок.

Я хочу, чтобы ты не кончалось,
С бархатистым на теле загаром...
Так хочу, чтоб на память осталось
Счастье лучшей поры — твоим даром.

Пережить бы...

Пережить нам бы бурь ненастье
Кровь и беды пожарищ войн.
Разве много нам нужно для счастья? —
Людских страданий не слышать стон.

Пережить хоть бы нам это лето
Да с надеждой, что осень добрей.
Пусть с дождями, туманным рассветом,
Чередой только мирных дней.

Пережить бы нам зимний холод
И эпоху «холодной войны» —
Фронт один — трудовой и кто молод
Планы строить и в зиму вольны.

Пережить бы нам всем лихолетье,
Что творится сейчас пережить,
Чтобы мир не на год — на столетие,
Задач нет тех важнее, чем мир сохранить.

15.07.23 г.

Что же я потерял?

Ощущенье такое, что я потерял,
Только что, не пойму конкретно.
Память, я же тебе всегда доверял,
«Файлы» были твои без грифа «секретно».

Позабыл даже то, что надёжно хранил,
Все пароли и логины напрочь.
Ты в обиде за то, что тебя я бранил,
Думал, память надёжна, сможет помочь.

Годы жизни потеря я безвозвратно,
Но вернее всё же сказать — их прожил.
Что возврата туда уже нет, мне понятно,
Жаль, что текста гимна жизни не сложил.

15.07.23 г.

Душевная «наколка»

Я много не намерен вам тут говорить,
От слов поди будет не так много толку.
Молчаньем негоже, тем паче, морить —
В душе только «выжгу» признанья «наколку».

Не стану деревья калечить ножом
И стены домов исписывать краской,
Не буду и лезть я судьбе на рожон,
Что вор озираясь, ночью, с опаской...

Ты эту «наколку» не сможешь увидеть,
Коль тайну мою не прочтешь по глазам.
Тебя не хочу я любовью обидеть,
Не стоит слушать, что знать нужно сердцам.

Ты не был мне другом

Тем, кого нет с нами
Ты не был мне другом
И не был врагом —
Лемех с отвалом плуга,
Целины взят загон.

Работали вместе
Вдвоём в купаже,
В беседах без лести,
Под вино в мираже...

Всё так было давно,
Много лет тебя нет.
Но порой всё равно
Не найду я ответ.

Почему же так рано
В мир иной ты ушёл:
У родных в сердце рана,
Я в nirвану ушёл.

Без тебя жизнь не та
Не хватает общенья,
Была в детстве мечта,
Но не быть воплощенья.

Мир огромен, но как
Нам порой не хватает
Тех, без коих мир — мрак,
Мысль нож в сердце вонзает...

21.07.23 г.

Я пробираюсь через дебри лет

Сегодня моему отцу исполнилось
бы 96 лет. И столько же лет дому,
отчому дому, который сызнова
слышал плачь моего отца младенцем
ещё, а потом старшего брата и нас,
братьев—двойняшек. Стихи посвящаю

отцу и отчему дому, который я посетил
накануне, буквально вчера.

Я пробираюсь через дебри лет
И через заросли бездушия эпохи
Туда, где жили те, кого уж нет —
Один лишь я остался... в слезах строки.

Отцовский дом, развалины одни:
Как счастливо семьёй здесь жили
Полвека лет назад, нет, больше позади,
Как с братом-близнецом под стол ходили.

Отца качали в люльке подвесной,
К рождению его был дом построен,
А через год дед сад разбит весной:
— Вот, сын, наш корень! Внуков ждать намерен!

Отец в семье был сыном младшим,
А стало быть, остался на корню,
Опорой деду и повышен «чином» —
Главой семейства, что узды коню.

И внуки появились, трое нас,
О, Боже, как давно всё это было.
Я уберечь не смог, родные, вас,
В развалинах дома время застыло.

Прошло счастливое здесь наше детство,
Глубинка родная и сердца боль.

Остался дом для времени в наследство,
Смотрю я на него и в жилах стынет кровь.

И жизнь проходит вся, что кинолента,
Я стон душевный заглушил с трудом,
Давно я скорби не испытывал момента:
— Прости! Прощай, родимый отчий дом!

22.07.23 г.

Второе дыхание

Вся вина моя в том, что немного я стар,
Приговором не стал всё же этот порок,
Просто жить я чуть-чуть подустал,
Но в суждениях вот-вот зародится пророк.

Не молод уже и здоровье шалит
Изрядно в работе хомут натёр шею,
А дух мой не сломлен, глыба, он — монолит,
С идеями в корне, я в лучшее верю

Педагогом-наставником быть суждено.
Не модель я, не нравлюсь кому-то,
Но крепчает с годами не только вино —
Второе дыхание открылось, как будто.

23.07.23 г.

Весточка

«Прилетела» весточка из дома.
Сколько же нам нужно для того,
Чтобы знать — все живы и истома
Вмиг пройдёт, а с ней тревога...

Если далеко мы — сердце ноет,
За родных волнуемся своих.
Голос же любимых успокоит,
Позитивный вмиг родится стих.

Какое это благо — телефоны,
Раньше не «мобильно» жили мы —
Проводные редки перезвоны,
Счастливо, без «трубок» кутерьмы.

29.07.23 г.

«Морской оттенок»

Что для меня день ВМФ?
Кусочек жизни, он в три года,
В учебке с мамою портрет,
Не лезет на меня та форма...

Три года службы и вся жизнь
Приобрела морской оттенок:
В тельняшку врос, пусть то — каприз,
Но лучше так, чем в плесень, верно?!

Для военмора этот день,
Как день рождения души,
Морской души и мне не лень
С обоими в себе дружить.

Душа морская — образ жизни,
Порою так берёт тоска,
По морю, службе и до тризны
«Штормит» мне память у виска...
31.07.23 г.

Внукам

Вы увидите море, буду этому рад.
От меня передайте с поклоном привет
Для любимых внучат лучше нету награда,
Чем увидеть над морем чудный рассвет.

Обласкает пусть ноги морская волна
И восторг испытав от наката прилива,
На песочке загаром тронет солнце сполна,
Добродушно вас встретят виды залива.

Получайте в подарок тепла позитив,
Улыбки, восторги и детскую радость.
Безгранично я рад, что услышу мотив
Шума моря в ракушках, о коем мечталось...
02.08.23 г.

Алевтине

Виртуальному, но верному другу

Алевтина, я в восторге!
Вам сегодня двадцать пять?!
Как ни глянь — краса в итоге,
Каждый это должен знать.

В дружбе лучшую не сыщешь,
Розою цветёт душа —
Будет вам сказать нелишне,
С трепетом при том дыша.

Вам здоровья и достатка,
И, как есть сто лет цвести,
И любовь всю без остатка
Выпить, позитив нести.

Счастья, мира и добра,
И во всём, всегда везенья,
Вы, такая вот — одна...
Поздравляю с Днём рожденья!

«Империя»

Российской ты была империей
Накануне Советского Союза,
Вся обшитая красной материей,
Ленин был для поэтов музой.

Ты была безгранично могучей,
На тебя покушаясь, боялись.
Жизнь народов не мёд, но кипуча,
Трудно было, но пели и смеялись.

И вставали, что братья на битву,
Поубавить чтоб спесь басурманов;
Под церковный звон читали молитву,
Гнали прочь шведов, немцев и панов.

Империя распалась и уже давно,
А стало ли лучше, решать вам самим,
Защитницы роль России осталась,
Благодаря ей — биполярный мир.

Что донор безвозмездно помогала
Всем, кто нуждался, а как же эСЭНГЭ?
Как полегчает — в сторону «тумана»,
Здравши нос и брешь пробив в «ковчеге».

«Друзья» нам зубы скалят, а за спиною нож,
Их правда с враждебностью обмана,
Поступок на предательство Иуды схож
И выгодно для своего кармана.

Россия, испытала ты немало,
В серьёзных испытаниях сейчас.
Империя Союза, если бы ты знала,
Распалась бы тогда, под пафос фраз?!
06.08.23 г.

Мечты, их исполнение

Мечтал я в детстве к звёздам полететь,
А в юности романтика морская
Связала с ВМФ, глубин приоритет
Оставил след в душе, её лаская.

Любовь к земле не обошла меня,
Я помню запах зрелого зерна.
Призвание к технике, «с пупка» маня,
Над всеми взяло верх... комбайн и хлеба.

Пора пришла, что знаю — поделиться,
Я — педагог, не просто, а наставник,
В душе, чтоб знания и опыт могли слиться,
Любовь к профессии — строка заглавна.

А, может, хватит? Творчеством займусь,
Ведь в нём — бескрайние просторы.
Духовное важнее, я же помолюсь:
Мечты исполнены, остались разговоры.

08.08.23 г.

Жизненный компас

Мы стареем, и вы нам поверьте,
За узды не сдержат наше время.
Не во вред коли, рюмку налейте,
Да и вновь на коня, ноги в стремя.

А коль выпита бочка, извольте
Почивать день за днём на диване:
Не справляюсь с работой — увольте,
Дальше жить в пенсионном мне сане.

Мы стареем, что так, к сожаленью,
К счастью, есть и заботы у нас,
С ними полный букет наслажденья —
Наши славные внуки, что жизни компас.

09.08.23 г.

Не осуждайте меня, люди

Не осуждайте меня, люди,
За то, что сам себя кляню.
Вам от того же не прибудет:
Примерить я решил вину.

Не буду Бога беспокоить,
Пока не разберусь в себе,
К Нему бы «мостик» мне построить,
Чтоб черни не было в мольбе.

Не стану я Тебя тревожить
И путаться у ног Твоих.
Смогу я буйства сам «стреножить»,
Порыв — не буря, к счастью, стих.

17.08.23 г.

Преображение Господне

Бирюзово-безоблачное утро,
Подъём душевный, позитив
И мне особенно уютно —
С небес божественный мотив...

Не уж-то Ангелы запели,
Чтобы Великий славить Спас.
Их подхватили птичьи трели,
Святой же ореол угас...

Преображение Господне, Спас —
И не простое, а во Славе,
На муки был готов Он ради нас...
Христа не славить — мы не вправе.

Богоявление Христа во Славе,
Сына Бога, всего в ореоле,
Молебнами мы славим в храме,
Был послан Он по Божьей воле.

Грешная жизнь идёт чередой,
Мы забыли давно про каноны...
Вторым Пришествием, Собой,
Господь укажет на венец короны...

19.08.23 г.

«Хвала рукам, что пахнут хлебом!»

В колосистой ниве перепел пропел,
При подъёме солнца на востоке.
К рекорду урожая сделан был задел,
Хлеборобами, зерном на ток, потоком.

Тот дается урожай трудом и потом
Трудяг полей от зорьки до зари,
Ведущих корабли по ниве флотом,
Кто у непогоды выиграл пари...

Ещё три месяца сезона трудового
И ждёт ещё земля, с вниманием, ухода.
Желаем хлеборобам духа боевого,
Добротных урожаев, рекордов и побед!

20.08.23 г.

Летнее утро

Проснулся, осмотрелся — я живой!
И радуюсь тому, а как иначе?
Всего важнее — дружба с головой,
А «старая с косой» пусть плачет.

Оцепенение прошло, сломался ступор
Как в детстве захотелось мне летать.
Мысль эта кажется вам глупой,
Но жизнь прекрасна, незачем роптать.

Хоть я — старик, но как мальчишка,
Желая пробежаться по росе,
Вскочил на ноги... Господи, одышка...
А лето красное в своей красе...

21.08.23 г.

Наш обитель

Акация цветёт! Как так возможно,
Ведь конец лета, осень «на носу»?
Природу нам понять порою сложно,
Трава, что в мае прёт, готовь косу...

Свирепствуют по миру катаклизмы:
Пожары, катастрофы и потопы.
Не для остратки эти афоризмы,
Мир обезумел — факт — не фотошопы.

Восстал наш шар земной против людей,
Грозит «слететь с катушек» вся планета,
И стали люди агрессивнее зверей,
И чётко видна темень от конца света.

Надежды нет, к нам не придёт Спаситель,
Самим планету нужно нам спасать.
Земля для всем пока ещё обитель,
Самим, её губя, не стоит погибать.

26.08.23 г.

Истина и ложь

Вам моё мнение немногим интересно.
Скажу я больше — не нравится совсем,
Не вам коль лесть та, как известно,
Лесть, что бальзам, была б приятна всем.

Но я — такой, и лебезить не буду:
Хотите — принимайте, а хотите — нет.
Отца я наставленья не забуду
И строго соблюдаю данный им завет.

А мир наш грешный «заливает» ложь,
Неправду преподносят нам за святость.
А ты, лгунишка, святыни-то не трожь —
Лишь истина приобретёт крылатость.

28.08.23 г.

Смысл жизни в чём?

Вот так и проходит вся наша жизнь
В рутинной, ежедневной суете.
А главный в чём тому есть смысл,
Тот лишь знает, что был на Кресте.

А действительно, в чём жизни смысл?
Кто-то скажет, найти в ней счастье
И, быть может, придёт даже мысль,
В аванюре принять участие...

Авантюры же бывают разными:
Дерзнёт кто-то покорить весь мир,
А, другой, стихотворными фразами
Его без войн покорил, он — кумир.

От добра у кого-то трещат закрома,
Олигарх всех круче — он и недр владелец,
Банкир и бандит, по ком плачет тюрьма,
Он в наживе мнит смысл, её делать умелец.

Но кто-то видит смысл жизни и в другом,
В нетленном и возвышенно-духовном,
Ведь мир прекрасен, осмотритесь кругом,
Дарить добро — смысл жизни, благородно.

08.09.23 г.

В благодетели заявка

Не буду плакаться на жизни все проблемы,
Есть кров, семья и заработан пенсион.
Порою, не хватает и щипят лоб дилеммы,
Живу я дивной «розой», ухожен, что пион.

И всё, как будто ладно, без виражей крутых,
Побыть на равных с внуками так велики соблазны,
Средь важнейших вопросов и хлопот пустых,
Мне б дух их защитить от бесовства заразы.

Не буду плакаться и боль зажав в кулак:
Прожил сей день — хвалю за это Бога
И попрошу «Дай сил!», коль попаду в просак.
Когда со мною Бог, путь лёгок до итога.

О, как неповторима и прекрасна наша жизнь
И даже боль даёт миг осознания,
Что не богатство — главный в жизни приз,
А вам, как благодетелю, в миру признание.

Марии Коноваловой

*Другу, преданной читательнице
И замечательному человеку*

Восемь лет жизни и столько же дружбы
С той, коей от медиков зачитан приговор.
Женщине стихи мои, казалось, будут чужды,
А случилось, что лекарство, души в них разговор.

Десятки облучений всего лишь для одного,
Чтобы роман прочесть мой весь до корки.
Я верил, ждал, молился за неё не для того —
Чтобы жила без слёз и болей горьких.

Она страдала, но ждала все ж продолжения,
Того бальзама, кой ей виделся в стихах,
Две трети года по больницам, без движения,
Хоть я надеялся, гром грянул в небесах.

Не стало друга, золотого человека,
Не телом, что страдало, золотой душой:
Бог прекратил страдания, свеча затухла века,
Не поддержал стихами я, виновен пред тобой.

Такого, как она, мне друга не найти,
Её в душе моей и сердце место свято,
Что заняла она, шли вместе по пути...
Я верю, Машу встречу на небесах когда-то.

11.09.22 г.

О Марии Коноваловой

Царствие Небесное светлой души человеку

Кто-то может сказать: «счастливый ты человек! Имеешь 1500 друзей...», — увидев эти данные на моей страничке в ОК. Я отвечаю, что я счастлив, что знаком с 10—15 теми из них, которыми очень дорожу, хотя с большинством из них даже лично, а не по переписке не знаком.

Одной из них, Марией Коноваловой я был знаком 8 лет. Много это или мало?! Несмотря на то, что мы общались очень мало, между нами существовала невидимая связь. Мне кажется, что, когда я думал о ней, она читала мои мысли и наоборот. Мы общались телепатически.

Мы не доставали друг друга открытками и подарками, потому что я не люблю «нежности телячьё», льющиеся потоком от некоторых дам и ты, скрипя зубами

шлѐшь «ответку», получая не удовлетворение, а раздражение. Маша была душевным человеком, с очень чувствительной душой. Еѐ редкие сообщения были тёплыми и душевными, без лести и лицемерия, сердечными благодатно и ненавязчиво подталкивали меня на творчество, на новые и новые стихи, которые она с нетерпением ждала.

Мои стихи и первый роман, который она прочла, давали ей жизненные силы, по еѐ же словам. Справедливости ради хочу сказать, что она дружила и с самыми близкими моими друзьями-поэтами, успевала читать и их стихи. И стихи для еѐ уставшей души и больного страшной болезнью тела были одним из самых действенных лекарств.

Коварная болезнь делала своё дело, и Маша проводила в больнице большую часть жизни. Как она хотела жить, как любила жизнь, описать невозможно. Я не помню, когда она призналась, что больна онкологией, объяснив причины длительных перерывов в общении. Я после этого свежие сборники стихов отправлял для неѐ через дочь, так как она дома была уже очень редко. Но только один из них Маша приняла, как подарок, а за остальные, не поддаваясь уговорам, как только появлялась возможность отправляла на мой «Яндекс кошелѐк», даже тогда, когда я потерял к нему доступ. Маша, Машенька! Ты говорила: у меня есть деньги на это душевное лекарство, ты пиши и издавай книги... Ты их читала даже тогда, когда врачи запрещали и телефоном пользоваться и книги читать. Это было для тебя, как поток родниковой воды в пустыне

или воздуха, после предельно-долго пребывания под водой, на пределе возможного.

И ты жила, а я радовался и ждал, когда получу сообщение: я дома! — или, — начала читать твою книгу... И такие теплые, от души комментарии и слова признательности, и благодарности с пожеланиями и оценкой, что мне становилось даже неудобно и, читая, я краснел, а между лопатками спина чесалась — «вырастали крылья». Шучу, конечно. Но творческие люди знают, что значит поддержка, дающая уверенность и силы в творчестве.

Мы поддерживали друг друга, хотя Маша в моей поддержке нуждалась больше. И я старался, насколько позволяла моя грешная, но ранимая душа делать. Я не помню уже, их-за своей склерозности, когда она впервые узнала о диагнозе. В июле 2018 года Маша мне призналась: «Позади 18 химий, но к Богу рано мне еще с повинной...». И она жила и боролась, и сколько этих самых «химий» перенесла — уму непостижимо. Такая сила духа дана немногим. Маша, 50 лет, проработавшая педагогом, до конца жизни сохранила такую редкую человеческую душевность и жизнерадостность, желание жить и любить прекрасное.

Спасибо дочери Ире, медику по профессии, за то, что она делала ради мамы и одновременно была «связной» Маши со мной!

Маши не стало после Нового года, 27.01.23 года. Я никогда не забывал о тебе, но написать решился только сейчас. Прости меня Маша, если было что-то

не так! Ты была примером стойкости человека и преданности в дружбе.

Царствие Небесное тебе, Маша, дорогой, светлой души человек!

Со скорбью и комом в горле от потери друга, Александр.

12.09.23 г.

Бойцам-героям

Бойцам-героям посвящают стихи,
Напишут песни, повести, романы,
В окопах кто страдал не за свои грехи
И жизнь отдал, страны «латая раны».

О тех героях позже снимут фильмы,
А вдовы долго будут горевать.
С их духом, запредельно сильным,
Врага любой ценой нам побеждать.

И ежедневно в бой идут бойцы,
Их мужество и дерзость беспредельны,
На душах православных кровоточат рубцы,
Герои, как один, сыны России верные.

Мы патриоты и сынов поддержим,
Ох, если б не было посмертных тех наград.
Награда маме — сына обнять прежде,
И на Победы проводить парад.

Криница

Через речку к кринице мостки,
От криницы к мосткам шли девицы:
На коромыслах ведра легки
И с румянцем у девушек лица.

А в реке этой вод по колено,
В ней тела распластав, что лягушки,
Наслаждались парнишки ленно.
Их улыбкой встречали подружки.

Осмелев, те подплыли к мосткам,
Озорно заглянуть чтоб под юбки,
Ведь так сладостно таинство там,
И серьёзно, и ради же шулки.

Опустив ведра вмиг на мосток,
И под визг, неожиданно быстро,
Был девицы поступок «жесток» —
Родниковой воды душ «монистом».

— Поцелую того кто жаждит помочь?
Может ты или рыжий-чумазик?
«Смельчаки» мигом бросились прочь,
Оставляя шлейф брызг и грязи.

Вечерами, с концертом лягушек,
На пригорке подпев — хор сверчков.

У криницы, одной из подружек
Щедро парень дарил светлячков.

Шли обратно по лунной дорожке,
Их встречали со скрипом мостки.
Не прочесть судеб их на ладошках,
Только чувств зародились ростки.

Ковры не нужны мне под ноги,
Пройтись я хочу по траве.
Ведь в детство ведут те дороги,
Асфальта, где нет на земле.

Седина и года — не помеха,
Ведь душа, как тогда, молода.
Из глубинки, хоть я и уехал,
А душою всё же там навсегда.

13.09.23 г.

А внук мой носит галстук

— Мой внук, как и дедушка, галстуки носит...
— Небось, он начальник? По чину прикид...
— Да, нет — первоклассник. Учитель, как просит:
«Сними, Вова, жарко» — «Положено так! Как же
вид?!».

Фуражку с кокардой, но не набекрень,
Носил я ботинки и брюки из шерсти,
Гимнастёрку-суконку под широкий ремень,
И в жаркий день — не теряй школяр чести.

Терпел я и брат мой, другие смеялись,
Ходил кто без формы, ну как «босота».
Когда в школу шли, в спины нам: «Офицеры!»
Мы счастливы были, пример всем, красота!

Лишь к третьему классу костюмы «на вырост»
Нам стали малы и ботиночки сбились...
«В них играли в футбол?! Ну скажите на милость...», —
Развела руки мать, слова в память вонзились...

— Внук, а ты не смотри, как одеты другие:
Ты умом не обижен, а в костюме — «жених».
Языки ты не слушай, от зависти злые,
Пошипят и затихнут... Ты же круче других!

Мой внук в костюме, смотрите — красавчик!
И выправкой — воин, как есть — офицер!
Учись, внучок, и счастлив будь, мой мальчик,
Я счастлив, не «на вырост» что костюмчика размер...

13.09.23 г.

Тем, кто узнал тут себя

Что шкуру убитого зверя,
Под ноги свои бросая меня,
Хотели бы вы, свято веря,
Что станете круче, а зря.

Ведь шкура убитого зверя
Не вставит в башку вам ума:
С уратою, эта потеря
В ногах даже вам кутерьма.

Она по ночам будут снится,
Те люди, кого загнобили.
Вам лучше «отстоем» слиться,
Кошмары чтоб вас не убили.

Вам крест золотой не поможет,
Дубовый же несть нужно крест.
Душа от грехов раз не гложет,
Бог в гневе, свинья может съесть.

Вы хотели меня втоптать в грязь,
Стали сами на свинок похожи.
За напраслину цепкая связь
Грязь прилепит на ваши же рожи.

Ну, а тем, кто узнал тут себя
Пожелать вам хочу: помолитесь,

Не горит раз под вами земля,
Поскорее со всеми миритесь...

Не свинья всё же вас родила,
Когда трудно, зовёте «мама!»,
Человеком, чтоб стали ждала
У икон, со свечой внутри храма...

15.09.23 г.

Старые кости хрупки, дух не сломим

Я кажусь иногда мягкотелым —
В вас желанье меня раздавить,
Возомнить чтоб себя таким смелым,
Статус труса на героя сменить.

То, поверьте — пустая затея,
Если кто-то посмеет, утонет в крови
Или, от злости свой яд не жалея,
В свой же «капкан» головой угодит.

Добродушный ко всем, то — не спорю
И с открытой душой я всегда,
Но один все ж секрет вам открою —
Не сломать вам меня ни за что, никогда!

15.09.23 г.

Снова осень

Снова осень — слова, что клеше:
Грусть — кому-то, кому-то — радость.
Жизнь идёт, но в другом чуть ключе,
Но красоты её — душе сладость.

Кто горюет за летом, можно вернуть,
Хоть с названием странным — бабье.
Там будет экскурсии краток путь,
Но эмоций избыток на этом этапе.

Прекрасна природа в осеннем наряде:
Невесты-берёзы, женихи-тополя,
Калина кумач развернула в параде,
Ковром самотканым покрылась земля.

Мне же осень в радость вдвойне,
Вдохновит позитивом, надеюсь.
Я с нею, подругой, на «ты», наравне,
Что взаимны чувства, надеясь, верю.

17.09.23 г.

Гуру

Моя фактура многолика,
Объединяет в ней одно —
Моё нутро — «лапти из лыка»,
Душа — хрустальное стекло.

Что в храме, нараспашку двери
Открыл я миру, но не для утех.
Скуля, в неё заходят звери,
И честной люд, и знавший грех...

Кто за душою держит камень
И тот пытается войти,
И тот, на сердце кого пламень,
Больной и сбившийся с пути.

Я не священник же, конечно,
Но выслушать смогу, поверь.
Решенье примем мы неспешно,
Без травм души, и без потерь.

— Ты в том уверен?! — спросит кто-то.
— Нет, не уверен, но желанье
Помочь всем очень велико,
Господь мне озарит сознание...

Он с верой в душу мне вложил,
С терпеньем, благи начал,
Свой опыт жизни, что прожил,
Добавлю, чтоб наглядней стало.

И в искренность мою поверя,
Ты скажешь мне, как на духу:
«Мне надоела шкура зверя...
Стать человеком я смогу!».

20.09.23 г.

Мой долг святой

Сегодня, батя, день рождения твой,
Но не земной, а в Царстве Вечном.
Ты рано так ушёл от нас, родной,
Я память о тебе храню, сердечный.

Ты смотришь на меня, взгляд неподвижен,
Но понимаю, что хотел сказать.
К тебе так был я, как никто приближен,
Скажу всю правду, ты учил не врать.

Луч солнца осветил лицо на фото,
Я вижу, что ты, батя, улыбнулся —
Ты так мне рад?! Благодарю за это!
Я вновь души твоей коснулся.

Хоть понимаю — это невозможно,
А как мы раньше говорить могли...
Что не сказал тогда, ещё не поздно,
Ты меня слышишь, в небесах, в дали.

— Идти я должен, батя, до свидания!
Один твой сын остался, я, живой
И пока жив, к тебе моё внимание —
Есть долг святой, батяня мой!

21.09.23 г.

Растяпа

Ты меня заставила плакать,
Не от горя — от счастья любви.
Может быть, мне тебя засватать?
Пылки в поцелуях так уста твои.

Может быть пора мне признаться,
Как люблю я тебя, но стесняюсь...
Пока ты не решила расстаться,
Третий год уж с тобою встречаюсь.

Все подруги твои вышли замуж,
Вертихвостка Галина, та — мама.
Ну, а Танька, разбив Светке пару,
На мужа «хомут», проворная дама...

Я молчал, а она лишь вздыхала,
Кареглазый взгляд в речку роняя,
Но затем, встрепенувшись, сказала:
— Ждать признанья устала, мечтая...

О судьбе ты не думал нашей
Или края сей «песни» не будет?
Слёз страдания выпиты чашей
И молва по селу, словно бубен...

— Пробил час, снят обет терпенья,
Благодарен судьбе за начало,

С ним все канули прочь сомненья —
Я готов, сердце биться устало!

Ты прости, что такой, дорогая!
Предложение тебе сделать должен:
Будь моей! Я люблю! — так, сгорая,
Сделал шаг, нерешительно, сложный...

Мы, обнявшись, навзрыд оба плачем
И, от счастья, ручьями слёзы
Омыляют лица и души, тем паче...
— Ну скажи мне, растяпа, а где же мне розы?!

23.09.23 г.

Осенние рассветы

Как осенью рассветы нетипичны,
Они неповторимо так красивы,
Что девы грациозны, фееричны,
На листья золотых росой плаксивы.

А солнце, что багрово-грузный шар,
Лениво распрощавшись с горизонтом,
Заулыбавшись ярким светом «фар»,
На мир наш наступало благим фронтом.

Сию красу зовём мы бабьим летом,
И как её возможно не любить?

Так мир залит блаженства ярким светом,
Что я хочу душой её испить...

27.09.23 г.

Красота

От глаз нельзя вам спрятать красоту,
Ни шторой, ни забором или грязью.
Она возьмёт признанья высоту,
На подиум взойдёт, ступая «вязью».

Красотку, хоть измажь, одень в рваньё,
Краса пробьётся, ослепив собою,
У крали крашеной сорвав враньё,
Для многих станет желанною мечтою.

Пробьётся красота и из темницы,
С ликом божественным осветит светлячок
Отраженье горьких слёз девицы,
А принц увидит, под бой сердца, маячок.

Как ваша, девичья, безгрешна красота:
И натуральна, как святой родник,
И счастье — ваша исполняется мечта,
И мир спасёт, да и соблазн блаженств велик!

30.09.23 г.

Осеннее лето

Ты теплом нас с объятьями встретишь,
Чуть помешкав, уйдёшь ненадолго,
А с восходом, лучом путь наметишь,
Заглянув в окно к нам игриво, задорно.

Весь сентябрь держало лето права,
Всех лаская душевно и бескорыстно:
Осень в бок толкая: «честь же знать пора?!» —
Так «по-бабьи», улыбкой лучистой.

Но не бабье ещё — осеннее лето
Целый месяц уже нам дарит тепло.
Прощенье у осени просим за это,
Нам так лето приятно на души легло.

02.10.23 г.

«Богатые тоже плачут»

Я всем обязан, всем спешу помочь,
Забыв о личном, важном, о своём,
В любое время суток и в глухую ночь
В дверной влетая впопыхах проём.

А мне с улыбкой: «Посиди со мной.
Хандра взяла, с ней самому никак.
Так холодно душе и в летний зной...
Целитель ты души, в ней кавардак».

Я улыбнусь, хотя и не в восторге,
И жизнь прожил, но чтоб ответить — «нет!» —
Я не могу, и сердце вновь в тревоге,
«Страдалец», ждёт в надежде мой совет.

Что Чип и Дейл спешу на помощь,
И не могу я поступить иначе,
Ведь я же — не бездушный овощ,
Душевно нищий, хоть богат, но плачет.

04.10.23 г.

Героям ВОВ 1941—1945 гг.

*В лице дяди, Василия Домашенко,
всем павшим в боях за Родину*

Ты мог прожить бы жизнь всю до конца,
И в путь последний проводили б внуки,
Но прожил ты недолго до смертного венца,
В бою пав юным, без предсмертной муки.

Тебе лишь было восемнадцать лет,
Германская земля у ног твоих лежала.
И завтра — уже март, в конце тоннеля свет...
И, мать, о том узнав, у образов рыдала.

Душа твоя влилась в клин журавлей,
Как миллионы павших на войне в бою,

Парит неспешно над просторами полей —
Ты вновь на страже мира, в боевом строю.

05.10.23 г.

Леониду Северу

Поэт, организатор — соль земли,
Второго, вот такого, я не знаю:
Объединил народы, что в море корабли,
В семью славян... душою я страдаю...

Я не был ему близок, он не был другом,
Но уважал, был не как все — примером.
Был прост, душевен и при жизни нимб
Себе не вешал, не дружил с химерой.

В словах «он — пуп земли!» на йоту пафос,
Вокруг него вращалось всё и всяк,
В порядочном движении — не хаос,
В прекрасный мир луч света — не пустяк.

Коллеги по «Степи», всё Примиусье,
Друзья из Беларуси, Адыгея
И «Дружбы берега», все в скорбной грусти...
С поклоном низким к изголовью, я...

09.10.23 г.

Моя любимая!

Всё же осень к нам пришла,
Потеснив собой лето,
Элегантно, без марша вошла,
В октябре, холодным рассветом.

А кто тебя задержал,
Кто посмел чинить препоны?
Час осенней поры настал,
Тебе, осень, поклоны.

Лето-красно, всех чаруя,
Увлекло, девой, за собой,
Дни прекрасные даруя,
Часы осени дали сбой...

Ты, осень, к нам пришла
И мы тебе, конечно, рады.
Открыла двери, ключ нашла
От гардероба, где наряды.

Вот и вступила ты в права,
Красивая, капризная.
Виновато краснеет листва,
Роскошная и стриптизная.

Здравствуй, осень моя!
Здравствуй, шаловливая!

Я люблю, как невесту, тебя!
Осень — моя любимая!

Минное поле

Нам жизнь расставила кругом капканы,
Мы их пытаемся, конечно, обойти:
Попал — пропал, а не попал — дорога в паны,
Везучики так смогут и на трон взойти.

Ещё страшней, когда на минном поле,
Стоишь ты в эпицентре, а кругом враги.
Проделки бесов не по Божьей воле,
С душой в полёте мы ставим сапоги.

И звон в ушах, мы слышим каждый шорох,
И стук в висках, что колокольный звон.
Мы выйдем там, где ждать не будет враг,
Чтоб с минами «минёров» гнать в Белый дом.

Уверен, до конца пройдя по полю,
Обрушим на своих врагов народный гнев,
Где удаль, мужество, дух русский, волю
В кулак единый всё собрать сумев.

Откуда сила духа? У нас то от дедов,
Те в сорок пятом фашизм рже победили,
Чтоб мы, как раньше, со цветением садов,
Знамя Победы с триколором водрузили.

Вторая молодость

Моя вторая молодость во внуках,
По лужам с ними мне бы пробежать.
«Что старый, что малой», — по слухам,
Так схожи, я вам так хочу сказать.

Пока я с ними, не могу стареть,
Нельзя стареть, наложено табу.
Отстать от них, чтоб от стыда сгореть —
Нет, не могу, что силы есть, гребу...

Вторая молодость — она прекрасна,
Осознано чтоб детство вновь прожить.
В душе задора искра не погасла,
Так хочется наследников любить.

Простите меня внуки, если что не так,
За то, что влился в вашу я ватагу.
Коли без вас, вся жизнь моя — пятак,
А с вами, мушкетёр — я: «Шляпу! Шпагу!».

Вторая моя молодость во внуках,
Её достойно должен я прожить
И не они, а я на их поруках...
Спасибо, внуки! Как вас не любить!?

12.10.23 г.

Уже не дружба, то — любовь!

— Вот я возьму тебя и поцелую...
Ты оттолкнёшь, с обидой на меня?
Не нагло, не ломясь напропалую,
Хочу обнять тебя за талию, любя?!

Возможно, не позволишь, только зря,
Ведь обижать тебя мне нет резона.
Когда уйдёт во тьму вечерняя заря,
 Попроше будь, не vip же ты персона.

Ты засмеялась громко и задорно,
Лицом уткнувшись после в мою грудь.
Затем притихла, выпрямилась гордо,
Поцеловала быстро — я растаял тут...

И я стоял растерянный секунду,
Обнял за плечи и начал целовать.
Ту, счастья эйфорию не забуду
И с нетерпением ответа буду ждать.

Хотя, уже ответа и не нужно,
По взгляду томному я понял со слезами:
Любовью называю то, что было дружбой,
В глазах прочёл ответ, что выльется словами.

13.10.23 г.

Вам, Бабулечка моя

Я помню теплоту, бабуля, Ваших рук,
И пирожки с повидлом и картошкой.
Не счесть в судьбе тех нестерпимых мук,
В душе, скребут что постоянно кошкой.

Я помню, как Вы плакали, но не навзрыд,
А тихим души стоном, вздрагивали плечи,
Забившись в уголок, не вынося на вид,
В молитвах просьба — со Всевышним встречи.

Вмещала всех Ваша душа в том хрупком теле,
Где сердце с пламенем и ярким светом Данко,
И няня наша, и в хозяйстве на пределе...
И хлеба из печи душистая буханка.

Все звали бабушку на «Вы», с уваженьем,
Внуков с пелёнок заботой своей окружив:
В платочке каждому было угощенье...
Морщины на лице, рельеф труд наложил.

Твой светится лик и с надгробного фото
Да святость исходит, то мира души
И пусть упрекнёт меня в вольности кто-то,
Витают блаженство, мне спокойно в тиши.

Ты рада визиту, желаешь спросить,
За сорок пять лет утекло столько вод...

Я ж у тебя хочу прощение просить
За то, что не был рядом... и рухнул небосвод.

14.10.23 г.

Прощай, великий аксакал!

Александр Ивановичу Ярошенко

Я звал Вас, тёзка, аксакалом
За ум, за мудрость, позитив.
Душевым обладал накалом...
Перегорев, собрал весь коллектив.

Научный гений, сибиряк,
Облюбовал он наш посёлок.
Был молодым он, что маяк
И в настроении весёлом.

Как собеседник — интересный,
Был человеком компанийским,
Рассказчик, как никто, чудесный,
С богатым опытом житейским.

И вот, Вас нет, коллеги, тёзки,
Простой, но с даром человек.
И плачут листьями берёзки,
Что так короток был Ваш век.

Всегда Вы были мне примером,
За что сердечный Вам поклон,

Для дам тактичным кавалером
Был... и аксакала пуст стал трон.

Ваш трон, как память, свято пуст,
У нас таких, достойных, нет.
Сменили слёзы нашу грусть,
В конце тоннеля жизни вечной свет.

Осенняя вуаль

На осень большие я планы не строю,
Ведь главное, чтобы она была доброй,
Что бабушка к внукам, ко мне — чуть поостроже,
Я, ей, что ровесник, не будь лишь суровой.

Хотелось, конечно, мне быть с ней на равных,
Но она столь прекрасна и для многих желанна.
Будем все наслаждаться в моментах всем славных,
Получив позитив от тебя, от души, без обмана.

Осень — сваха, невеста, подруга, жена,
Лишь порою строптива, но всегда элегантна,
Касок ярких палитра, дум-фантазий полна,
Музой в лире, картинах и эмоций волна.

Я на осень давно уже планы не строю,
Но не скрою, влюблён давно, безнадежно.
Я секрет вам один лишь сегодня открою —
На свиданье иду, но в душе так тревожно.

День сегодня прекрасен, да и ты, что невеста,
Мне прогулка — за счастье, божественный рай.
Поддержу я тебя в оказанье протеста
Приближенью зимы, сохранить ей вуаль.

16.10.23 г.

«Хождения по мукам»

В ежедневных хождениях по мукам
Получить можно только инфаркт.
По досель непроверенным слухам,
Что родились на муки — есть факт.

Нас и мама рождает в страданиях:
Радость, счастья восторг — всё потом.
Нам блаженства — не дар, а в стараниях,
В трудах и заботах, под Божьим «зонтом».

Родятся порою в «рубашке», но чаще
Даются все блага в упорном труде.
Хоть комар пропищит: «Я — царь!» — властно,
Если лев заревёт, быть точно беде.

Говорят, коль родился в «рубашке»,
То купаешься в благах всю жизнь:
Царь зверей он, комар, на бумажке,
Ты в реалии жизни вернись.

Даны Богом нам всем испытания,
Их пройти мы достойно должны,
Приложив силы все и старания,
Сила духа и вера на то нам нужны.

19.10.23 г.

В твоём плену

А мне в твоём плену вольготно,
Спокойно, благодатно на душе.
Я прижимаюсь к тебе плотно:
Ты томно дышишь в неглиже.

Ты не носила дорогих нарядов
И я был паренёк простой,
И, прячась от недобрых взглядов,
Твоею наслаждался красотой.

Так мне в плену твоём уютно,
Блаженство опускается с небес
И счастье наяву, не смутно,
В мире влюблённых — не повес.

Повелевай же мною, я твой пленник,
Исполню тут же, не переживай,
Что пламенем душе не будет тленно...
Люблю тебя безумно! Так и знай...

20.10.23 г.

Память

В потере памяти есть, конечно, свои плюсы,
Плохое при этом если б напрочь забыть.
Забыть бы страдания, чтоб не было грусти,
И чтоб не хотелось по-волчьи нам выть.

Но есть же и минус — забудем хорошее:
Поцелуй любимых и улыбки друзей.
Бесцельно бродить — не резон по пороше
И строить бордель, развалив Колизей.

Почему мы не можем забыть всё плохое,
А лелеять хорошее, преумножать?!
Духовный, вера с молитвой — благое,
Память поможет: жить, любить, побеждать.

Добрую память нужно о себе оставить,
А чем согрешили, то на Суд взять с собой,
Тогда нас помянут, добром будут славить,
Склонив низко главы, за наш вечный покой.

21.10.23 г.

Вернись!

Как-то странно всё это,
Я понять не могу:
Поцелуй под запретом,
Следы врозь на снегу...

Хорошо было вместе
И мне трудно понять,
У меня кто невесту
И любовь смог отнять.

Краше не было пары,
Связи кто смог порвать?
Что за мерзкие нравы,
Ты послушала мать?!

Возвращусь я весной,
Возвращусь под дождём,
И с осенней росой,
Пав на плечи плащом.

Прилечу я на встречу,
Окрылённый любовью,
Путь цветами отмечу,
Мир откроется новью.

Лишь улыбкою знак
Ты подай мне при встрече —
Оценю я сей шаг,
На душе станет легче.

Я к тебе подойду,
Миг молчанья не долог,
С нежностью обниму,
Этот факт жизни дорог.

Мы, досель дураков,
Упрекать впредь не будем.
Долог путь до седин стариков,
Он в любви, в стечении судеб.

22.10.23 г.

На Примиусье в октябре

На юге, хоть и много мест красивых,
Но краше нету Примиусья края,
Где в водах ивы прядями плаксивы,
В реках отражаясь, что в зеркале рая.

Осень, октябрь и благодать,
Не осень, а лето, где чары с обманом,
На водах Миуса блаженная гладь,
Что пледом укрылся с утра он туманом.

Что персик сочная палитра красок
На листьях одежд, к маскараду кроны,
Но скоро станут без «грима» и «масок»
И мы услышим их ветвей «стоны».

Ветра уже ночами песни пишут:
Для арфы — ивы, для скрипок — тополя.
К тому листва украсила афишу.
А саксофона звуки — гимн для октября.

Все медно-золотыми стали листья
И парки выглядят нарядней и добрей,
А по утрам повадкой лисьей
Крадётся холод за ворот людей.

Мы власть успели насладиться,
За весь октябрь красками с теплом.
Нет, мы не можем в осень не влюбиться
И ностальгически не вспоминать потом?!

На Примиусье в октябре чудесно,
Ноябрь «на носу», но благодать,
Похоже, в «департаменте» небесном,
Отмашку предзимнику позабыли дать.

27.10.23 г.

Омут грешной любви

Я, без раздумий бросился бы в омут,
Что называют грешною любовью,
В котором очень часто люди тонут
И узы рвутся, без наркоза, с болью.

Теряют головы не только молодые
И даже тем, кто старше, метит бес в ребро.
Бросаются в тот омут старики седые,
Не получая от Всевышнего на то добро.

Я, без раздумий бросился бы в омут,
Что называют грешною любовью,
Но не могу, к одной лишь чувства стонут,
А узы разорвать возможно... с кровью.

28.10.23 г.

Осенний лист

Расстроиться могу я, но не стану,
Предзимья дни вот-вот уже настанут,
А осень, златовласая красotka,
Уйдёт неспешно, помяня походкой.

Ты так погодою смогла расслабить,
Что трудно холод нам уже представить,
Оставила в душе глубокий след,
Такая благодать — звон золотых монет.

Осталась ты в стихах и песнях,
Да кольцах обручальных и перстнях,
Чтоб в мае и в июне ждать приплод,
И продолжался славный людской род.

Возьму себе на память жёлтый лист.
Зимой он мне напомнит листопада твист,
Поднимет настроение, в душе тепло,
Мне станет благодатно и в метель светло.

30.10.23 г.

Я так хочу...

Я так хочу уйти в нирвану,
От греха жизни чтобы отдохнуть.
Хоть и не вровень будет сану,
Без интернета выбрать путь.

Так сутки проживу или неделю,
Листы с души эмоций опадут.
Что происходит у меня за дверью?
Превратности судьбы, как дым пройдут.

И я пойму, как жизнь прекрасна,
На сердце осень ляжет, что бальзам,
С туманом, утром, надо мною властна,
А в чувствах разберусь, пожалуй, сам.

Я вновь хочу уйти в нирвану,
Побыть хочу немного сам с собой,
Где залечю, с усталостью, ту рану,
Что, словно спрут, так овладела мной.

А этот спрут зовётся интернетом
И с ним не каждый сможет совладать.
Не зомби я, остался человеком,
Жить в натуральном мире — благодать!

01.11.23 г.

«Динь-динь, дон...»

«Динь-динь» — перезвон колоколов храма.
— Господи, спаси! — молится за сына мама, —
Нам нужен мир! Будь ты проклята, война!
Гнева народного поднялась волна.

«Динь-динь, дон» — колоколов повсюду звон.
— Боже, дай ему сил! Я слышу земли стон...
Дай, сыну твёрдости духа и силы воли,
Стойкости дай, если ран, то без боли...

«Динь-дон, до-диез минор», реки: Миус, Дон
Вспоминают бойцы СВО, родной дом...
Маму, присягу и павших в бою друзей —
Сколько нужно, чтоб мир наступил, смертей?

«Динь-динь, дон», от разрывов снарядов звон —
Не знаменьем с неба — смертью наполнен он.
Бьют друг друга братья, Западу в угоду,
Сколько русского пало на фронте народу...

Пусть в меди звонов будет чистый звук,
Молитвы матерей, чтоб без страданий, мук,
Над храмом в мирном небе стая голубей
Разгонит грозы тучи, станет мир светлей.

Над землями Руси сплошь храмов перезвон,
С призывом набата, бойцам наш поклон.

Стар и млад на защиту поднялся народ,
«Победа за нами!» — ради мира, а не господ.

02.11.23 г.

Жёлчь зависти

Жёлчью исходит зависти злость,
Видимо пьёте в экстракте шиповник
Или застрял тебе в горле, что кость
И во всех бедах, что есть, я — виновник?

Лучше будет покопаться в себе,
Где-то в душе найдётся причина.
А, если камень на ней там в тебе —
Сбрось и станет жизнь — с мёдом вошина.

Жёлчь ты и злобу оставь для врагов,
Я — не враг, хоть иду в авангарде.
Речных не стоит путать берегов,
Как «чужой» со «своим» шаром в билиярде.

03.11.23 г.

Элитный сор

Бывает в жизни так несправедливо:
Невинные страдают больше всех,
Виновники живут невозмутимо,
Повсюду блага окружают и успех.

И мы должны довольствоваться тем,
Что их за это всё же Бог накажет,
Воздастся за страдания им затем...
Кто крут, тот и в аду шабаш закажет.

Ты здесь судью мог подкупить,
За грех твой, чтобы отвечал «терпила»,
Ты ж больше сможешь благ скопить,
С крестом, чтоб в центре кладбища, могила.

Покрыт твой крест не золотом — кровью,
До нищеты кто доведён тобой
И Страшный Суд не станет новью,
Вердикт; «Сор этот, вон к чертям, метлой!»

Неповторимая девчонка

Неповторимая, с завидно-яркой красотой,
Даже подруги тебя стали сторониться,
Из-за того, что блекнут рядом простотой,
Им в окружение твоё никак не влиться.

А, что касательно красавчиков-парней,
С позором и со смехом были все «отшиты».
Но вскоре встретился неказистый «пигмей»,
Парнишка рыжий, что краской был облитый.

Он на свиданьях ей читал свои стихи,
Признания стихи, столь пылко, вдохновенно.

Они были душевны, божественно легки —
Чувства воспылали в сердце юном, влюблённом.

Неповторимая девчонка удивила всех,
Она выходит замуж за паренька-поэта,
Уверенная в том, их счастье ждёт, успех,
На лирику признаний не затянув ответа.

Неверие

Я не верю теперь ни во что,
А ведь раньше всему и всем верил,
Да и если обманывал кто,
Называл их, не люди, то — звери.

А теперь же кромешный обман,
Никому нельзя больше верить.
Из России, других всяких стран
Все пытаются ум твой проверить.

Я не верю теперь никому
И к себе отношусь с подозрением,
Когда с мыслей вуаль сниму,
О себе новь узнав, с удивлением.

Я не верю, но верить хочется,
С верой жить, ни во всём, избирательно.
Верю я, что неверие кончится,
К Богу я повернусь основательно.

Осенний дождь

Дожди мой разум «прополощут»,
Остудят буйные все мысли.
На мир взгляну при этом проще
И чувства обновлю, что скисли.

Даст дождь осенний для души
Мне благодати состояние,
И листья в лужах хороши,
И музыки дождя влияние.

С дождём приватную веду беседу,
О том, о сём, о жизни и любви,
Как с внуками общенье с дедом
Приятно мне. Их, Господи храни!

Косые струи бьются в окна
И мне пытаются сказать,
Уйдёт, что грусти поволока,
Пройдёт с дождём, то должен знать.

Бальзам на душу — эта осень,
А песни дождя — упоенье,
Ты всем благодатная очень,
В жизнь мне внесла озаренье.

И вновь, с позитивом, любовь,
Душою я молод и счастлив.

Спасибо за мыслей новь,
За вечер чудесно-ненастный!

11.11.23 г.

Осколки любви

Поранился я осколками любви,
И это, знаете, мне неприятно.
Изранено сердце, потеря крови,
Ушла безвозвратно она, вероятно.

Как изначально было хорошо,
Всё мне в новинку, чувства так прекрасны,
Как будто выпил некий порошок,
А поцелуи пылкие, так страстны.

Но что случилось, не могу понять,
Возможно, дал я усомниться повод.
Волнение не могу своё унять,
Оборван между нами связи провод.

Волнует в душе хруст, что битого стекла —
То чувства разлетелись на осколки
И в жилах кровь уже вся запеклась,
Измены колют разум мой иголки.

А сердце кровоточит, кровь бурлит,
Не видя в русле жизни продолженья.

Мне дороги осколки той любви,
Хотя, не приняла моё ты предложение.

11.11.23 г.

Священный долг в семейной династии

Азарычеву Ярославу

Отец-Герой не мог не воспитать героев,
Ведь сам прошёл он не одну уже войну.
Один их сыновей погиб на бранном поле,
Грудью он, геройски закрыл свою страну.

Как тяжело сейчас на сердце у отца-Героя,
Он сына провожает не на фронт, а в мир иной.
Сыночек не пройдёт в строю парадным строем —
Награды на подушках, но лучше, чтоб живой...

Одно уж точно — старший с меньшим отомстят
За среднего братишку и поклонившись бате,
Торжественно дав клятву, врагов что не простят,
За слёзы мамы у иконы, в их деревенской хате.

Видавший смертей много, сжал кулаки отец,
Он никогда не думал, что сын так вернётся
с фронта.

В словах прощальных слышит, что сын — Герой-
боец...

Клин журавлиный ждёт его у горизонта.

И наш Герой уйдёт с тем клином журавлей,
А здесь, на родине, он нами будет славен,
И будет жить не только в памяти людей —
В сердцах родителей надгробным камнем...

Пока ещё есть шанс...

Раскрутился шар Земли, изрядно растрепался,
Центробежной силой людьми разбросался,
Очень трудно теперь нам встретиться вместе.
Легче замуж в Иваново выйти невесте.

Вплелись в дорожки судеб и случайности,
Нипочём расстояния меж нами, дальности
И не знает преград наш душевный порыв,
Притяжение сердец и эмоций, чувств взрыв.

Даже кровных родных разбросало по миру
И их связи порвались, поистратили силу.
Невозможно понять, как пошёл брат на брата,
Философию войн не понять без Сократа.

Сможет ли шар земной мирный наладить ритм,
От людей зависит, его ведь не держит кит
И не держат слоны, как думали наши предки,
А позитива новости в мире так стали редки.

Заштормило шар земной, нестабилен стал мир,
Мировой агрессор, под взрывы бомб устроил пир.

Мир на грани третьей мировой войны,
Мы эту катастрофу предотвратить должны.

Ведь люди все желают мирно просто жить,
А не «жандарма» поддержав, головы сложить.
Опомнитесь же люди, люди всей планеты,
Без мира на Земле ведь шанса выжить нету!

17.11.23 г.

Испытания

Не пинайте меня, как изгоя.
Я — не мусор какой, не окурок,
Ведь мне хочется в жизни покоя.
Да, я честен, но ведь не придурок?!

Но иначе считают властители те,
Кто пытается чем-то унижить,
Растоптать, подведя к той черте,
Без их подати, чтоб мне не выжить.

Я не гордый, везде приживусь,
От меня не дождётесь прощений.
Поднимусь вот когда — «оторвусь»,
Ваши просьбы — тли звук о прощении.

Хоть пока вы живите спокойно,
Божий Суд всё же ждёт в час заката:

Испытанья я ж вынес достойно,
С философией жизни крылатой.

23.11.23 г.

Призвание

Служить подводником — не кара, а призвание,
Ни каждому дано сей путь стези познать.
И ни в наградах интерес, ни в рангах звания —
В душевном состоянии, море должно нас звать.

Моряков-подводников зовут морские глубины,
В походах дальних ширь измерить океанов
И дабы не скучали у причалов субмарины,
Не в снах чтоб познавать шторма и ураганы.

В далях просторы морские настолько огромны,
Что мили «узлами» мотать на винты и мотать.
Следов от фарватера редко их глади достойны,
А чаще в глубинах приходится толщи толкать.

Русского медведя, господа, не стоит дразнить,
Обломаете зубы, вам Руси не бывать никогда.
В авангарде триады, чтобы мир сохранить,
Морские просторы бороздят субмаринам всегда.

25.11.23 г.

Военмор

Расскажи, военмор¹, как попал ты в морфлот,
Ты о флотской ведь жизни не думал
И о том, что тельняшкой в морях собрав пот,
Стал «Глухарей²», где с жарой много шума.

Расскажи, военмор, расскажи без прикрас,
Как на флоте тебе все годы служилось?
На постелях торпед мягче пуха матрас³
С Нептуном как свиданья сложились?

Расскажи, военмор, как ночами о доме
И о звёздах мечтал мест, где призван был в мае;
Жилы-струны, сердца, как «играли» при шторме
И металась душа меж адом и раем?

А был ли ты счастлив, что выбран по «квоте»⁴,
Как порой тосковала по дому душа,
Военмор, расскажи мне о жизни на флоте
Мореманом, как стал, все сомненья круша?

А разрыв мембраны с баротравмой уха⁵,
Струйка крови горячей и майка в поту,
Борьба за живучесть с замиранием духа
С водой и пожаром... кузик⁶ во рту.

Тебе прозвище Камбала даст командир,
Механик: «Ты — лучший!» — завистники в стонах.

Всё будет на службе и блеск, и задир,
Когда лычки срежут на флотских погонах.

Учёба, походы и заслуженный отпуск,
Ты в увольненьях, где толпы невест.
Вновь заштормило — свиданиям пропуск...
Бежать в самоволку?! — экстрим до небес!

В клеш вшил ты «клинья»⁷ — не то, что «торпеды»⁸,
Ушита голландка, пора на гражданку.
Хоть не было значимых в море побед,
На память же — гюйс и значки на голландке.

Теперь же как часто, скажи, военмор,
Во сне, в субмарине выходишь ты в море?
— Прошло, хоть полвека, служил как, с тех пор
Душою я в море, и с чайками в «хоре»...

30.11.23 г.

Военмор¹ (Военный моряк) — сокращённое наименование всех военнослужащих Рабоче-Крестьянского Военно-Морского флота, установленное в 1918 году и отменённое в 1924 году;

Глухарей² — глухарями называли мотористов подводной лодки, из-за сильного шума работающих дизелей; второе название — «маслопупы», это прозвище и объяснять не приходится;

Матрас³ — в дизель-электрической, торпедной подводной лодке три «отсека живучести»: первый (носовой), третий (центральный) и седьмой (кормовой).

В носовом и кормовой отсеках кают для отдыха личного состава срочной службы нет, а по обеим бортам подвешены койки-гамаки. В первом отсеке приходилось соседствовать с запасными торпедами размещёнными и закрепленными вдоль бортов;

«квоте»⁴ — при призыве на воинскую службу, призывники поступают на сборный пункт военного комиссариата области или края, куда приезжают представители воинских частей (их называют «покупатели») и подбирают по показателям и по здоровью, и по образованию и пр. нужное количество кандидатов;

баротравмой уха⁵ — баротравма уха происходит из-за разницы внешнего давления и давления в пазухах внутреннего уха, при их резких изменениях, в данном случае имеется ввиду, при учебных занятиях в барокамере;

кузик⁶— (жарг.) окурок, «бычок» — остаток недокуренной папиросы или сигареты;

«клинья»⁷— неуставные вставки в флотские брюки моряков, для увеличения расчленённости и, естественно, респектабельности вида. Максимальная уставная ширина штанин внизу могла составлять для максимального роста 28 см, а клиньями можно было её увеличить до 35—40 и даже 50 см! Но в таких брюках моряк мог пойти или в самоволку и с осторожностью, чтобы не попался патрулю, или при демобилизации;

«торпеды»⁸— те же клинья, но из фанеры или другого материала, для придания флотским брюкам большой величины клёша. Штанины шерстяных брюк замачи-

вали в воде, растягивали на «торпеды», затем сушили и они приобретали растянутую форму клешей.

Жги, душой зажигаЙ!

А дни так летят, словно листья осенние,
Ведь жизнь в цикле «осень» настала для нас.
Не буду грешить: «Не такие мы древние!» —
Скажу так, что уместней и сойди с лица фарс.

Не стоит грустит, жизнь всегда так прекрасна,
Как росистый рассвет и багряный закат
Пусть вместе с погодой, жизнь сегодня ненастна —
В душе солнышко светит и при том — не «в про-
кат».

«Исхудал календарь, год идёт к завершенью,
Хоть суровый декабрь, не расстроимся мы.
Пусть несёт нам январь для души упоенье,
Ну, хотя бы покой, мир, просвет после тьмы.

Заметает следы, что и в памяти — наши года,
Забываем мы лица и людей имена,
Ну а те, кого любим, те с нами уже навсегда
И совместная жизнь до скончания дней.

Мы не будем считать сколько прожито лет,
Да и меньше смотреть в зеркала — все кривые.

Нужно выполнить в жизни тот главный завет:
«Жги, душой зажигай!» — «тлеют» только скупые.

30.11.23 г.

«Бирюк»

Бирюком так порою мне хочется выть
И когда полнолуние — бессонные ночи.
Что случилось меж нами, вовек не забыть,
Начинать всё сначала нет сил, между прочим.

Разорвали все связи, да и фото меж нами.
Чтоб наладить их снова возникает проблема,
Хоть оба мы знаем — с души падёт камень,
Но первый шаг сделать — не нравится тема.

Бирюком, скажу вам, жить несладко, тоскливо,
А порой, того хуже — не хочется жить,
Вспоминая, как жили вместе так мы счастливо...
А нужно ль любовь в сердце с болью хранить?

Берегите любовь, предано берегите,
Как зеницу в глазу, как в день жаркий криницу.
И прощайте друг другу, беззаветно любите,
Не играя в любовь... как волк любит волчицу!

02.12.23 г.

Господи, вразуми!

Разошёлся я сегодня, в ударе, взволнован.
Что могло довести до кипенья меня?
Может, старостью просто уже атакован,
Так и чокнуться можно, на нет ум весь сведя.

Незачем пить «боржоми» нам уже потому,
Коль печёнка у нас не болит — отказала
Не грехи от безумства, не желай и врагу —
Обернётся тебе, жизнь не раз доказала.

Как-то всё непонятно, кто-то в мире свихнулся,
Что в нём происходит — не должно же быть так.
Или он с ног на голову перевернулся,
Или я, став изгоем, попадаю в просак.

Возмущён не на шутку, взволнован, в ударе
И сдержать негатив мне так трудно, друзья.
Всё к Небесной идёт неминуемой каре...
Потоп будет, война?! Не дай Бог! Ну нельзя!

Чем помочь я могу? Я — песчинка, не знаю.
Сил осталось в руке, чтоб держалось перо.
В то, что будет вновь мир, я надежд не теряю,
Что Господь вразумит, вселит с верой добро.

03.12.23 г.

Первостатейному братишке

Сергею Неменушему

Друг Серёга, кто думал, что так
Ты оставишь меня одного.
Мир огромен, но без тебя — мрак,
Взлёта нет, лишь морское дно...

Как ты мог от души говорить,
Твоя, пробы высокой, душа,
Позитив мог ты взглядом дарить,
Негатив добрым словом круша.

Слова «БэКа»¹ похлеще «ИИ»²,
Мог часами мне «баки грузить».
Глубже нет твоей колеи,
Мог «возить» ты меня и «возить».

Настоящим ты, друг, был, братишка!
В мыслях весь и душой — мореман,
«Как две капли воды» — сынишка,
А любимый внучок — капитан.

Ты прости меня, друг Серёга!
Я поверить никак не могу
И пожертвую всем, прося Бога,
Если жизнь тем тебе сберегу.

К сожалению, всё бесполезно:
Я — не маг, коли Богу ты нужен,

Не исчез чтобы мир наш бесследно,
Как Спаситель, чтоб был ты «разбужен»...

Не судьба?! Но того я хочу,
Не один я, со мною родные.
Я сегодня поставлю свечу,
В тишине посижу в унынье.

Будешь слушать, а я говорить,
Я же знаю, душой ты со мною.
Старшина! Я хочу утвердить,
Ты был мне путеводной звездой.

Ты всех лучше, вернее — один
И не будет тебе замены.
Я прошу, чтоб Небес Властелин
Мир с покоем душе дал без смены.

Я молюсь: «Упокойся душа!» —
Вся уже «прочтена» жизни книжка.
С болью в сердце, с одышкой дыша:
«Ты прости и прощай, братишка!».

1. «БэКа» — бортовой компьютер;
2. «ИИ»** — искусственный интеллект.

04.12.23 г.

Прощай, Серёга!

Сергею Неменушему

Душою ты с нами,
С тобой говорим,
Твердим со слезами:
«Ты нами любим!»

Серёга-Серёга!
Не должно же так быть,
Судьба-безнадёга,
Ты обязан был жить!

Прости меня, Боже!
Друг Серёга, прости!
Нет друга дороже
И назад нет пути...

Прощай, друг Серёга!
Всегда в сердце у нас,
Под защитою Бога,
Но земной свет погас.

А душа ждёт отмашку,
Улетая в полёт,
Бескозырку, тельняшку
Не забудь, курс вперед.

Собирая команду,
В штате сделай запас.

Мы причалим шаланду,
Коль наступит наш час.

Жизнь небесная вечна,
На земле — коротка,
И быстра, и беспечна,
Как сигнал маяка.

Ты, братишка Серёга!
Не держи зла на нас.
Книга жизни у Бога,
Прочесть можно лишь раз.

04.12.23 г.

Пока мы живы...

Не растратить бы нам жизнь по мелочам,
Попросим сил, чтоб дал, с молитвою у Бога
И важное, чтоб сделать то, что по плечам,
И память, что оставим было бы неубога.

Не стоит нам копить себе на гроб крутой,
На, словно свадьба, знатные поминки.
Пусть будет скромно всё и упокой простой,
Помянут за наследие, тепло, без «льдинки».

Ну, а пока мы живы, не стоит унывать,
И мысль — «нужно успеть» пусть светит маячком,

И Господа мы в помощь будем призывать,
И утро встречать с кофе, а можно?! — с коньячком.

06.12.23 г.

Друг самый верный...

Господь мне не даёт друзей надолго,
Но зато таких ярких, преданных друзей.
Узнав друг друга, сблизились мы только,
Вновь рвутся связи близких нам людей.

Так ярко горят на небосводе звёзды,
Ведь даже солнца ограничен жизни век.
И горячей тех нет, чем по потерям слёзы,
Когда страдает, с болью в сердце, человек.

Мне все друзья даны, как вспышки ярких звёзд,
Во тьме чтоб осветить мне жизни путь.
Но как же рано ваши души Господь вознёс
В Царствие Небесное, в вечность — жизни суть.

·
Друг самый верный, он только один,
Бывает, конечно, редко и двое, трое.
Они, что мощный ледокол, среди льдин,
Идём мы по фарватеру за ними строим.

Друзей, как известно, много не бывает
И счастье это, когда друзья есть.

Он, как никто, вас понимая, всё вам прощает,
Когда же вам трудно — помочь чтит за честь.

Ох, если б могли мы уберечь друзей,
То, без раздумий бросились на помощь.
Ничто мне не заменит улыбки, друг, твоей,
Ушёл во тьму, в моём сознание полночь...

Нормы и нравы

«Разве можно быть жизнью довольным?!» —
Скажет вам скептик и в этом окажется прав.
Каждый считает себя в обществе вольным,
Но не каждого устраивает его Устав.

Всем нам, конечно, хочется жить хорошо,
Но пути достижения благ у всех различны:
В карьере взлетают одни высоко,
Другие ж б сочли карьеризм неприличным.

Жизнь же одна и ею нужно дорожить,
Даря добро, купаясь в нём самим же,
Когда к нам возвратится и позитивным быть,
Живи и радуйся, нам ныть негоже.

Скажу сейчас честно, я жизнью доволен,
Во многих стремленьях был достигнут успех
И каждый мой день интересно заполнен,
И если заную, то большой будет грех.

Не отвергни, девица,...

Не отвергни, девица, мою к тебе любовь,
Не отталкивай чувств моих страстных порывы.
Твой отказ вызывает страдания и боль,
Бессонные ночи и буйств даже взрывы.

Я даже уверен, что наш случай — судьба
И я — не простой ухажёр, а избранник.
Твой разум не верит, ведётся борьба
И я, добиваясь тебя — в муках странник.

Всех девушек нужно собой обаять:
Наивных, простых — красотой и богатством.
Но та, кто с душой, сможет сердце понять,
Кто любовь там увидит, встретишь нечасто.

Не отвергни, девица, мою к тебе любовь,
Не отталкивай чувств моих страстных порывы.
Твой отказ вызывает страдания и боль,
Бессонные ночи и буйств даже взрывы.

Душевный рай

Кому не нравятся красивые рассветы?
Конечно, есть любители с утра поспать,
Их раздражают яркие лучей приветы.
Весь мир их: «ящик», кухня и кровать.

Есть люди, что кроты, их цель — богатство,
Не нужен, даже губительно вреден им свет.
Всё для себя копят и не приемлют братство,
Любовь — не чувство, а товар, нет чувств, запрет.

Но всё же среди нас встречаются романтики,
Мечтатели, влюблённые авантюристы,
Готовы улететь на край галактики,
Чтоб звёзды подарить любимым бескорыстно.

А вы рискните, день прожить душевно,
Забудьте о делах, проблемных планах жизни,
Рай, ощутив в душе, воскликнет непременно,
«Эмоций позитив, он мне не будет лишним!».

10.12.23 г.

Тайну знает лишь степь

Хочу в степь я уйти, где ласкают ветра,
Где бескрайностью нас поражают просторы,
Где с девицей провёл я всю ночь до утра —
До сих пор не забыть те влюблённые взоры.

Не забыть горький вкус на руках от полыни,
Запах шалфея с ромашкой, слезинки из глаз
И пылкость тела в страсти, супротив гордыни,
И жар губок-малинок — самородок-алмаз.

Я хочу снова в степь, чтобы встретить рассвет,
Как твои поцелуи мне тревожили душу...
И так сердце забилося — от тебя ждал ответ,
Нашу тайну, что дали, вовек не нарушу.

Её знает лишь степь, летний тот небосвод,
Звёзды весело нам, что кокетки мигали.
Был и взлёт, и паденье, и в судьбе поворот,
Что счастливей нас нет, годы нам доказали.

12.12.23 г.

Я, ни много, ни мало хочу

Я хочу, чтоб душа, словно солнце,
Огромной была и своим теплом
Согревала людей, большим сердцем
Мог любить, воспевая добро.

Я хочу длину рук, как экватор,
Чтоб весь мир смог бы разом обнять,
А идей — «мозговой генератор»,
Неустанно энергией всех мог объять.

Я хочу даровать всем вам счастье,
Но не в плане, конечно, богатства —
Невозможно всё то в одночасье.
Счастье ж в мире, в господстве братства.

Так хочу, чтобы дети земли всей,
Вот сейчас и вовеки не гибли
Под обстрелами, мира быстрее,
А агрессоры лоб свой расшибли.

Да, я многого очень хочу,
Меня слышит Небесный Владыка.
Я молчу, но душой так кричу
И молюсь, видя слёзы Лика.

Так услышьте меня, Небеса,
Повлияйте на тех безумцев.
Чтоб не рвать на себе волоса,
Ублажать ли вам власть «трезубцев»?!

Я, ни много, ни мало хочу,
Чтобы люди вновь стали людьми
И тогда я душою туда улечу,
Где Царствие мира, покоя, любви.

Невзначай

«Друзей» в «ВэКа» и в «ОКа» у каждого сотни,
Но мало, кто из всех, друг ваш настоящий.
Ведь друг же не тот, грабил с кем в подворотне
И не нытик, у вас постоянно просящий.

Не тот друг, кто с тобой, когда всё хорошо,
Кто с тобой, когда угощал — он был первый.

Или есть у тебя для «ха-ха» порошок... —
Меценатство приемлют твоё, ты же щедрый.

А, как только ты вдруг занедужишь,
Чёрной лентой пройдёт по судьбе полоса,
Недуг разобьёт, с ногами не дружишь —
Все в nirвану уйдут, с телом их голоса.

Если б было возможно, собрать всех их вместе
И засыпать их золотом, что в кредит для них взял.
Договор на кредит и диагноз — «болен сердцем»,
Невзначай, брось туда, как бы ты потерял.

Не уверен, что кто-то, счёт заметив, возьмёт
И разделит с тобой свою щедрость души.
Добродушный друг твой, что болен, поймёт,
Не подав притом вида, соберёт все гроши.

Всем известно — «друзья проверяются в горе»,
В жизненно трудных порой ситуациях.
И один лишь из ста, будет рядышком вскоре,
Вас обнимет, как брата, с унисоном пульсации...

Вьюга чувств

Разыгралась свирепая вьюга,
Воет волком голодным в степи.
Зги не видно, матёрый зверюга
И тот не желает сгинуть в пути.

Страшнее нет той вьюги, что в душе
И этому, конечно, есть причина —
Я не любим тобой, наверное, уже...
Меня накрывает печали пучина.

Нужно понять, что тебе я не пара,
Но, как не пытался, забыть не могу.
Мысли гоню, под интим света бара,
А сердце так рвётся, с ума я сойду...

Вьюга мои замечает следы,
Но чувства к тебе она не остудит.
Ранней весной, потоком воды
Ручей мне шепнёт: «Она тебя любит!».

18.12.23 г.

Люди, верьте в чудеса

Всем, так хочется в Новый год сказки,
В новогоднюю ночь, в час чудес,
Видеть, чтобы любимые глазки
И влюблённым взлетать до небес.

Мы по-детски всё также наивны,
Хоть в висках серебрит седина,
Но узоры фантазий так дивны,
В них любви с добротой глубина.

Нерельные наши фантазии,
Пусть смеётся с нас сам Дед Мороз.
Обвинять же вас в безобразии
Не позволит праздника анабиоз.

Ваш запрос не услышал пусть Путин,
Но, поверьте, услышит Господь.
Николай же Угодник, по сути,
Вам подарит удачи ломóть.

Принесёт Новый год пусть мир,
Для детишек — подарки счастья,
Только сказочных жизни картин
И в любви нам всем сладострастья!

Какое оно, новогоднее чудо?

Наше детство прошло на «поле чудес»
И в мечтах, что такой будет жизнь.
По бескрайности взлёт до небес,
Только крепче в седле, брат, держись.

Конь, ты сбросишь с себя седока,
Или станешь ему верным другом,
И все силы отдашь для рывка,
Чтоб путь жизни не был с натугой.

Ждут в подарках внуки от деда чудес,
Чтобы скрасить им будней все дни.

В новогоднюю ночь выйти б в лес,
Чудеса нас там ждут, звёзд, где ярче огни.

И под звёздных огней фейерверк,
С боем курантов и блеском дебюта —
Тройка лихая, вздымая вверх снег,
К нам Дед Мороз мчит, под залпы салюта.

Чудо дивное увидим мы в простом
И зовём мы его «даром Божьим» —
Не в бесцельном житье холостом,
Судьбу не обмануть нам ложью.

А чудо обязательно случится,
Лишь в это верить нужно нам.
И вот уже оно к тебе стучится,
Ты убедишься скоро в этом сам.

Ночь новогодняя — время чудес,
Ночь исполненья желаний.
Млечным путём долетим до небес,
До чуда дойдём мирозданий.

Свою мы сможем встретить любовь,
Познав взаимность, стать счастливым.
Чуда ж достоин совсем не любой,
Счастье может быть и фальшивым.

Нам же без чуда жить будет скучно,
Так как украсть у нас просто мечту.

Невесело так, безлико и грустно,
Без мира нет сказки — я мира хочу!

Твой подвиг бессмертен

*«Кто меня найдет, позаботьтесь
о моей матери, сестре, брате.
Рудаков Роман Александрович.
Город Батайск».*
Предсмертное письмо Романа.

Неприметным и скромным Рома был на гражданке,
А теперь его знает вся большая страна.
Дом, что Брестская крепость, он в подвале-зем-
лянке,
Где от пуля лишь защита, шлакоблок — не броня.

Город Марьинка стал вновь вторым Сталинградом,
Дом за домом бойцы брали медленно штурмом.
Но замечена группа, артобстрел стал им адом:
«Нас живыми не взять!» — клич с разрывами гулом.

Даже мысли о сдаче, духом русским отвергли,
В тех боях за год службы — долг за павших друзей.
И, заняв оборону, огнём шквальным подвергли
Тех врагов, окруживших, средь руин из камней.

Пыль бетона, осколки, с обрушением балок
И в ноябрьских холод, жар — сердечный накал,

И, при виде упорства, враг в оскале так жалок,
В перерывах обстрела письмо Ромка писал.

Нет обид, сожаленья, нет, клеше в словах фраз,
Лишь исход понимая, о родных попросил,
Он о них только думал, в свой предсмертия час,
И за счастье любимых, жизнь геройски сложил.

Стынет кровь в наших жилах, пульсом вздуло виски,

Ты — наш Символ Победы, боец славной Руси.
В нас, с бойцами сим души ты порвал на куски,
Наш Герой, ты бессмертен, Мир в желанье спасти!

22.12.23 г.

PS: В преддверии Нового года так хочется, чтобы случилось новогоднее чудо и родные Романа получили радостную весть, что он жив и находится в одном из госпиталей на излечении, пусть после ранений, но живой. Ведь среди девяти погибших бойцов его сразу опознать не смогли и проводится экспертиза.

Конечно, мы все скоро узнаем её результаты, но надежда умирает последней. Пусть родные не получат, обещанную Министром обороны квартиру, а по поводу меньшего брата Ромы, надеемся, что государство возьмет на себя затраты на его лечение, но главное, что Рома будет жив. Ведь новогодние чудеса происходят не только в сказках. И я тоже в это хочу верить.

Кто такие Феи?

А вы разве не знаете, где живут Феи?
Они — не русалки, в водах нет водоёма —
Мужчинам-гурманам — любовные трофеи,
Но реже увидишь на фото в альбомах.

Феи — скромные, собой столь прекрасны
В неброских нарядах неземной простоты.
Их сравнения с кем-либо просто напрасны,
Бриллиант многогранен, такой красоты...

Феи божественны, но очень ранимы,
Их душевность прозрачная, словно слеза,
Так добры, в намерения неповторимы,
Их искрятся в порыве нести счастье глаза.

До Нового года всего восемь дней
И нам всем пора загадать желания.
Прекрасная идея — пригласите Фей,
С деликатностью всей в час свидания.

Вы так счастливы будете, если судьба,
Коль окажетесь Феи достойны.
И вам будет любимой она — не раба,
Вы же будьте всегда ей пристойны.

А вы разве не знаете, где живут Феи?
Я могу вам ответить, что знаю одну.

По велению Бога, под арфу Орфея,
Венчались мы с нею, создав тем семью.

И вы, я уверен, свою Фею найдёте,
Но не в зланных местах — хомуты там для шеи.
Кто она, тогда без ошибки поймёте
Если в сердце услышите орфеевы трели.

Накануне Нового года

Пусть проходит декабрь, не жалею,
С ним дожди и депрессий печаль...
Я желанье одно лишь имею,
Знак «виват», чтоб год новый венчал.

Да, сей знак означает победу
Над болезнями в мире, злом и собой,
Чтоб хлеб с солью всегда был к обеду
И в счастье, у каждого, дни шли чередой.

Мы проводим декабрь по заслугам,
Уходящий сей год помянем
И ушедшего в вечность друга —
Жаль его, но, увы, не вернём.

Пожелаем друг другу здоровья,
Счастье, что есть, чтобы мы берегли
И за труд по заслугам подспорья,
Жить под мирным чтоб небом могли!

Новогодний — прекрасный праздник!
Ждём чудес, чтоб открылась нам новь,
Дед Мороз, озорной ты проказник,
С верой в Бога подарит любовь.

В преддверье новогодних праздников

Всю б воду дождей иссушу в декабре,
Чтобы в новый год выпала снегом
И по снежному полю идти в январе
На восход, чтоб с души снять негу.

А иначе не выдержит печень,
Чтобы к Сочельник, в канун Рождества,
С лучом первой звезды зажечь свечи
И с головой в омут, в мир колдовства.

Весь накроется мир колпаком
В звёздах ярких рождественской ночи.
Рождество главным в жизни стал маяком,
Среди праздников разных, всех прочих.

И пусть счастья истоки веры,
В жизни став полноводной рекой,
Под слоем озоновым атмосферы,
С мирной жизнью настанет покой.

24.12.23 г.

Жанры и аккорды года

Зимний аккорд всё никак не берётся,
То ветер на струнах играет фокстрот,
То дождь над зимою заливно смеётся,
А в гололёд — танец в ритме кульбит-оборот.

Я ж хочу для зимы аккорд подобрать,
В сонете была чтоб свобода полёта,
Снега́ аккуратно в сугробы собрать
Лихим выкрутасом на грифе охота.

Жаль, что я азбуки музыки не знаю
И сегодня льёт, что осенью дождь.
По мажору натуральному скучаю,
В паденье снежинок, снег на ноты похож.

И пусть декабрь сыграет все миноры,
Я верю, что январь пройдёт в мажоре,
Покроет снежной скатертью просторы
И снова год продолжит ход в погодном споре.

25.12.23 г.

Стремление к полёту не отнять

Стремление к полёту не отнять,
Хоть возраст у меня не детский,
Всех тех, кто дорог, хотел бы обнять,
Крепко прижав к груди по-молодецки.

Я эмоции щедро хочу вам дарить,
Поднимая задор, настроение,
Дабы просто хотелось любить,
Получив и дая наслаждение.

Курс полёта вы точно настройте
На счастье в жизни, жизнь прекрасна.
Для него свою душу откройте,
Чтоб не была тоска над нею властна.

Пусть в полёте раскроются души,
В небесах, где родилась любовь.
А завистников «жаба» пусть «душит»,
От пылких, в признаньях избранницам, слов.

27.12.23 г.

«Клятва на крови»¹

исповедь

У нас есть общий праздник —
День той, первой любви.
Сам Господь, наш «помазанник»,
Венчал с «клятвою на крови».

Это было полвека назад,
На запястье шрамом «метка» —
Сатанистов, возможно, обряд...
Ты, Люба, была юной деткой.

Я поддался на игры любви,
В том моя есть тоже вина.
Помню руки в порезах, в крови
И фонарь оперблока ² — луна.

Была ночь до утра на двоих,
Ты была весела, игрива.
Тот задор, что в глазах был твоих
И улыбка безумно красива.

Мне так памятна летняя ночь,
Мы не думали, что будет завтра,
Мысли нудные гнали прочь,
Нас дурманил фиалки запах.

Мы встречали зарёю рассвет,
Всех в селе побудив петухов,
В глазах томных тонул утра свет,
Тела наши не знали грехов.

Друг на друга смотрели часами,
Я неопытен был в любви, глуп.
В дрожь бросали контакты руками,
Остужали мы ветром пыл губ.

Тогда Любе запал я в душу
Или вовсе разбил ей сердце:
Через год я клятву нарушу,
Сочтя всё игрой, как в детстве.

Полвека прошло и вот вспомнил,
Не любил может я, то — игра?!
«Крестик» -шрам на руке напомнил —
Мне прощение просить пора.

Пред тобою виновен, Люба,
Юным сердцем меня ты любила.
Тот обряд у сельского клуба
Мне не дал чувств любви порыва.

Я учился, служил далеко:
Без интима «сердечки» в письмах,
Но костёр задуть так легко,
Не согреться ж от ветра в искрах.

Если б снова тебя я увидел,
То узнать бы не смог, конечно.
Не подумав, тебя обидел —
Не была ж ты невестой вечно?!

Но осадок сидит на душе,
Мне напомнил в запястье «крестик» —
Ты была же в моей судьбе
Эталоном девичьей чести.

28.12.23 г.

1. «*Клятва на крови*» — древнейший обряд клятвы в верности, любви и пр.. Этой клятве приписываются весьма серьезные магические свойства, и она использовалась ещё в древних языческих ритуалах, а в наше

время участвует порой в ледящих душу сатанинских обрядах. Мы теперь прекрасно знаем, что кровь является носителем генетической информации. Издавна ей заслуженно приписываются весьма серьезные магические свойства. А, что касается магии, то этому эликсиру жизни отводится еще более почетное место!

Клятва, данная на крови, действовала на протяжении всей жизни и не могла быть отменена. Она не имела обратного действия.

Клятва на крови всегда была очень серьезным подтверждением данного обязательства. Сквозь века этот сакральный обряд почти не претерпел никаких изменений, а последовательность действий осталась прежней. Во-первых, клянущиеся делают небольшой разрез на определенном участке руки (предплечье, палец, ладони или запястье). Во-вторых, двое участников прикладывают раны друг к другу, в знак смешения крови. В-третьих, произносятся слова клятвы, нарушить которую — страшнее смерти!

В самом жутком варианте, из крови варится специальное зелье. Но чаще всего она просто разбавляется с вином.

2. *оперблока* — подразумевается фонарь операционного блока больницы.

P.S.: Описанная мною реальная история произошла полвека тому назад. То, что я воспринял этот обряд «клятвы на крови» со всей серьёзностью, сказать не могу, хотя бы по той причине, что в те далёкие годы мы, комсомольцы и атеисты, таким вещам не придавали особого значения. Такой обряд мог восприниматься

в шутку, как некая игра, также, как и то, что мы стараемся увидеть падающую звезду и при этом успеть загадать желание.

А вот сейчас у меня опять появился интерес к этому, конкретному случаю, произошедшим со мной, состоящий в том, чтобы узнать, как сложилась судьба моей «суженной», с «клятвой на крови». Но, к сожалению, судьба нас так больше ни разу и не свела вместе. И потому место сожаления, да и не только, имеет место в моей душе и мыслях.

Возможно, зов крови даст «звонок» и ты, Люба, Любаша, Любава, Любовь, услышишь его и отзовёшься. Буду весьма рад встрече через, быстро пролетевшими годами, в полувековом исчислении.

Нарушитель, но без злого умысла, «клятвы на крови», желающий признать свою вину и попросить у девушки, с которой имел счастье познакомиться, прощение — это я, автор этих строк.

Откровенность

Пришло время раскрыться пред вами,
В себе пряча мысли, я долго молчал.
Объяснить, что трудно словами,
О чём раньше под нос лишь ворчал.

Это будет, возможно, исповедь
Засидевшейся в клетке души.

Слова шёпотом, порой с искрами,
Даже взрывом эмоций в тиши.

Не стану я трогать политику,
Подняв ил, что намыла за годы молва,
Не подумаю братья за критику,
Пусть и колки в мой адрес слова.

Соберу воедино труда все плоды
И оценку дав субъективную,
В жизни вновь я оставлю следы,
Где позицию имею активную.

Молодой был когда, полон сил,
Планы в жизни имел и амбиции,
Так много глупостей я совершил,
Да и глупости в общем-то — фикции.

Есть успехи малые в творчестве,
Злопыхатели и почитатели,
Как и должно быть в нашем обществе —
Проходимцы и душещипатели.

За свой труд благодарен судьбе,
Творю, коли так Богу угодно
И пока есть потребность в душе,
Жизни смысл — это труд благородный.

В чём призвание моё — я не знаю.
Много планов, задумок начатых дел,

Мне трудно судить, но так полагаю,
Я был всегда честен, юлить не умел.

Заветная мечта

Мечта заветная у каждого пилота —
Взлететь выше солнца, крылом помахать
И, ощутив невесомость полёта,
Зависнуть на время в густых облаках.

Идея летать в нас рождается с детства,
Мы летаем в фантазиях, в снах и мечтах.
В полёт душа рвётся, по велению сердца,
Мы на крыльях любви улетим в небеса.

Когда с чувством полёта люди встречаются,
В высоком стремленье выбрав курс к счастью,
Рано иль поздно, на небе венчаются
И ангелы примут в том точно участие.

Вам добрые ангелы любовь сохранят
В ларце изумрудном с печатью «судьбы».
В «ЗАГСе» небесном Господь совершит обряд,
При свете Венеры ночь и грёзы мечты.

Мечтайте, стремитесь в полёт и тогда,
Однажды так высоко духовно взлетите,
И луч благодатный пошлёт вам звезда,
А Серафим с улыбкой: «В любви живите!».

Сойти с ума

От любви, разве, сходят с ума?
Сходят и довольно часто,
Когда в чувствах бушуют шторма,
Но душу рвут они напрасно.

И тут разум для чувств — не учитель,
Не он их рождает — душевный родник.
Для них не всегда есть ценитель,
Не пыл чувств ты встретишь — ледник.

И тогда люди сходят с ума,
Всё пытаясь добиться любви,
И «старуха с косою» — «кума»,
И бредовые мысли твои.

Холодна быть должна голова
И светлы в желаниях мысли,
В слезах счастья честны слова,
Ну, а чувства с годами не скисли.

А для этого нужно любить
Незабвенно, в душе без осадка,
И во имя любви, чтоб жизнь,
Даря чувства свои без остатка.

03.01.24 г.

О погоде и не только

Вечер дождливый в канун Рождества,
Нет снега, мороза, мы ждём волшебства,
Чтоб с восхождением первой звезды,
Явился в мир этот Избранник судьбы.

А, что означает дождь? Это слёзы,
Слезам радости не страшны морозы —
Они будут, но после и ляжет снег,
А стрелки часов продолжают свой бег.

Прошло Рождество и у нас метель,
Снег валом с ветром создал канитель.
А до этого зима на «курортах»
Играла в теннис с осенью на кортах.

Зима-зима, мы долго тебя ждали,
Придёшь ли к святкам, на свечах гадали.
А коль ты к нам пришла за Рождеством,
То счастье с тем придёт с волшебством.

Я всем желаю верить волшебству,
Оно во благо и во имя торжеству,
А не напротив — мы тому не верим
И наглухо закроем ему двери.

Такая человека вот натура,
Коль жизнь скучна и без гламура —

Не жизнь то вовсе, а притон, кабак,
Твои дела тогда — сырой табак.

Мороз трескучий, солнцем залит день
И год счастливым будет, мне поверь.
Под мирным небом снега блеск, улыбок,
Но, а доселе мир — песочно зыбок.

И к нам на юг пришла теперь зима,
Под покрывалом снежным улицы, дома.
Ласкает тем паче домашний уют,
В доме том счастье, где нас всегда ждут.

Как жаль

Нет уже возможности гулять в степи,
Чтоб собирать ромашки полевые.
Хоть боль на сердце, ты её стерпи,
Это же любовь — не игры ролевые.

Ей расстоянья, возраст нипочём,
Важны лишь сила, страсть и глубина.
Не будь профессором, душе врачом,
А чутким будь, лишь честным, старина.

Нет той возможности встречать рассвет,
А ночь без сна так тянется потоком,
Вспоминанья в коей — яркий свет,
Что между устьем жизни и истоком.

Как жаль, что русло жизни быстротечно,
А планом множество, нельзя успеть.
Не растранижить, главное, беспечно,
Прожить достойно жизнь суметь.

Радость — быть нужным

Вы были в заложниках злодейки, своей же судьбы,
Вас злодейка калённым железом пытала?
Почему не согласны с неизбежностью мы,
Считаем, пора «упереться рогом» настала.

Нам говорят: «Над судьбой ты — хозяин!»
Но, а жизнь нас несёт стихийным потоком
И всех ли щедро она, по заслугам одарит,
Подпиткой жизненных сил из душевных истоков?!

Родники же истоков, они в нашей любви,
Щедлости и доброте, и сочувствия многим,
Кто нуждается в этом, чья душа вся кровит
От тех потрясений, подкосивших им ноги.

Свою в том увидим дальнейшую цель
И все наши боли уйдёт на план третий.
Прогоним болячки, уйдёт напрочь лень
И радость — быть нужным тьму грусти осветит.

Мы тлеем порой, отстранившись от жизни,
От той, настоящей, что бьёт родником.

Подумать-то можно о времени тризны,
Добро вам зачтётся, душа воспарит мотыльком.

14.01.24 г.

Мысли, приходящие с утра

Преодолеть, если б лень мне, апатию,
В жизнь привлечь с любовью симпатию.
В сердце чёрством, остывшем, позитив, чтоб при-
вить,

И, радуясь жизни, мне б её полюбить.

Будет трудно, не спорю, но я с этим справлюсь
И в новый этап с позитивом отправлюсь,
И пусть все проблемы останутся в прошлом,
А в целях благих нет намёка на пошлость.

Лишь одно только мало зависит от нас —
Сошёл мир с ума, гибнущих просьб не слыша глас,
И как можно при этом спокойно нам спать,
И все блага от жизни в изобилии брать?

Равнодушными можно, как жить нам тогда,
Когда в жутких развалинах лежат города
И что самое страшное — гибнут там дети,
Мира главный агрессор, когда ж он ответит.

Мысли приходят, подняв волосы дыбом с утра,
Так забудут же люди в злодеяньях добра.

С нетерпением ждём мы все мирного неба,
Вместо мин и снарядов — урожайности хлеба.

Ждем и Господа просим: «Ты убийц накажи,
Им прощения нету, почему так, скажи...».
Он поможет стране создать мощный оплот,
Союзников: армию, авиацию, флот.

Настрой

Я сегодня не буду спешить,
Проживу с удовольствием день,
В радости и с разворотом души,
В позитивно нисколько не лень.

Мыслям сделаю я физзарядку,
Разберу весь, как есть «тарарам»
И с болячкой вести буду схватку,
Пожелаю здоровья всем вам.

Пробежусь по делам повседневным,
С искрой рвения работу начну,
И не буду я злым и надменным,
И исполню любимой мечту.

В полнолуние, я — «энерджайзер»,
Весь собою «взорву» интернет.
Ну не весь, а всего его мизер,
Всем, кого здесь я знаю, привет!

Проживу один день в позитиве,
Получу импульс, к жизни толчок.
Он мне — стимул, я до ночи активен
Целый день, о проблемах — молчок!

«Пустышка»

Не желая делиться любовью,
Поступая со всеми дерзко и властно,
Нестерпимой потом, что болью,
Отзовётся у тех, кто влюбился страстно.

Ты со всеми играешь в любовь
И страдания других глотком крови,
Что вампир, испытать чтобы вновь,
Наслажденье и азарт от роли.

Все, с травмированной душой,
Чьи сердца ты разбила обманом,
Как бы грех твой совсем небольшой,
Что день ясный затянут туманом.

Редок дождь по туману с грозой,
Чаще слёзы обиды и ревность,
Те зовут тебя «дранной козой»,
Тебе пустой звук — слово верность.

Я таких буду звать, как «пустышки»,
Ведь живут удовольствия ради,

Хоть собою видны — не мартышки,
Не дай Бог никому сей «награды».

«Заговор на счастье» — просто бред

«Заговор на счастье» — просто бред,
Когда ёкнет сердечко, мы поймём,
Что крамола в мыслях — не к добру — во вред,
Грех с желаемым в судьбу придёт.

Рядом не нужна нам инквизиция,
У нас всё проще — жена со скалкой,
Чтоб тебя не пытала полиция,
Разум нужен нам всем со смекалкой.

— Ты хочешь сказать, счастья нет?!
— Радость в жизни не в этом — другое
И, когда бьёт в ночи яркий свет,
Ослепив вас — не счастье благое.

Вас машина пытается сбить,
Всех, попался кто ей на дороге,
А затем, тот, кто сбил — будет жить —
Закон жизни, для избранных строгий.

Благ с Небес заслужить, чтоб от Бога,
Думай, но не только о себе.
Сделаешь не так — душа убога,
Подлечи её, совет Он даст тебе.

И не напрягай себя в попытке
Стать счастливым — просто стань!
Все желанья равносильны пытке...
— Счастлив, я! А ты, печаль, отстань!

Какая она — старость?

Снова брежу, опять ночь не спал,
У меня плохое настроение.
Видимо, я жить уже устал,
Но не жду от жизни увольнения.

Ритм мой сбился жизни и не в унисон
К цели я иду своей заветной.
Может, угнетать стал вещий сон,
Жизнь люблю, но без любви ответной.

Может быть, от сердца помолиться
И, прося за все грехи прощенья,
Перед Богом, чтобы повиниться,
Прочь ушли в ночи, чтобы виденья.

Снова наступает, кошкой, ночь.
Помолясь, себе дал установку:
«Да иди ты, мерзость, в омут, прочь!
Иними под благость маскировку.

Старость, ты, собою не пугай,
Я к тебе привык, с любовью даже.

За здоровье выпьем, наливай!
За любовь, вдогонку ещё вмажем!».

Сплю теперь я, братцы, что младенец
И душа от снов наутро не болит.
Нет, судьбе своей я — не правленец,
Душу лишь лечу, что Айболит.

Наш эдем

Я бы смог всё сначала начать,
Только нужно мне в этом помочь,
И не важно, есть ли ЗАГСа печать,
Важно — вместе, одни мы, свеча, ночь...

Хорошо бы открыть бутылку вина,
Чтоб смачивать им пылкие губы.
Ночь эмоций чувств будет полна,
Фанфары играли, чтоб души трубы.

Я бы смог всё сначала начать,
Но не уверен, что то нужно тебе.
Если жизнь нас не хочет венчать,
Может, стоит отдаться судьбе?

Пусть нас дальше по руслу несёт,
Мы ж довольствоваться будем тем,
Что любовь в сердцах наших живёт,
Да и мир, в коем мы, для нас — эдем.

Как?

Как нам проверить пыл любви,
Накалы страсти и эмоций,
И ощутить толчок крови
Порывы чувств от сердца нёсший?

Всё силу чувств динамометром.
Измерить нам никак нельзя.
Силу любви не в силу ветром
Раздуть, чтобы пленить ферзя.

Да, страстно можно тело «жечь»,
Теплом души согреть в морозы...
Любовь так нужно нам сберечь,
Чтоб и в сто лет с шампанским розы.

04.02.24 г.

И, чтоб кругом опять голова

Расскажи же ты мне, как живёшь,
Покажи мне в альбоме фото;
Кого дома с работы ты ждёшь,
Говорит тебе «мамочка!» кто-то?

Вспомним молодость, как было нам:
Хорошо или было всё плохо?
Мы построить хотели вигвам,
Но мечты поросли наши мохом.

Расскажи мне, любила ль меня
Или был кандидат в разы круче
И, быть может, попытки все зря —
Нам комфортно в жизни кипучей.

Прислонившись к твоей груди,
Я услышу сердца биенье
И пойму силу той любви
Или же тишину забвенья.

Обменяемся мы номерами
Или скажешь ты мне: «Не звони!
Мы останемся просто друзьями.
Мы чужие с тобою, ты прости!»

Или дашь, как тогда мне надежду,
Что пройдёт ещё год или два
И простишь всё же ты невежду,
И, чтоб кругом опять голова...

«День да ночь — сутки прочь»

Меня радует утра рассвет,
День пригож, даже ненастный,
Когда первого лучика свет
В пробуждении примет участие.

И в заботах радует день,
Ты кому-то, если ещё нужен.

Пусть на висках густеет сень
И организм с лихвой натружен.

Я утром солнцу улыбнусь,
При встрече подмигну девчонке
И в мыслях губ её коснусь,
И вспомню, что болит печёнка.

Меня радует вечер, заря,
Что багрянцем запад осветит.
Рад, что день был прожит не зря,
Да и новый добром нас встретит.

Духовный потенциал

На глыбу монолитности сознания
Тонкой струйкой вода льётся,
С ложью, обманом иносказания
И разрушения цели добьётся.

И мысли роятся не в тех «полушариях»,
Которыми думали раньше всегда,
А в тех, на которых сидим, кто на нарах,
А кто и на кресле восседая вождя.

Может соломинка стать крепче стали,
Если в ней есть непокорности дух.
Пусть твои мышцы до смерти устали —
Силой желанья вложись в удар «фук».

И враг побеждён, и ты вновь на коне,
Решая проблемы, так хочется жить.
Ты — победитель, всё подвластно тебе.
Жизнь хороша, как её не любить?!

09.02.24 г.

Осколок

поэма

*Война не кончилась, пока
Пуста последняя строка
В том, длинном списке убиенных,
Пропавших без вести военных.
(А. Иванченко)*

Посвящение

Как будто злобный клещ
Пронзает покров тела,
Врастал на ровне плеч
Осколок в чрево древа.
Чтит память о бойце,
Дуб-старожил Миуса,
Во вражьем, будучи кольце,
Презревшем участь труса.

Не нужно ждать нам до поры —
Под слоем вековой коры,
Пока осколок не исчез,
Имея в тайне важный вес,
Будь не ключом — звеном разгадки,
Искатели, к которым падки.
Когда ж пытливый спецотряд,
Энтузиастов длинный ряд,
В полезность дела свято веря —
Он за войной закроем двери.
Во имя мира на земле,
Солдат, мы помним о тебе.

1

С высот открылся вид обзорный,
Что в парке довоенном тир;

Через прицел стрелок позорный
На «мушку» брал ориентир.
Когда-то русские красоты
Художник местный рисовал —
Сейчас, боец стрелковой роты,
Отход пехоты прикрывал.
У комля дерева толстый корень,
(Воронку развернул снаряд)
Боец залег за оный вровень:
Пред ним фашистов длинный ряд.
Раздвинув сошки на упор,
На фрицев «дегтеря» направил.
Засечку дубу не топор —
Фашистский снайпер вмиг оставил.
Осиным роем пронеслись
Гонимы «шмайсерами» пули.
Они в грудь дерева впились,
Ломали ветки кроны, дуры.
Поднявши взор, сказал: «Держись!
Меня не взять им! Повоюем?!»
«Тебя прикрою. Ты прижмись
Ко мне поближе. Повоюем!!» —
Кивнула в одобренье крона.
Боец, нажавши на курок,
Не слышал падающих стопа.
Фашистам первый дан урок:
За павших в том бою солдат,
За тех, кто ранен, отступает;
Кто плачет у сгоревших хат,
За тех, его кто вспоминает.

Со лба катился с кровью пот,
Ствол остужался с древа соком;
Кровавый впитывал «компот»
Корнями дуб под рваным боком.
Казалось, страшный симбиоз:
Ведь древо с плотью не едины?!
Но вместо крови — ручьи слез
Из раны плоти-сердцевины.

2

Что для вселенной есть минута?
Ничто, быть может пренебречь?!
Когда вокруг такая смута,
То станешь миг любой беречь.
За три секунды и полжизни
По кадрам сможешь просмотреть:
Родиться за минуту трижды,
Со страха трижды умереть.
Когда тяжелый миг настанет,
Вы призовете в помощь мать:
И сердцем боль она притянет,
И может жизнь за вас отдать.
Покоя мамы не нарушил,
На помощь не призвал отца,
Он на врагов свой гнев обрушил:
«Исполню долг свой до конца!...»
Отбил атаку: немцы к яру
Сползли, притихли, залегли;

Дрожали руки, будто спяна —
«Патроны, воин, береги!»
Прикрыл отряд для отступленья —
Момент хороший отойти:
Враги — подкралось вдруг сомненье, —
Проход за мной смогли б найти?!»
Бросался дуб в глаза обхватом,
Развесистый, красивый, статный;
И, «симбиозным» стал он братом,
С бойцом свершая подвиг ратный.

Заслон врагам стал, что заноза,
Терпенья кончился заряд,
Решили вынуть «без наркоза»,
Устроив минометный ад.
Земля вздымалась словно перья,
Когда подушки «перебьешь»,
А дерн, что рваная материя —
Заплат к прорехам не найдешь.

Смердяче-едкий запах тола
И скрип песчинок на зубах;
Затмило дымом вид простора
С ядерным матом на губах.
Осколок, «расписавший» тело,
Раскроив с галифе сапог,
С шипением вонзился в древо,
Но с древом сделать, то ж не смог.

Все виды с мыслями прервались,
Лишь в подсознание: «Коля, жив??»
Зрачки открытые остались:
В зеркальном отражении — взрыв.
«Тайм-аут» взять в игре со смертью,
Собратся в мыслях, покурить,
А боль от раны воин стерпит —
Судьбу за спешность покорить.
А может вовсе так остаться —
Прожить минуту пострашней,
Чем с «жнищей» костной «обвенчаться» —
Определись с сим, брат, скорей.

3

Солдату в коме мнятся корни,
Которыми он в землю врос,
А рядом с ним, такой же стройный,
Стоит могущий брат-колосс.
Свела их вместе здесь война,
А матушка-земля сроднила.
Коли б судьба была вольна,
Такой исход не допустила.
Чем колосс мог, тем и помог,
Прикрыв российского солдата.
Хоть крона в небо, но не Бог —
Мелка воронка, без наката.
«Пожил прилично — думал воин,
В свои — то девятнадцать лет?! —

Быть может, лучшего достоин,
Чего ж теперь о том жалеть.
Позором род свой не покрою.
Пускай простит старушка-мать,
Что непослушен был порою,...
По мне дам повод ей страдать...».

Как поступить мог комсомолец?
Приказы нужно выполнять:
На фронт ушел, как доброволец
И злость к фашистам не отнять.
Пошевелил ногой. От боли,
Он, стиснув зубы, застонал;
Собрав в «охапку» силу воли,
Прочь мысли скорбные прогнал.
Рванул с одежды мокрый кант,
Сестре, припомнил, вязал бант;
Что было сил, бедро стянул,
Что нет детей, слегка взгрустнул.
Какой, боец, теперь расклад:
Отрыл гранаты, словно клад;
Патронов в диске — «с гулькин нос»,
Для штык-ножа особый спрос.

4

Подняться если б во весь рост —
Сигнал к атаке очень прост:

Увидев за собой цепь роты,
«Ура!», направив «перст» на доты.
Еще б сколь наших полегло
(Немного с сердца отлегло),
Не будь прикрытия, тем паче.
На миг представил — мама плачет.
Когда б все слезы матерей
Собрать в едино, скорбь людей
Служила б берегом реки:
Потоком бурным потекли
На вражьи танки и пехоту,
И не одну спасли бы роту,
Смывая нечисть на пути —
Сыны могли с войны прийти.

Предсмертной не писал записки,
Пополнить неизвестных списки
Наш воин мог, но не о том,
Сейчас он думал о святом.
Свой долг исполнить до конца —
Уже замкнулась брешь кольца...
С поднятой гордо головой:
«... черный ворон, я не твой!...»
Врагов кураж сей не устроил.
Когда «блицкрига» планы строил,
Нюансов сих не знал «пророк» —
Моральный дух не так высок.
Их злость кипела через край.
Здесь до войны был чисто рай:
Степная речка с бурным нравом,

С высотами на бреге правом;
Трудом, где мирным люди жили
Всех наций, меж собой дружили;
Для колонистов-немцев — Haus,
Советских Menschen, Kinder, Frau.
Австриец жил, а рядом перс —
mit Namen звали, в шутку — Herr- (ц).
В коммунах труд не из-под пряжек:
Где нужно — дизель, двор упряжек.
Не каждый слыл, как коммунист:
Средь них водитель, тракторист,
Всех лучший в крае мукомол;
Кто молод был — шел в комсомол.
Их ждал далекий Казахстан.
Всех местных Herr- (ы) звали — «пан»,
Призыв к военным: «Иван», «русс» —
Сдавался им лишь жалкий трус.
Но чаще, знаем мы когда,
Без их желанья, внутрь «котла»
Бросали тысячи солдат:
Попали в плен, взамен — штрафбат.

5

Боец, под страшный минный вой,
Хотел лишь «дружбы» с головой,
Мгновенно принять, чтоб решенье —
В своей судьбе шаг завершенья.

Да, предстоял последний бой —
С фашистами, чуть-чуть с собой,
Сказать вернее, с непривычным —
О смерти чувством, столь обычным.
Быстрее пули летит мысль,
Найти, пытаясь жизни смысл:
«Быть может, для того родился,
Чтобы досрочно с ней простился?...»
А, может быть, поступок твой —
Бессмертный подвиг боевой,
В бойцах поднимет дух и веру —
«Так нужно бить их!», — для примеру.
И в свой последний, смертный час,
Боец, десятки жизней спас,
Огонь весь, приняв на себя,
На нет успех врага сведя.

Подняться снайпер не позволит:
То в каску, пуля, скользя «звонит»,
То в фляжке «тушит» свой полет,
А, третья, клинит пулемет.
Хоть тяжело — близка развязка:
Гранаты вместе, проще — связка.
Пришел черёд подбить итог —
Воспользоваться если б смог...
Так нужно фрицев раздраконить,
Когда «увязнут», взять припомнить,
Кто «бык» в корриде?! «Матадор»
Вонзит клинок во вражий тор.

Сердечный бой в груди солдата
Так призывал, как звон набата,
Когда, с рывком, чека запала,
Удерживать боёк до сих устала.
С ударом в капсулю, начался отсчет
К финалу жизни, где бессмертья счет
Здесь приняв эстафету, на десятки лет,
До памяти народной затеряет след.

6

Не мог дуб видеть скорбь картины,
Лишь ощутил тот взрыв — не мины:
Дрожь осознания от корней к ветвям;
Как будто буря супротив ветрам,
Создала волны на пути врагам,
Убрала почву из-под них; ногам
Нет больше места на святой земле —
Увлёк их воин в «странствие» во тьме.
Запомнит древо те слова навек,
Что на устах нёс в вечность человек:
«За Родину!». Им, русских не понять —
Не мог он жизнь на Родину менять.
Не должен в злобе надругаться враг,
Тот, кто дрожит, осунувшись в овраг,
Над телом русского отважного бойца —
На «шкуре» ощутив преддверие конца.
Что мог гигант, в бою — «товарищ»,
Повидавший с лихвой огня пожарищ,

Но, выстояв, как меньший «кровный» брат,
В строю едином — древо и солдат?
Тряхнул он кроною и, от излома, ветвь,
Спустилась плавно, словно в шахту клеть,
Прикрыв, что саваном пристанище солдата,
Обняв корнями названного брата.

Года залечат всё: уменьшится воронка,
Всё зарастет травой и рытвины пригорка;
На кручах берега среди ивушек дубы —
Границам русла — пограничные столбы,
Хранят истории затёртые следы.
Бездушье до поры, усилив боль беды,
Заставит кровоточить, в ранах, память
И имя — «Неизвестный» в бронзе славить.

Послесловие

Хоть неизвестный — ты герой.
Здесь на Миусе, под горой,
Ты подвиг совершил, солдат.
И в дни Победы, славных дат
Тобой оставленный завет,
На протяжении многих лет
Мы чтим и помним о тебе;
О тех, не преданных земле:
В окопах, рвах и блиндажах;
Кто без надгробных плит лежат,
Всех, чьи останки не нашли,

Кто в списки павших не вошли;
Чей прах хранит в «войне» земля.
Дубы над ними, тополя
Почетный караул несут,
От «грязных» умыслов спасут.
Чтоб не размыло талью вод —
Среди корней, над ними свод
Могучих древ. Хранят они
С героем тайну той войны.

2008 г.

БИРЮК

поэма

*— Не талан-судьба нас с тобою
век заедает, а люди. Нету
на свете зверя хищнее и злее
человека. Волк волка не ест,
а человек человека живьем
съедает.*

(Гаршин В. М., Сигнал, 1887 г.)

Предисловие

Детей волками мы пугаем:
«Придёт и схватит за бочок» —
Свирепый зверь, так полагаем,
Что жертвой станет и бычок.
Закон неписанный в природе —
Кто есть сильнее, тот и прав.
Простите, и в людской породе
Порой бытует волчий нрав.
Но, в волчьей стае по понятиям —
Кто лучший, тот и есть вожак,
А для людей, двуногим братьям —
В понятиях полный кавардак.
Их правоту трактуют ружья,
Отмывка денег, кровь, грабёж;
Их вороны над миром кружат,
Ждут для подпитки сил падёж.
В них добродетель не проснется,
И в недрах душ не тлел костёр
Благих начал — пусть окупится
С путевкой за грехи в котёл.
— В твоих словах не человечность,
Скажу тебе, поэт — садист!
И такта нет и бессердечность,
Работай в функции «радист»:
Всё, что ты можешь — передать,
А догонять умом не нужно,
Иначе в рыло могу дать
И будешь волком выть натужно.

И будешь как бирюк, изгоем,
Смотри, другим всё нипочём:
И то, что гоним «лохов» строим,
И то, что «шмайсер» за плечом.
Твоё же слово — к луне вой,
Соната полнолуной ночи,
Ты оду славы нам пропой,
Она тебе успех пророчит.
К чему призыв в твоих руладах?
В «аллах-акбаре» гуманизм,
Всех «серых», кто не при парадах
Вернуть опять в ваш коммунизм.
Где будут рады вам Гулаги
И будет волк тамбовский — брат,

Что все равны — то бредни саги;
Родным лишь станет русский мат.
Мы рангом выше, правим миром,
Верней всё ж, правит капитал:
Что есть бесценно — вырвем силой
И устраним тех, кто достал...
Ну, чё, писака, сделай вывод:
О чём писать и важно как,
Чтоб обеспечил полный привод,
Заправив темой полный бак...
— Ты для меня — не инквизитор,
Как тему вижу, так подам,
А, кто в суждениях провизор
Поймет читатель, знаю, сам.

I

Украдкой, ночью, озираясь,
По, им лишь видимой тропе,
Бирюк, оврагом пробираясь,
К бурлящей горной шёл реке.
Селенье помнил он, ограду,
Где пару лет тому назад
С приманкой сделали засаду,
Но он ушел, тащивши зад.
А год назад вот здесь попала
Подруга в «челюсти» — капкан...
Отгрызла лапу, но пропала,
Истекши кровью страшных ран.
Охоту помнит «по зеленке»,
Когда с «вертушек» лился «град»,
Израненный, скулил в воронке,
А рядом «подпевал» солдат.
Он был в крови, бреду, контужен —
Безусый парень молодой.
Забытым стал, уже не нужен?!
Сердечный, маме дорогой.
Когда «брат старший» отключался,
Покой волк яро охранял.
Он раны чистить принимался
Хвостом и рыком гнусов отгонял.
Чуток окреп и, за добычей,
Лизнув парнишке нежно нос.
Тягался раньше с силой бычьей —
Сейчас на падаль только спрос.

Пуглива дичь, хотя охоты
«Сезон» открылся на людей.
Здесь нет окопов и пехоты —
Охота! Дичь же кто — злодей?!
Озлоблен зверь, вдвойне коварен,
Щетиною прикрыл оскал;
Джихадом череп затоварен —
Он притаился среди скал.
Припавши к бурному потоку,
Волк, жажду, фыркая, тушил;
Согнал раздумий поволоку —
Вечерню месяц отслужил.

Уйти, несолоно хлебавши,
В горах укрыться до зори?
Загнав себя, без чувств упавши,
Заметил слабые огни.
Над углями пеклась барашка,
Следил за жаркой бородач:
Закатана до плеч рубашка —
Трещал, искрился карагач.
Слюна рефлекторно бежала,
Пьянила амбра, что дурман;
Листва чуть слышно задрожала —
Абреки собрались в духан.
В суровых ожиданиях лица,
Искринки злобные в глазах;
Расселись у костра харчиться
В присядку, словно на козлах.
Пропитан камуфляж тротилом,

В кровавой мессе сапоги —
Скрыть невозможно гуталином,
А вымыть — брезгают они.
Тут автоматы, пулеметы, «мухи», ... —
Не для охоты выбран арсенал.
А по ущелью разносились слухи,
Что «браконьеров» ждет финал.

Когда ж духан угомонился,
Спустился месяц отдыхать,
От стражи серый уклонился —
Стал рваным носом снедь вдыхать.
Пусть станет вылазка последней:
Трофеев, взятых им, не счесть.
Меж крайностями нету средней,
А выбор крайностей-то есть:
Уйти «несолоно хлебавши»
Иль жизнь поставить всю на кон?
Схватил баул, добычей ставший,
Шмыгнул в кусты и был таков.

Обратный путь безмерно труден:
В клыках болтаясь, словно студень,
Цепляя камни, падал груз,
Катясь по склону, как арбуз.
Баул копченостью пропах:
Мутился разум, ныли раны;
Сбивался след, втянуло пах, ... —
Не нарочито «серый» — странный.

С росой, утренней прохладой,
Боец очнулся. Не озноб —
Был этому виною, а усладой —
Росинки на губах и лоб,
Собрав в морщинках бисер,
Скатил их в дол глазниц;
«Загар» от тола — взрыва миксер
Смывался с лица бойца в ниц.
От крови слиплись ресницы,
Открыл глаза. Толь явь, толь сон:
Без четкой абриса границы —
Не может быть!?! — увидел он
Глаза, горящие напротив
И запах твари, ощутил.
Но понял быстро — не строптив
Был зверь, а то б не пропустил
Момент броска, за дичь принявши
Тело подранка. И, кроме того,
Доверчиво скулил уставший,
От мытарства ночного, вид его...
Пытаясь начать «диалог»,
Сухие губы лопотали,
Но внятно он сказать не смог,
Да и без слов всё понимали.
В одну попали западню:
Один сумел, хотя прорваться,
Вернулась память к тому дню —
Заставил долг его остаться.

II

В тот день, с «зачисткою» отряд
Прочесывал район «зелёнки».
Изрыта местность, где снаряд,
Где мина сделала воронки.
Привлек солдата зычный вой:
Поступок «серого» не ясен —
Средь бела дня ..., не под луной ...,
А если ранен, всем опасен.
С опаской, создавая круг,
Приблизилась к воронке ближе.
Из-под исподней словно, вдруг,
Сердитый рык. В воронке, ниже
Зиял развернутый провал,
Глаза блестели яркой злобой.
Такой расклад бойцов сковал,
Неординарной став им пробой.
— Давай пристрелим! Во, зверюга! —
В пролом, направив автомат,
Подталкивал на подвиг друга,
Служивый перешел на мат.
— Оставь смеяться над беднягой,
Виновен тот, кто вырыл «схрон».
Не своей волей стал бродягой,
Ты б приберег врагу патрон.
Смотрел бирюк в глаза солдата —
Их светлый взгляд струил добро.
Отвел рукой ствол автомата:
— Поможешь вызволить, Петро?!

— Да, брось ты, Саня — чумовой!
Какое нам до зверя дело,
Совсем не дружишь с головой
Или приемлешь в ранах тело?

Свидетель спора сменил рык
На жалкий опус умаленья:
Ко всяким каверзам привык,
Но от людей не ждал спасенья.
Не страхом гибели подвергнут —
Обидно было так пропасть:
Без схватки и врага повергнут,
Не окропивши кровью пасть.

Все Саню звали Алексашкой:
Был в мыслях пламенный полёт,
И не рубил с плеча он шашкой —
Горячность, превращая в лёд.
И в то же время ради друга,
Без промедленья шёл в огонь;
Ждёт дома с матерью подруга —
Попробуй бранным словом тронь.
— Прости дружище, но я — пас —
Петр робко отошел в сторонку, —
Будь кто другой, наверно б, спас ..., —
Пытаясь обогнуть воронку.
А ...Сашка Пете не ответил,
С укором посмотрев в глаза,
А про себя — «ты, трус!» — заметил,
Молчаньем гневным все сказав.

Собрав в охапку жерди, ветки,
Шнурками с берцев увязал —
Не трап морской, не планки «шведки» —
Спустил в лаз связку и сказал:
— Матёрому поди негоже
Вот здесь, в темнице пребывать?!
Лишь бессердечный, «гоблин» может —
Кто масти серой — убивать.
Откуда взял такое право —
Устроить сущий самосуд
И аргументом силу ставя,
Решил — «стволы» тебя спасут?!
Во всём вселенские законы
И покарает пусть Господь,
Того, кому ничто каноны.
— Давай смелее наверх, подь ...!
Ну, что ты, серый, в «непонятках»:
Не причиню тебе я зла;
Ты ж не «косой», что сердце в пятках?!
Представь, что ветки — холл козла...

Бирюк безмолвствовал, послушно
И исподлобья вверх смотрел.
Ведь что-то делать было нужно —
Не легкий выбор, но созрел.
С попытки первой не сумел
За наст надежно ухватиться,
Но замысел настолько смел,
Что стоит автору гордиться.
Скатившись кубарем на дно,

Себе в отместку отгрызнулся:
«Кому-то важно всё равно,
Чтоб из неволи я вернулся?»
Трещал настил под весом зверя:
В щепу древесную, клыки,
Кололи ветки; бойцу веря,
Бирюк, цеплялся за стыки,
Развилки, переплёты; неумело,
Как первый раз ребенок на воде,
Работал лапами, всем телом
Настил душил, но не в злобе,
А в яростном желанье жить.
Судьба давала ещё шанс —
Воспользоваться нужно, стало быть.
— Так, серый! Ну, держи баланс!
Помочь желанье слишком велико —
Не просто, чтоб развеять скуку —
«Ты не обязан!» — утверждать легко,
А без раздумий подать руку??

И с мыслями о том, связал бушлат
Ремнем солдатским на петлю-удавку,
Из пальцев дрожь совсем ушла —
Бесспорно, на удачу делал ставку.
Ускорив «задний ход», Петро,
Дыша с удушьем, замахал руками;
От мыслей сжалось у него нутро,
Представя — волк орудует клыками.
А... Сашка, оглянувшись на дружка,
И не презрительно, скорее, к сожаленью:

«Героем был, каким, казак, с утра,
А ноне трусости ты подчинён велению...
Попыток много было безуспешных,
Но цель едина — ленты душ двоих
В суতোках и муках, но не грешных
В канат надежный сплелся дел благих.

Когда дрожащим, рваным телом
«Паршивым псом» бирюк предстал,
У ног прилег и первым делом
Он жалобно-просящий звук издал.
Лизнул носок до глянца берцев,
Взгляд осторожно бросил на бойца:
Ларца души распахнутые дверцы,
Судьба свела их замыслом Творца.
Бока запали, свис язык из пасти,
Обильно наземь брызгала слюна;
Кроваво-грязной шкура стала масти,
И поволоку глаз сменила пелена.
Главу склонил, и лапами укрывши,
Утер он морду, гривую потряс;
Хотел вскочить на ноги — оступившись,
Набок упал — столь явна связь.
Барахтался бирюк телком после отёла,
И больно жалко видеть было то:
Вожак вчерашний не знавал поклона —
Сейчас же принцип — спринт-лото.

«Оставлю одного, чтоб отдышался
И с концентрацией усилий, верный шаг,

Ты, серый сделаешь...» — боец прощался
С затворником, — ... где наш, друг, враг?
Для многих есть ты, волк — зверюга:
Коварный, злобный, грозный тип.
Коль не «тамбовским», зови другом
Того, в оказий ляпсус, коей влип.

И даже враг, когда бессилён,
Его что насмерть нужно добивать?
Когда ж грозит семье, России,
Тогда не смей присягу забывать.
— Гуляй, зверь милый, ведь охоты
Сезон открыт не на зверей.
Ты «схрон» нашёл на взвод пехоты —
Взорвать мне нужно, подь скорей!

Бирюк всё выслушав спокойно,
Казалось, понял сей приказ,
Отполз в сторонку, сел достойно.
Желая зреть: бойца проказ,
Сей абрис юный, благородный;
Ноздрями воздух рвал на что-то.
Чтоб не забыть, и этот робный,
И ваксовый, тот запах пота ...,
Все, что бойцу принадлежат
И взгляд прямой, радушный.
Хоть мало сил — пора бежать,
Случился день не скучный.
Не видел, чувствовал он взгляд
И шкурой ощущал волнение:

Чтоб братом стал, то это вряд,
Но другом верным — без сомненья.
За восемь лет бирюк не помнит,
Таким не мог быть человек:
Спасают, ноги волка кормят —
Короток с оным серых век.
И в мыслях этих пребывая,
Бирюк, оставив места пост,
Себя в росу травы вжимая,
Увлеч безвольно грязный хвост.

Бесспорно, жалким зверь казался,
С одною волей дальше жить.
Зачем? Один совсем остался,
Кому-то нужен, стало быть...
Осталось времени — минуты
До встречи взвода у реки,
Позвал Петра: — Вояка, тут ты?
Бойтся волк тебя, смотри, —
Затем серьезно без издевки, —
Задержку вот как объясним:
В провал попали ..., без веревки...
— А, про зверюгу, как быть с ним?
— Такие факты для доклада
Нужны, как для змеи нога;
Что нет отдачи от приклада,
Так жизнь ..., и пуля дорога.
— Ты при понятиях, Алексашка,
Не зря шпаргалил институт...
Волк не волшебный, и не сказка.

Законы волчьи свел в талмуд...
— Ну, ладно, хватит причитать,
С душой хозяин разделенный,
Живущей в берцах, так сказать,
И рот открыв, как вожденный:
Тому, что видел не в кино,
И рассказать мог приукрасив,
Однажды как попав в дерьмо
И вышел, как в «Му-Му» Герасим,
Бедняге волку пасть порвав,
Своим поступком спас полмира;
Патрон в патронник не послав,
Руками голыми, де Нирро,

Самсон былинный из Эллады,
Тебя боится зверь и враг;
И не за приз — ключи от «Лады»,
Сейчас ты спустишься в овраг...
— Ты, чё, в натуре, пошутил
Иль блажь — над другом издеваться?
Зачем ты тратил столько сил —
Зверюге всё-одно куда деваться?
От голода загнетса волк, от ран,
Свои ж собратья на куски порвут,
Иль станет чучелом, в капкан,
Когда флажками в круг сведут.
— Ты, как властитель всё равно,
Судьбу пророча, сам свершает:
Кому под солнцем жить дано,
Кто рад тому, что попрошает;

Козявке малой сказ — замри,
«Китам» мешаешь жить и тиграм;
У ног не путайся, смотри —
Лягушкам, зайцам, птахам, выдрам...
Господь лишь может рассудить,
Воздать за муки и заслуги,
А кто сумел лишь «наследить» —
Узнать с набатом кары фуги.
— Пришел ты к точке, академик?
Заряд готов, давай взрывать!
А, то нас ночь в пылу полемик
Заставит к Господу взывать.
Раскаты взрыва вдоль ущелью
К реке и в горы разнеслись.
То, что являлось бойцам целью —
Достигли, в цепь побед сплелись.

III

Бирюк, казалось, дичь тропил —
На самом деле полз натужно,
К ручью припавши, жадно пил
И думал серый — «Выжить нужно!»
В чем смысл стремления — не знал
И не инстинкт то был животный:
Толь духи предков он призвал,
Толь ветер веял приворотный.
Чуть отдышавшись, слух напряг —
Вокруг клокочет, писк, движенье:

Шипенье ужа, совы взгляд,
Мышей в траве скольжение.
Закат раскрасил пики елей,
Цикады стрекот, сверчков хор —
«Спокойной ночи» лесу спели,
В руладах птахи вели спор.
Притих, уйдя за горы ветер,
А зной на время лишь застыл,
Прохладу из ущелья встретив,
Стал с ним тягаться, что есть сил.
Кто одержал победу в драке,
На шкуре зверь наш ощутил:
Вот эта россыпь, хоть во мраке,
Что бисер шерстку окропив —
Роса, свет линзой собирала,
В коронный абрис волчий стан,
Серебрянным пером вписала
В пейзаж весны у древних скал.
Казался сфинксом — неподвижен:
И в позе этой сильный дух,
И горд, и рангом не понижен,
А что с ним было раньше — слух.
И не было скитаний лихолетья,
И не бирюк — вожак он стаи,
И про подругу — тоже сплетня,
Что без потомства род оставит.
О, если бы вернуть в то время,
Когда герой был так хорош,
Тянул как раньше вождя бремя,
Во всем, в регалиях пригож:

Смочь уберечь свою подругу,
Сородичам мог дать совет,
Чтоб не пошел их мех на шубу,
Не с ловчей ямы видеть свет.

Исчезнет из природы падаль,
Подранки охоты «хозяев земли»,
Хоть не открыл бы этим клада —
Мог от чумы, холеры край спасти.
А, что сейчас — он сам подранок,
Голодный, рванный и хромой
И вместо мяса — вязь баранок —
Он счастлив этому родной.
И страшен зверь, и все же жалок,
И жизнь его всего за грош;
Мишенью мог стать он для палок,
Для пули был не так хорош.
Приют для псов облезлых свалок,
Бродягам нищим — переход:
Малы удобства — стол да «спалка»
И узкий в темноте проход.
А как же быть в природе дикой,
Здесь хлеб насущный кто подаст?
Бирюк с луною круглоликой
Над пропастью держал балласт.
Он полз по узкому карнизу
К пещерной выемке в скале;
Катились с шумом камни к низу,
Толкая тело вверх к луне.
На плато, обессилев, падал,

Раскинув лапы и прикрыв глаза,
Бирюк по небу в мыслях плывал,
А следом стайей двигалась гроза.
Как ток по телу от разряда
Или, как шилом укусил комар,
Или увидел тот разрыв снаряда
И вспомнил прожитый кошмар.
Бирюк вскочил, но, как подкошен,
Свалился на бок, ведь забыл
О лапе сломанной, был брошен
В пыл ярости, с обиды взвыл.

Вернула боль его в реальность,
Поднял глаза в то место, где
Провел немало дней и ярость —
Сейчас один, что перст — в судьбе.
И этот стресс, с приливом силы
Позволил завершить подъём
И к ним же воля с рвенье были —
Души заполнивших объём.
Всё тот же вход, но только уже —
Обвал оставил здесь валун.
И при жаре, тем паче стуже
Прожить, возможно, много лун.
Как всё забыто и знакомо:
И череп бычий, и следы когтей
Оставленных щенками, и не ново,
Что таинств не найти святей.

Привычно обустроился он в нише,
Откуда всё семейство на глазах
Могло бы быть, но нет... и, тише!
Мы отвернемся, боль в слезах.
Ты, что не веришь: зверь и чувства?
Когда двуногий чувствами — чурбан.
Зачем же веришь в дикость буйства
И в ярость зверя — это, друг, обман.
В поступках зверя — отраженье
Борзых «повадок» к ним людей:
Любовь, сердечность, уваженье
К собратьям меньшим... кто злодей?

«Как на собаке заживали раны»,
Бока запали, требуя «откорм» —
Не молодой он и ещё не старьёй,
Пора на вылазку, за ближний холм.
Засаду сделать здесь попроще,
Чтоб сил хватило, вниз бросок;
Валежник в зарослях — не в роще,
Здесь факт внезапности высок.
В начала рад был и лягушке,
У норки кошкой мышку ждал
И корни, не подвергши сушке
В труху-клетчатку превращал.
И день за днём, за летом осень —
Бирюк похож стал на волка,
Лишь только появилась проседь
У глаз, на шее, низ холка.

IV

Мы переводим к дате время,
Когда судьба их вновь свела —
Бойца и волка, «ногой в стремя»,
В одной воронке — рань была.
Да этот лик бирюк запомнил
И рад был свидеться опять,
То ли Господь сие устроил,
Не время случай выяснять.
Баул, подсунув ближе к Сашке,
Ждал действий, побудив бойца
Взять на себя фуршет на «шпажке»,
Всю снедь отведать в два лица.
Тот, отстегнув привычно нож,
На левый локоть вес отвесил,
Служивый с волком тем похож:
Желаний много — в силы бросил?
Налег на окорок всем телом,
Шматок приличный отвалив:
— Твоя победа и заслуга делом!
Зачем нахлебник да ещё раним?
Бирюк не сразу бросился к еде,
Понять желая, выслушал солдата —
Он знал, в скитаньях черед,
Что с благодатью встретит брата.
Признателен сложившейся удаче,
Вернее будет — року иль судьбе,
За это счастье — «отдать сдачи»,
Шанс давшему участия в борьбе.

В борьбе за жизнь в краю обжитом,
За радость быть полезным не себе
Готов бирюк и быть убитым,
Но миссию исполнив на земле.
А... Сашка отвернул баклажку — чача,
И благо, что нашлась ещё вода;
Пакет с бинтами — это лучше квача,
Приходит ранам обработки череда.
И утолившись с благостью водою,
И раны «подшаманил», ну как смог:
Присыпав те, сочились что золою;
Промыл припухшие, где чачей — о-ох!
Огромный кус припасов волку
Солдат подсунул, отдав честь.
В чём для зверюги больше толку?
Пожалуй, в том — из рук что есть.

Бирюк, волк спас тогда бойца
От жажды, голода, от смерти.
Абрекам не видать конца:
Солдата и комка в крови на шерсти.
Боец остался жив и был в бреду,
Придя в себя, он встретил волка-друга,
Врагов тот отвлекал и отводил беду,
Страх напуская воем, для испуга.
Бирюк увёл отряд абреков,
Где те нарвались на спецназ.
Наёмников, боевиков-чуреков,
«Крошить в капусту» — был приказ.

Как передал бойца солдатам,
Бирюк, спецназа — нету слов:
Пример дал многим «суррогатам»,
Кто бросить мог в логу врагов.
Как Алексашка прикрыл грудью
В оскальной позе волчий стан:
От пуль товарищей, по кругу
На шум собравшихся со стран.
Как долго, слезно, но признали
Все статус волка — «спецохран...»
И если б ближе всё ж познали,
Могли б повысить к званию гранд.
Виновник спора исподлобья
Следил за действием людей;
Хоть и поодаль, понял — злобы
От этих ждать не стоит и скорей,
Казармой с ваксой, если пахнет,
Обидеть тот не мог зверей,
Раз, друг, при виде их не чахнет
И, даже, рад таким, верней.
«Они ведь братья есть по крови,
Меня ж с ним случай свёл всего», —
Всё же ревнуя, с чувством боли,
Глаз не сводил бирюк с него.
Боец, прощаясь, говорил собрату —
Бирюк не понял — сердцем ощущал,
Из слов таких, не родных мату,
Что не увидит, помнить обещал.
Желая скрыть на миг ту слабость,
Он взгляд отвел, глаза с алтын

Скопили влагу хоть на радость,
Сдержать не в силах сукин сын.
Бойцы запомнят, лес и горы,
Как между душ свелись мосты
И долго-долго, пройдут годы,
Но будут помнить встреч посты.
«Вертушка» винт врезала в небо,
Отчетлив сверху грустный вид:
Поднять взор вверх была потреба,
Волк жалобно принялся выть.

Эпилог

С тех пор прошло всего полгода,
Домой весенний шёл призыв;
Велась салаг безусых проба,
По вводной — «на мосту подрыв».
Отряд мобильный вышел в горы,
В нём командиром наш боец;
Туман навесил на лес шторы,
Как будто спрятал в нём ларец.
Как для ищейки след, «натаска»,
Так для солдат пример такой,
Был нужен, что врага «замазка»
От взгляда не прошла «с косой».
Когда туман развеял ветер,
Пробились солнца в дол лучи,
И лес с отвесной горой встретил
Бойцов и скалы — острые мечи.

— Там в вышине заметен выступ,
Слегка пологий ...Стоп! На нём...
Там грот и взять нельзя на приступ...
Он узкий... подступ под огнём! —
Впередсмотрящий «наводил мосты» —
Навесил взглядом через пропасть,
Убрав деревья и срубив кусты,
Возможна и засада — «волку в пасть».
— Отдай трубу, наш сокол зоркий!
А... Сашка кинул взгляд туда.
Его слова слегка лишь колки:
— Добраться можно без труда.
Кто рядом был переглянулись:
— Сержант, ты влезешь на карниз? —
К объекту спора повернулись, —
А, сколько падать будешь в низ?
Спор как-то разом разрешился —
Все взгляды обратились вверх:
Из лаза выйти волк решился,
И скрытность от людей отверг,
Всех, представляя Алексашкой
И даже вывел в свет волчат.
Прилег повыше, взор с отмашкой,
Уставлен вниз гостей встречать.
Волк восседал, щенки шалили
И был в сем жизненный баланс:
Ведь волка в бирюке сменили
На статус вожака, дав шанс.

В отряде все бойцы считали —
Что сказ о волке — только миф,
И Алексашку так же стали
Звать не иначе «воин-скиф».
Контакт безмолвный все узрели
Душ породнившихся «вождей»
И видя правду, лишь робели
Пред таким видом, что важней
И ста рассказов, баек, слухов,
В словах, что трудно передать.
Такие виды лишь пугают «духов» —
«Зверями» их, не волков будут звать.
Вот вам пример, как жить в системе,
Девиз простой в ней — «Не вреди!»
Непоправимы здесь ошибки в теме,
Модель до совершенства, брат, сведи.
Прикрыть природы око веком:
Оставить тиграм в Уссури тайги,
А степь — сайгакам, рыбу — рекам;
Киты порадовать наш глаз могли.
Чтоб бирюком на белом свете
Ночами лунными не часть выть,
Ты, человек, на «голубой» планете
В гармонии со всеми должен жить!

2009—2011 гг.

Шурави

поэма

Памятник воинам-афганцам в п. М-Курган.

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она, как сила, нам нужна...
(Юрий Воронов)*

1

В далёкой глубинке, на юге страны,
Эти просторы Примиусьем зовутся,
Находят до сих пор где «эхо войны»,
Сердца, в скорби вдов, лет двадцать, как рвутся.

И в траурных рамках портреты в тех хатах,
Хоть мирное небо венчает село,
На пятом десятке, в войну кто в солдатах
Прошёл ад кромешный, в морщинах чело.

Им рано седины окрасили главы
И носят на праздник, вместо брюк галифе,
Тревожат ночами, с осколками, раны,
С работы частенько идут подшофе.

Их дети-подростки играют в «войнушки»,
В руках артефакты, с войны, для «войны».
Им редко дарили на праздник игрушки,
Но жгли, чтоб поджарить картошку, костры.

Спортивные парни готовились к службе,
Все брались высоты к значку ГТО.
Девчатам, служивым престиж был и в дружбе,
Коль ждали три года, достойны того.

В селе вечерами царила любовь
И часто у клуба кулачные драки.

Обидно было (пусть пролил даже кровь),
Когда уступал и то видели зеваки.

Спор мог разрешиться без крови, иначе,
Коль дева наложит на драку табу
И сделает выбор сама, и не с плачем —
Кулак же не сможет устроить судьбу.

Девчат неохотно чужим отдавали,
Как будто век жить им в границах села.
И в жены себе из соседних сёл брали,
Коль девушка парня с ума там свела.

В трудах и заботах жизнь в сёлах текла:
Работа в колхозе и дома хозяйства;
Хозяйка в печи хлеб домашний пекла;
К труду приучали в семьях сызмальства.

Все парни-подростки дружили «краями»,
Если б был город — квартал так звать.
Село же — не город, звать — не Майами
И каждый друг друга с пелёнок мог знать.

Иерархия всё же в сих «кланах» была
И были, как всюду, вожаки, кто постарше,
Кто мог удержать на других «удила»,
Кто был и в почёте, и дрался всех «краше».

Селяне живут без замков от соседей,
Веками размеренный жизни уклад,

На ферме, при дойке друг с другом в беседе,
Духов отличить можно, как аромат?

Мужик до кости пропитался соляжкой,
На тракторе да комбайне круглый год.
Руки в мазуте, лишь зубы с сигаркой —
Крестьяне, одним словом, здешний народ.

Интеллигенты в селе на «раз, два и обчёлся»:
Учителей двое, инженер да завклуб.
И если кто тут с городской прошёлся,
То не слезет тон сплетен со злых бабьих губ.

А в общем-то, деревня — есть деревня
И как в ней быть красиво не представь,
Куст тёрна не сменит собою деревья,
Хоть в десять крат лупу к стволу приставь.

2

Отправился Юрий Гагарин в полёт,
А бабы, ладошкой солнце прикрывши,
Мечтали: «Вот, если туда он нас позовёт,
То мы без раздумий...» — о дойке забывши.

В тот год, кто родился, две трети — все Юры,
Алёша Макаров да двойня: Петр, Паша.
А девушки: Таня, Наташа и Юля,
Ещё две Людмилы — красавицы наши.

Ещё через год, тут построили школу,
Да и клуб в тому ж новый — «живи — не хочу!»
А, бабы, утром целый жбан прут рассолу,
С подвала мужьям... Для чего? Промолчу...

Ожило село, но беда — нет в нём церкви,
Но крестят детей, хоть все атеисты,
При свете лампадок и звёзды померкли:
«Ламп нет Ильича!» — мечты мнят коммунисты.

Каким же светлым и счастливым было детство,
Чтоб на краюхе хлеба соль был да чеснок,
И галифе, досталось, чтоб в наследство,
Да валенки, которым сто лет, как вышел срок.

Полвека, как Советы у власти на селе,
Хозяин есть в колхозе — председатель.
Хоть выборная должность, но в седле,
Уверен в том, что он лишь — созидатель.

И расцветал же край в тогдашнем, том «застое»,
Селяне — не рабы, «всем выдать паспорта»¹.
А председателю теперь не до покоя —
Покинет же село молодёжь навсегда.

«Одно дело, мой сын, его ждёт институт,
Но колхозу нужны шофера, трактористы.
Без доярок завал, разве это поймут,
Зачем нам в колхозе врачи и артисты?»

Понимали то даже в Верховном Совете
И поблажки создали тем, осевшим в селе:
«Хлебороба престижнее нету на свете!
Новый трактор тебе, ты — хозяин земле...»

У детей же заботы — расти, дорасти
До поры, ставши взрослым, можно было им всё!
И тогда маме скажут: «Ты, короче, прости!
Я давно оперился, и в труде — не осёл!».

А пока — все их лужи, драки и синяки:
«Ты мне больше не друг! Ты — дурак! Уходи!»
Уже завтра — друзья, но пока — дураки
И так каждый раз, юность их впереди.

Играют парнишки в «войну», и в «Чапая»
Весной, когда осень, а летом в футбол.
Турнир за турниром, команды от «края»,
Таким же составом в лапту, в волейбол.

А в школе, на утро «разбор» шёл «полётов»,
До схваток борьбы доходили порой.
На жёстком «ковре», после явных «залётов»
И в «краске» ланиты, но в душе — «я — герой!»

С Парамонова улицы, главной в селе,
В ней ватага была посерьёзней,
Два десятка парней, кои прочно в «седле»,
Понаглей всех других и свободней.

А у «Петенцев» «kozyрь» — места для игры:
Футбольное поле, прудок, с кряжем, балки.
Ну и каждый же славил, где жил, те миры,
У «центральных» рельеф скудно-жалкий.

Парамоновцев «kozyрем» был только клуб,
Спортплощадка у «Петенцев», с садиком, школа.
Ну, а в школе, естественно, общий был круг,
Где границы по классам, что ранг, для прикола.

Но за стенами школы, возникал если спор,
Не личный характер носил, всего края,
Чтоб ватаги бойцы не «отрыли топор»,
За всех дрался вожак, его «маза»² такая.

3

Чуть покрепче физически был «центральной»,
В ватаге, что с «Петенки», сим уступая,
Но был башковитей в разы, с головой
И часто брал верх, в «грязь» «крутых» окуная.

Вожак «центра» — холёный сыночек завхоза,
Был в прикиде по моде и смазлив на лицо.
Хоть крепыш, но не знал он ни запах навоза,
Ни труда по хозяйству, не очистит яйцо...

Отца Юры Гаркуши звали Алёша,
Любимчиком женщин в селе батя прослыл,

А в душе мрак и холод, лютует пороша,
От любви лишь к себе в душе ветер завыл.

И таким же стал Юра, как отец, ловелас,
Он иначе не мог, коли девушки сами
У ног стелились, хоть тот груб был подчас,
А после ходили, залившись слезами.

Юрка-Юрка, как рано ты стал донжуаном,
Деньги водятся: «Юрик, держи мотоцикл!»
Удивляется дед: «Как ты стал атаманом?»
А, девчата, все дуры! Ты — бугай, не внук — бык!»

Весь в обиде внучок, спасу деду уж нет,
Сломал старому посох, разбросал ордена,
Заслужил дед за кровь, статус чести задет.
В душу внука вселила как есть — сатана.

Алёша-вожак, но по жизни тихоня,
Учился прилично, был во всём «хорошист».
Не чувствовал взглядов, влюбилась что Тоня,
Девчонка чуть младше, девушка-фаталист.

Тихоня-тихоней, а Юрку отшила,
Да так, что надолго он запомнил урок,
А Лёшка, слепой как, укол нужен шила,
Чтоб факт сей заметил, не пришёл видно срок.

«Лёша, пойдёшь ты сегодня в кино?»

«Лёш, вам в „войнушки“ нужны санитарки?» —

Понравиться Тоня старалась давно,
Но Лёшка шарахался, как от дикарки.

Возможно, глушил он игривый гормон,
Стеснялся признаться, что взаимно влюблён.
Сердца не обманешь, слышен их перезвон,
Ведь она — симпатична и сам был недурён.

Разбить головешки могли бы друг другу,
Соперники в играх, но не на войне.
А жизнь разгоняла, вращая по кругу,
Взрослели парнишки, а девки вдвойне.

Расстались по-братски, пожав крепко руки,
В район кто, в девятый класс, а кто в ПТУ.
А кто-то провёл дома лето, от скуки
Не знал, чем заняться, достичь как «триумф»?

— Лёша, а можно тебе я буду писать,
Теперь же мы будем видеться редко?
— Если хочешь — пиши, обо всём буду знать,
Что случится в селе, о себе и о предках...

— Может, вовсе забудешь родное село,
Или вскоре найдешь там зазнобу?
Я тебя буду ждать, у меня никого...
Униженья прости мне эту стыдобу!

Обняла Лёшу резко, что того пробил жар,
Обняла за шею и к губам прильнула...
«Тушить или принять чувств пылких пожар?» —
Пока Лёшка думал девчонка всплакнула.

Оттолкнула парнишку рывком от себя
И с безумностью глаз, с болью в сердце,
О любви безответной безмолвно скорбя,
Убежала, с открытой к общению дверцей.

А Лёшка стоял средь села истуканом,
Такого не мог он представить во сне.
Хотел разобраться в себе, чтоб обманом
Надежд не давать её душевной весне.

4

Время летит и так кипуча наша жизнь,
Людские по-разному сложатся судьбы.
Кого-то по свету начнут так кружить,
Что скоро забудут все прелести дружбы.

Соперник игр детских, с Алёшкой в «бурсе»,
Три года учёбы и диплом на руках,
А профессия в их-то, колхозников вкусе —
«Тракторист-машинист», новый трактор в мечтах.

Юра пытался свой высказать гонор,
Наткнулся «на стенку», случился «облом»,

Из грозной горы стал холмом покорённым,
Могло стать и хуже — был спасён земляком.

Хоть жили не вместе, но всё же дружили,
И как же иначе, как-никак земляки.
Здесь каждый, по факту своё заслужили,
Хоть раньше питали одни родники.

Как староста, Лёшка, в группе слыл правдолюбом,
Авторитет не силой — взял головой.
Хотя, как атаману, не кричали «любо»,
Почестей хватило одному с лихвой.

Домой Алёшка ездил на попутках,
Порою на автобусе, редко — с дружбаном.
У Юры была квартирка поуютней,
Мог превращать с девчонками её в дурдом.

Читал Алёшка много книг, ходил в кино,
Готовил сам обед и не терпел паскудства.
Скучал по Тоньке, писем не было давно,
Учится в Ростове в училище искусства.

Всё чаще Тоню стал Алешка вспоминать,
Прошло уже два года после поцелуя,
Забыть не может, так хочется кричать:
«Тоня, прости! Я, олух, по тебе тоскую...»

Да, парни возмужали, а девушки в соку,
«Кофе с молоком», примиусские красотки!

«Нужна мне не любая, та, по ком тоскую,
О тебе все мысли», — лишь улыбка с фотки.

У Тони был явный талант к искусству
И много времени, проводя с мольбертом,
Была в нирване, предавалась чувству
К единственному, кто стал бы её «десертом».

У Юры же девчонок было всегда много,
Пользуясь смазливостью своей,
Ни с одной не встречался он слишком долго,
Лишь до «коктейля» из слёз и кровей.

Тоня с Лёшей хоть любили друг друга,
Но стоило встретиться после разлуки,
Начиналась в летний день вьюга,
Мечты — замком из песка, страдания, муки.

Старики говорят: «Навели на них порчу!»
И судачили бабы, кто тот сделал «заказ»,
И то, что при выборе стоит быть зорче,
И о том, «испеклась» мол, дева, томясь...

Быть может и вовсе «себя накрутили»
И не было чувств никаких в той любви.
И рано с вердиктом таким, поспешили,
Порознь побудут, Боже, благослови!

Порознь быть впредь должны все два года,
«Крестникам» Гагарина время пришло служить.

Там проявится всё: сила, дух и порода;
Всё может стать, чувствами дорожить.

Проводили в тот вечер друзей во солдаты,
Тоня слёз не сдержав, домой рано ушла,
Но сказав: «Мои чувства к тебе, Лёша, святы!
Никого не слушай, любовь не прошла!»

Как три года назад, поднялась на носках
И в долгом поцелуе чувствам отдалась.
Но не было слёз, и не дав приласкать,
В ночь, без оглядки унесла сердца страсть.

5

Осенний призыв, в мире неспокойно,
Служба будет проходить их в Туркестане.
Тут неразлучными станешь невольной...
За тысячи верст писем ждут их мамани.

А до этого, где парни видели горы?
Как «Путник в горах» — сигареты «Памир».
Тянулись к вершинам, к Создателю взоры,
А там, за горами был другой уже мир.

И что там происходит, солдатам довели
Замполитом роты военной разведки,
Им в политике тонкую грань провели,
Между долгом присяге и «мы ещё детки».

От Тони уже получил три письма,
Где о чувствах в конце только слово «люблю»,
Но тепло в них души, с кружевами тесьма,
Развязали солдату на шее «петлю».

Наконец-то всё понял, кто она для него
И как он равнодушием душу ей ранил,
Хоть то было лишь внешне, а не арго —
Стесненъем своим ей разум туманил.

В далёком краю представленья другие
О чувствах влюблённых, о ней, о себе.
И не детские мысли — серьёзно-благие,
Могли путеводными стать им в судьбе.

А Юрка героем хотел стать для девок
И переписку от скуки-печали завёл.
Нахально писал, как он крут — не «отсевок»,
Не о том, конечно, как всю роту подвёл.

За его тот проступок, всем досталось тогда,
На плацу загоняли, марш-бросок и в наряд,
Через сутки на сутки, но и то — не беда,
Беда в том, что смеялся весь учебки отряд.

Да, Юрка Гаркуша, он не был бы Юрой,
Отличался, конечно, но только в чём?
Если б проверки не было цензурой,
То памятник стоял ему б в селе с мечом.

Да, Бог с ним, с Юрой, без таких жить скучно,
Не быть, как Алёшка слишком серьёзным.
За проступок наряды «влетели» так кучно,
Что Юрка был обиженным, что туча грозным.

Приказ, по тревоге, марш-бросок в Кандагар,
Где сотни верст вдоль глубоких ущелий,
Тоннель перевала с названьем Саланг,
Пройти без потерь маршрут все сумели.

Они ж направленьем из Термеза пошли,
Понтонным мостом через Амударью.
План в стратегию генштаба тогда возвели,
Первыми разведка шла, с земляками в строю.

По трём направленьям был задуман бросок
И всё прошло ладно, словно на ученьях.
Но, как-то напряжённо, палец жал на курок,
Без стрельбы, в горах, при виде ущелья.

В первой партии шли в основном «партизаны»,
Дехкане-трудяги, рабочие городов,
Кто схож на афганцев, хоть им там не рады
И по призыву, со школьных ещё годов.

Намного раньше был заброс «нелегалов»,
Хоть и по легальным заграничным паспортам,
На самолётах, без проблем перевалов,
Агенты спецслужб «растеклись» по местам.

Младенцев крестят в купели, а бойцов в бою.
Хоть к боям готовят, на деле — всё не так,
Бой не ведётся на карте, а наяву,
Будет не «учебный», а матёрый враг.

Горный карниз дороги столь узок,
«Радея» гостям, устроен к засаде обвал.
Под «КамАЗом» подрыв превратил в щепки кузов,
РПД³, «шквалом» пуль, всех «косил» наповал.

Встал растерянным Юрка, тут же в спину толчок.
Улетает за «броник»⁴, огляделся вокруг —
То привёл его в чувства, Лёшка-зёма, дружок.
Моджахеды залпом с гор замыкали адов круг.

Командир пал первым, эхом смертный приказ:
«К бою-ю!» — разносился по ущелью.
Было всё, как учили, не в кино, на показ,
Офицер-шурави стал главной целью.

Защитой и объектами обстрела,
Для моджахедов стали, как в тире, БТР.
Для выстрела с высот, без оптики прицела,
А ты, браток, жизнь Господу доверь.

Сменивший командира, зам, орёт матом,
Не просит — требует: «... вы, бя, срочно, «вертуш-
ки»!»⁵

— Разведку бы в их тыл, к «духам»⁶ «тихой сапой»...
Сержант, дай-ка жару «пиру» -заварушке!

— Рядовой Макаров, с кем ты с детства дружен? —
Прапорщик Сергеев подозвал Алёшу.
— Земляки мы с Юрой, мне он в «связку» нужен
Лучше, но не легче, будет в тягость — «сброшу»...

Юрка очумелый что, крутит головой,
Подперев собою вертикаль горы.
— Видимо контужен, пусть идёт другой...
Кравченко, а ты как, боишься высоты?

— С Богом! Мы прикроем, «поджарьте им хвоста».
За горящим «БэТэРом» справа, вверх — откос.
Прапорщик Сергеев, Алёшу неспроста
Послал в разведку, по тропе алтайских коз.

Обучая в отряде, за составом следили,
Все минусы выявляли, замечая плюсы.
Командиры взводов с них глаз не сводили,
Дабы из разведки в плен не попали труссы.

Дымовая прикрыла вначале завеса,
Потом шквал огня бойцов роты по «духам».
Вверх ползя ужами, не гневя в небе Зевса,
Помогал группе Бог и, конечно, везуха.

Нависли над «духами» «ангелы» с неба,
Смелый и дерзкий разведки отряд,

Огнём «калашей»⁷, что лавина с гор снега,
На душманов свалилась, «орлов» зорок взгляд.

Их в списке с другими к наградам подали,
Комбатом разведки открыт счёт орденам.
Хороший урок «духам» те преподали,
А гибель бойцов открывал «кран» слезам.

Дружбан Юрка видом говорил «обокрали»,
Медаль или орден увели, что коня...
Подумал: «конец!», — бойцы в ранах стонали,
Когда за бронёй скрывал грудь от огня.

Алёшка всё понял — поникший взгляд друга,
Сказать, что тот струсил, не мог никому.
И служба пошла траекторией круга,
Ответ на «что завтра?» — знать дано Одному.

7

Олимпийские игры в Москве, их бойкот
И триумф наших легендарных спортсменов.
С «грузом двести»⁸ на Родину летит снова борт,
Русских, украинцев, белорусов, ... туркменов.

Особо сурова в афганских горах зима,
Сухое и жаркое в субтропиках лето.
В горах Алтая с Памиром, с ледником, снега,
Палатка бойцов южным солнцем согрета.

Ждут писем бойцы от родных и знакомых,
От любимых и тех, с кем лишь дружба пока,
От всех, кто их ждёт и, молясь у иконы,
Говорит: «Спаси, Боже, сохрани нам сынка!».

У сынов в руках крест, прижимают целуют,
И, как могут, молясь, просят: «Боже, спаси!».
Иисус и Аллах, слышат просьбы людские,
Исламистов-душманов, православных Руси.

Мятежи подавляя, в ликвидации банд
Героизм проявили посланцы Союза.
Счёт военных потерь начал тот лейтенант,
Став первым посланником скорбного «груза».

Закаляясь духом, ты готов ко всему,
К смерти ж привыкнуть почти невозможно.
Закрыв лишь глаза и представил ту тьму —
Сразу разум мутится, на сердце тревожно.

А, если теряешь навек в бою друга,
Делился с кем мыслями и сигаретой,
Для тебя стал родным, понимал без натуги,
И песня с ним вместе осталась неспета.

Было время затишья, был и напряг,
Были диверсии, обстрел моджахедов,
В засады их часто попасть мог отряд.
Тут дом их, значит, быть не может запретов.

Где братья дерутся — третий там лишний,
Так и в Афгане, с гражданской войной.
Но «кукловод» у одних — не Всевышний —
Заокеанский жандарм гонит в бой.

А кого защищал советский солдат?
Революцию?! Но не свою же — чужую
И шурави⁹ для талибов*, пуштунов — не брат,
Но судьбу не могли выбрать другую.

Субтропики с раем в долинах, адом в горах,
Мир с другой верой, во многом был чуждым.
Где с раем — плен, рабство и жизнь в кандалах,
И ты для родных остался лишь нужным.

В бессонные ночи, молясь, будут ждать
Тех мамы, кого забыли в тех, грозных горах,
Не отрёкся кто от креста, не мог предать,
Пятикратно намаз его не слышал Аллах.

Но и были же те, кто слабым был духом,
Кого мог сломить лишь приклада удар,
Кто у горла чур-ножа был испуган слухом,
На пушту и дари¹⁰ открывался в тех дар.

Проявляется трусость или же героизм,
Даже, если в одни «мышеловки» попали,
Мог пытки стерпеть не любой организм,
А самое главное, чтоб духом не пали.

Что русский дух крепок, давно всем известно,
Но есть слабости в людях — «Ахилла пята»:
Для одних — это мать, для других — невеста,
Для кого-то — Отечество, участь Христа.

8

Второй год службы, он уже на исходе
И мечтают о доме всё чаще друзья,
Но на службу, в наряды по-прежнему ходят,
«Дедам» уважуха, быть борзым нельзя.

В звании сержанта Алексей Макаров,
Юра лишь по лычке на погоны пришил.
Под Лёшиным началом, никаких «базаров»,
В плане подчинённости, начальника нажил.

Порою даже так взбрыкнуть хотелось.
«И чем тебя я хуже», — думал часто Юра.
И вспомнив детство, свою былую смелость,
Решил: «Моя всё ж круче, чем его фигура!».

«И что могла ты, Тоня, в Лёхе-то найти?
Обычный чел и не сравнить со мной.
В мой дом хозяйкою могла б войти,
Была б всем обеспеченной женой...».

Но видно не дано было Юре понять,
Что кроме рисовок, ещё нужно другое,

Нужна любовь, чьё чувство не отнять
Убить нельзя, сердечное, благое.

Испытывая часто к Лёхе ревность,
Подставить мог так, как бы невзначай,
Словами же высказывая верность,
Хоть койки рядом, паёк делили, чай.

Жёлчью обид разъедалась душа
И гниль иногда выползала наружу.
И пакость любая была хороша,
Что даже в жар бросало в афганскую стужу.

«Друг, я не мог, мы же дружим с тобою сто лет,
Сделать то, ты о чем можешь думать...
Ты ведь строг, командир, в том исчадие бед,
Мы — друзья, но черти могли ж попутать...»

Лёша улыбался, лучше всех зная друга,
Хотя лучше б иметь открытых врагов,
Чем, кто в спину ударит, подобно зверюге,
Подготовив алиби, убрав концы хвостов.

Стараясь подняться, залив друга грязью,
Хотя лучше звать, боевой он товарищ,
Как «заставка» завис между другом и мразью,
«Обезьяна с гранатой» в центре пожарищ.

Ни открытым врагом, и ни «духом» назвать,
Лишь стараться таких сторониться.

У него, как твоя, у икон плачет мать,
И эта судьба — в одну, чтоб влюбиться...

— Слышал я, Лёха, Тоньку кто-то засватал,
Из Советки, писала мамаша, парнишка.
«Залетела», что ли, кто её обрюхатил,
Что тебе не писала? Такая вот фишка...

И ухмылка застыла в уголках наглых губ,
Весь стараясь держаться серьёзным,
Лёхе глянул в глаза: «Ты настолько, брат, глуп?!» —
Тот, с пурпурным лицом, тучей стал, грозным.

Неожиданно резко, врезав прямо меж глаз,
Лёшка, зло, хладнокровно наказал за тот фарс:
— Никому не позволю обливаться грязью фраз,
Ту, что всех мне дороже... губошлёп, ты же фарш!

Ежом фыркающая, лёжа, Юрка, заголосил:
— Пошутил я, ты разве того не понял?
Я по дому чего-то опять загрустил...
Из-за шуток, на друга ты руку поднял?!

— Ты — не друг мне, Юрка, а пошлый мерзотник¹¹,
Не хочу об тебя я даже мараться.
А скажу лишь серьёзно, возле Тони,
Как вернёшься, чтоб не смел появляться.

Углубился разлад, что ущелье в горах,
А случился раскол тот, не сегодня — давно.

Лёшка воином стал, в глазах Юрки лишь страх,
Им два месяца вместе служить всё равно.

9

Северо-западной от Кандагара,
В провинции Фарках, в районе «Луркох»,
Где в горном массиве был рассадник кошмара,
Лагерь душманов¹² — крепость в стенах гор.

На плато, четвертью сотни тысяч гектар —
Неприступная крепость, где скалы отвесны
И столь величавы, как «Аллах Акбар»¹³,
В пустыне, что минорет¹⁴ поднебесной.

Советники готовили тут моджахедов,
Хозяйство в три колхоза, поля и огороды —
Осаду выдержит, в доставке нет запретов,
Для поставки оружия на походы.

Душманы держали весь в страхе район,
Вместе с тем, даже трассу прямую с Ираном.
Набеги, разбой и опять за «кордон»,
Где их не взять даже волчьим капканом.

Войска ДРА¹⁵ и советских военных —
И то «соседство», что изрядно достало,
Безнаказанные действия надменных...
Время решения задач уже настало.

Десант бросить на штурм — верная гибель,
А блокада с зимы не была успешной.
Что с «вертушки» генерал один раз увидел,
Не узнаем мы уже — Хахалов сбит спешно.

У подножья горы вертолёт «Ми-8»,
Офицеры экипажа, с ними генерал:
На комдиве Громове густо-густо проседь...
Над телами издеваясь, «шабаш»¹⁶ враг собрал.

После этого другого уже не дано,
Тела нужно было забрать с поля боя
И сколь вновь жизнью будет отдано —
Считать не принято: «Есть!» — смирно стоя.

На местности открытой невозможно,
Чтоб приказ исполнить «тихой сапой»...
Без потерь... В душе комдива так тревожно,
Душманов лагерь же не взять нахрапом.

Решенье принято, отвлечь душманов,
Им в тыл и ночью разведчиков послать.
Чтоб бросить в стан матёрых — мальчуганов,
Где дерзких и проверенных быстро сыскать?

И «закипела» разработка того плана,
Которым, «как пить дать», пошлют на смерть.
«Всё сложность рассказать им, без обмана
Или задачу минимум? — комбат, — но, как без
жертв?».

В «костяк» отряда взяли лучших из разведки,
Усилив также офицерами спецслужб
И тех, кого в горах учили выжить предки.
«Задача — больше шума в стане тех, кто чужд».

Был в сборный отряд состав уже отобран,
Отсеян комвзводом ефрейтор Гаркуша.
Хотя вещмешок по-походному собран.
Юрка места не знал, зло на Лёшку обруша.

— Не иначе комдивом ты себя возомнил.
Ты самый крутой тут, супергерой?
Разве больше вершин этих гор покорил?
Забыл, как ты бит был вот этой рукой?

— Чего же ты хочешь, подняв ил со дна?
Тебя знаю давно, небось нужна слава?!
Тебе это нужно, дата дембеля видна,
Тебя дома мать ждёт, деваха Любава...

— Ты сам дома скажешь, что Юрка был трусом,
«Соплей» на погонах нет и нет орденов...
Замолви словечко, я выносив под грузом
Не в тягость мне служба, я в ряду пацанов...

С колебанием неким, но Лёшка всё ж сдался,
Сентиментальности струнку затронув:
— Уболтал ты меня! Чтоб примерно сражался,
Без позора Миуса и Тихого Дона.

Согласился комбат: — Коль что — с тебя спрос!
Должен ты, как себя, заморочки все знать,
Иначе ответим. Ценник жизни так возрос,
Спокойно ты уже не сможешь спать.

— Да понял я, товарищ капитан, отвечу!
Ведь не пацан, последним будет этот шанс.
— Для верности, я тему эту засекречу.
Свободен! Комвзвода Маркин указанья даст.

10

Состав отряда весь собран у комвзвода.
Задачи и инструкции, как быть, раздал:
— ... Когда «груз» заберут, сигнал для перехода,
Ракетой будет дан, назад, за перевал.

Вопросов, если нет, на отдых, ждём сигнала, —
Закончив речь, устало офицер присел.
Хоть был и молод лейтенант, с начала
Своей службы, не по годам, он поседел.

Задача сверхсложна, сравнимая с безумством,
А потому имела место в заварушке,
Устроенной отрядом, скрытно, с искусством
Маскировки, бесшумно, но не на «вертушке».

А, кроме автоматов, гранаты, «ЭРПЭДэ» —
Номер «семь»¹⁷, «приборы снайпера в ночи»¹⁸

И альпинистов снаряжение, в «узде»¹⁹,
Не потеряться чтобы без огня «свечи».

Начало операции за полночью,
Так по расчётам, до рассвета, чтоб успеть.
Что неизвестно, не покрыто горечью,
Что впереди, не повторится, как и смерть.

Отряд «прорыва» вышел на час раньше,
Группа основная, целью коей «груз»,
Из-за того, что топать первым дальше,
Чтоб устроить душманам сверху конфуз.

Шли тихо, неспешно, уверенной поступью,
На скалы, с прохладой, росой лёг туман,
Звезды ж, сиявшие щедрою россыпью,
Спрятались напрочь — за хребтом «духов» стан.

Ночь столь тиха, что не только камни,
Срываясь вниз, не сдержав сапогов
И шепот ущелье так, словно цунами,
Эхо уносит все звуки в стан лютых врагов.

«Лейтюха»²⁰ тихо дал команду по цепи:
— Занять позиции всем, «боевые точки»!
Враг наш внизу, ждите команду, выбрав цели.
Встречайте, «Духи», «шурави» к вам в гости!

Определили цели все для «кукловодов»,
Которыми в «театре» выступают бойцы.

«Куклы» внизу, в костюмах «духов» и уродов,
Вчера в засаде были лихие храбрецы.

Лагерь вмиг душманов осветили взрывы,
А чуть позже загудел весь «улей».
Ночью видны были огневые точки
И уже в ответ летели, роем целым, пули.

По огням от вспышек можно посчитать —
Там тысячи стволов — перевес большой.
Им тропы все известны, будут наступать...
Гибнуть так не хочется на земле чужой.

— Шурави, ставайся! Ставайся, шурави!
И всё ближе, со стрельбой, их ругань.
Духи явно не в себе, адреналин в крови,
Шалман²¹ явно взбешён, но вовсе не напуган.

Пули крошили монолитный камень,
И лица рассекая острой гранью,
Крошки гранита «жгли», и крови пламень
Мешала бойцам — мат русской бранью.

И вот в отряде первые уже потери,
«Трёхсотые» ж в строю, из боя не выходят,
Но раны не могли зализать, как звери,
Их не замечая, с врагом отважно спорят...

А лейтенант поглядывал на время,
Сигнал ракетой для отхода не был дан.

Отряду выпало надолго видно бремя,
На себя вызывая огонь, держать стан...

А теперь и на южном подходе к горам
С основной группой началась битва,
За тела, по которым в свечах, у икон храм,
И готова поминальная молитва.

11

Скоро будет рассвет, а ракеты всё нет,
И в горах идёт бой, и у подножья.
Хоть отряд поредел, но оставили след —
Десятки врагов, не по воле божьей...

Уже пятеро раненных, трое убитых,
У душманов в планах — добить весь отряд.
Пока очертания туманом размыты,
Есть возможность спустить вниз ребят.

Лёшку легко лишь пуля «духа» задела,
А Юрка — счастливый, совсем невредим.
В его автомате, как сказал всем, «заело»
И примером отваги он не стал бы другим.

Взлетела ракета и «старлей» дал приказ:
— Уносим «двухсотых», кто не может идти?!
Сержант, у тех, кто в строю, есть боезапас?
— Трое со мной... Мы сможем «духов» увести.

— Ты правильно понял. Спасибо, сержант! —
Лейтенант обнял Алексея за плечи, —
Для отхода сигнал я подам — «крови» квант,
Продержитесь, ребята! До скорой встречи.

Дали Юрке в замену другой автомат,
Хоть его был расчёт совсем на другое...
Хоть запас гранат очень был маловат,
Но «рожков»²² к «калашам» наделили поболе.

Кроме Юрки в заслоне с ним, Петя-«бульбаш»,
Огромного роста и добрый парень,
Балагур-весельчак, короче, свой, наш,
Будто глыба, валун, большой камень.

Лёша, Пете налево пост-«пли» указал,
А Юра занял за скалой лёжку справа.
Понять Юра не мог: «За что Бог наказал?
Зачем мне вот такая, посмертная слава?!».

Саранчой шли душманы на мини-отряд,
Наказать собирались всех «неверных»²³,
Мусульманина мечь — священный обряд,
Дав зарок пред Аллахом — «зачистка» без пленных.

Затишья миг, как всегда, перед бурей
И следом обстрел с эРПЭГэ, миномётов.
У Алёшки «подствольник»²⁴ отбил враг пульей
Всё трудней им стала защита подходов.

Уже замолчал автомат Пети слева
И поддержки «огнём» слева нет от Юрка.
Петя убит, настигла его пуля-стерва.
Геройская смерть и без муки, легка...

Молчит земляк Юрка: «Что с тобою, дружок?».
А лёжка остыла и, пожалуй, давно,
Лишь гильз автоматных с неполный рожок...
Отбивать штурм «духов» одному суждено.

Стрельбы вокруг звуки и оклик душманов,
Они уже рядом, мысли череп «сверлят»:
«Не ждать мне подмоги, что Петро, великанов,
Пока есть патроны, в «духов» буду стрелять...»

Один бы оставить, хотя есть граната...
Её и оставлю... сожжены в рай мосты.
Палец застыл на крючке спусковом автомата —
«Дух» сзади вырос, с Юркой, из пустоты...

Нож он держал у Юрки на кадыке горла,
На Лёху наставляя ствол своего «калаша».
Юрка дрожал, подняв руки, со взглядом вора:
Моджахед, стволом жест, мол «вставай неспеша».

Нож, убрав с горла Юрки, шнурок дал: «Сяжи!» —
И со злобной ухмылкой, взял обоих на мушку.
Юрка шёл, озираясь и ждал пока жизнь,
Птицей, пуля вынесет через макушку...

Был только миг, когда дух не мог видеть
И Лёха мгновенно штык-нож спрятал в рукав.
«Юра падай!» — кричал, не веря, что выйдет,
Нож метнул так с замаха, между глаз угадав.

Жал абрек на «гашетку», пули камни секли,
Ничком рухнув, затих, нож до нельзя загнав.
— Хватай ствол! Юра, уходим. Мы же смогли! —
На душманов-врагов, метнул гранату стремглав.

Души душманов в мир Бархаз²⁵ навсегда «ушли»,
Не была, хоть воля их Бога, Аллаха,
Но и в их планах было, забрать свет души,
Иногда и для ката находится плаха.

12

Толи Богу угодно, такая судьба,
В небе, ярко светясь, ракета зависла.
Скрыл туман от погони, «штору» бросил с утра,
У бойцов снова жизнь полна стала смысла...

Уже мало кто ждал возвращенья солдат,
Когда стихла в горах стрельбы канонада.
Юрка был невредим, обнимает комбат:
— Ты — герой, молодец! Ждёт героя награда.

— Товарищ капитан, доложить разрешите?! —
Доклад сделал Алёша, как выполнен приказ, —

Петра Карповича, Вы, в герои впишите,
Приказ Ваш исполнен, — вот и весь мой сказ...

— Все получают награды, вы их заслужили.
Отделение целое в ночи полегло,
Вы, главное, хлопцы, хоть ранены, живы.
Так храбро сражались и чуть повезло...

Друзей, кто встречал, от души обнимали,
В засохшей крови жали сбитые руки
И все, как один в сей момент понимали,
Счастливики, хлопцы, всю жизнь без разлуки.

Молчалив и угрюм, что язык свой забыл,
Растерянно, Юра, смотрел параллельно
Тем радостным взглядам, родничок в них пробил —
Боялся, что ранят тем взглядом смертельно.

Его сослуживцы всей правды не знали
И вот, как с этим жить, он не ведал и сам,
И те мысли его были хуже печали:
«Провалиться б на месте, с позором в глазам...»

Быстро раны заживали, а вон на душе
Мучительно будут терзать по ночам.
И лица погибших в горах, все в том купаже,
Так терзает душу, что не вынести плечам.

Будет ли это трусов терзать впереди,
А, может, не будет, если души у них нет,

Может, те, память оставят всю позади,
На возвращенье в тот час наложив обет?

К ноябрьским праздникам зачитали приказ:
Бойцам вручены ордена и медали.
Кому-то уже посмертно, что слезы из глаз,
И того наградили, кто «точку» оставил.

Конечно, нельзя в том винить КэГэБэ,
Свидетелей нет преступления — точка!
Точнее, заслуга, как у группы «Любэ»:
«Комбат-батяня,...», — в поту вся его сорочка.

Заслуга и Лёхи, взял на себя он тот грех,
Что не сдал земляка на расспросах-допросах.
Маме Юрки в глаза не смог бы смотреть век,
То место часто снится, в горах, меж утёсов.

Приходили в себя, молчаливым стал Юрка,
Он на «дембель» младшим сержантом уйдёт.
Лёшка — старшим сержантом, а, к медали, орден
«Красной Звезды», к мундиру его идёт.

Так на «дембель» ушли друзья-шурави,
И в рассказах о том никому не поведав,
Жить будут ли вместе, знает то херувин,
Но «афганцев» встречали, как дедов с победой.

Их встречала семья, родня и друзья,
А, Алёшу, любимая девушка, Тоня.

Радости — море, передать, что нельзя,
До утра не стихает звук магнитофона.

Свои плечи расправив, в селе Юрка расцвёл,
Но на Тоню смотреть зарёкся навеки,
Жениха-любовника вновь славу обрёл
А личные судьбы — в разных руслах реки...

Жили долго ли, но мирно люди на селе,
Целовались на свиданьях по весне,
И за девушек дрались, когда навеселе,
Но солдаты наши гибли, не у нас в стране.

Эпилог

Лёха трудится в колхозе и женат давно,
Тоня родила сынишку — вылитый отец,
А вот Юрка баламутит, девки да вино,
И никто идти не хочет с Юркой под венец.

Та, Афганская война, не наша — чужая,
Гибли так пацаны, мы о ней мало знали.
Под грифом «секретно» — печать вот такая,
От того не слаще слёзы мам и их печали.

Не прошло и пяти лет, как село «тряхнуло»,
Новость скорбная сразила наповал:
В жизнь мирную селян горюшко шагнуло,
Из братишек-близнецов, один в Афгане пал...

Колю брат не хоронил, «служба» не пустила.
Их отец совсем не плакал — дико волком выл,
«Цинк»²⁶ пытался разорвать, кровь застыла...
Если б мог, от пули сына он собой закрыл.

Мама, что в анабиозе... тычут нашатырь,
Сердце биться не желает — мир не мил.
И не мир теперь он вовсе, а пустырь,
И бредёт смывать слезами пыль с могил...

Подвигу место для смелых найдётся
Не только в лихую кручину войны.
Мир нестабилен, рекою кровь льётся,
Быть на ней — не быть — в поступках вольны.

Возможно, твой подвиг — рекорд урожая,
В ударном, на совесть, в благородном труде,
На благо страны, Примиусского края,
С Родиной нашей в счастье и в беде.

А Родина помнить будет вечно героев,
Здоровье отдавших и жизнь за неё.
Страна патриотов, а не геев, изгоев
И в небе над нами не кружит вороньё.

Они жили рядом, мы их будем помнить,
Кто самое ценное отдавал за наш мир.
«Груз» памяти в нас посильно-подъёмный,

Военный чтоб славить в России мундир.

Достойными будьте отцов своих, дедов,
Чтоб враг не посмел нашу землю топтать.
Завоёваны ими зачем те победы?!
Чтоб тот флаг Победы мы могли целовать.

Январь — февраль 2024 г.

Пояснения к выделенным словам в тексте

1. «Всем выдать паспорта» — сельские жители Советского Союза

Постановлением Совмина СССР от 28 августа 1974 года №677 «Об утверждении положения о паспортной системе в СССР» был утверждён новый бланк документа. Оно впервые за всю историю Российской империи и СССР обязало всех советских граждан, достигших 16-летнего возраста, иметь паспорт. Крестьянам ранее выдавались справки Сельского Совета или правления колхоза. Причиной того была боязнь, что колхозники массово уедут жить и работать в город

2. «Маза» — заступничество в преступной среде.

3. РПД — ручной пулемёт Дегтерёва. В отрядах афганских моджахедов имелись советские ручные пулемёты РПД под патрон 7,62×39 мм, но гораздо более многочисленными были его китайские клоны.

4. «Броник» — тоже, что БТР (БЭТЭР) или бронетранспортёр.

5. «Вертушки» — боевые вертолёты.

6. «Духам» — «духами» или «душманами» называли Афганских моджахэдов, что переводится с арабского, как защитник веры, воюющий за религию или за родину) — члены нерегулярных вооружённых групп.

7. «Калашей» — «калаш», так прозвали автомат Калашникова (модификации АК-46, АКМ, АК-74).

8. «Грузом двести» — назвали «Грузом 200» цинковые контейнеры во время массовой перевозки убитых советских солдат из Афганистана. Этот военный термин обозначает примерный вес гроба с помещенным внутри телом взрослого человека. Расчетный вес 200 кг позволял определить загрузку самолета и избежать перегруза. По другой версии, груз 200 получил название от номера приказа Министерства обороны под номером 200, регламентирующего перевозку военных. «грузом двести» называют погибших военных.

9. Шурави — историческое название уроженцев СССР в Афганистане. Произошло от афганского названия советских гражданских и военных специалистов, в большом количестве работавших в Афганистане с 1956 года.

. Талибов — движение «Талибан» является запрещенной в РФ террористической организацией. Организация находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

10. На пушту и дари — это языки, которые являются официальными в Республике Афганистан.

11. Мерзотник — мерзавец в переводе с украинского языка.

12. «Аллах Акбар» — выражение «Аллах Акбар», каждый раз напоминая себе о Величии творца и означает — «Бог велик». Его мусульмане употребляют, когда радуются, грустят или удивляются чему-то.

13. Минарет — Минарёт (араб. манара — «маяк»), ми'зана (араб.) или саума'а (араб.) — в архитектуре ислама башня (круглая, квадратная или многогранная в сечении), с которой муэдзин призывает верующих на молитву. Минарет ставится рядом с мечетью или включается в её композицию.

14. ДРА — Демократическая республика Афганистан.

15. «Шабаш» — Над телами генерала, а он был в форме, и вертолетчиков душманы жестоко глумились — им выкололи глаза, отрезали уши...» — Б. В. Громов «Ограниченный контингент».

17. «ЭРПЭГЭ — семь» — РПГ-7 — советский ручной противотанковый гранатомёт многоразового применения, принятый на вооружение в 1961 году. Предназначен для борьбы с танками, самоходными артиллерийскими установками и другой бронетехникой, может быть использован для уничтожения живой силы в укрытиях, а также для борьбы с низколетящими малоскоростными воздушными целями.

18. «Приборы снайпера в ночи» — приборы ночного видения, типа ПНВС-1.

19. В «узле» — в связке, (автор).

20. «Лейтюха» — лейтенант, в обращении между собой рядового и сержантского состава в ВС РФ.

21. Шалман — Шалман (тюрк.) — жаргонное и пейоративное название низкопробного питейного заведения, как и слово кабак. Здесь высказывание иносказательно, как ночное шумное действо.

22. «Рожков» — часто употребляемое название магазина автомата Калашникова, из-за его серпообразной формы, похожей на рог.

23. «Неверных» — при слове «неверные» из уст мусульманина так и виднеются христиане и евреи. Ведь именно с ним исламский мир вел и ведет войны. И слова Пророка «убей неверного» многими истолковываются именно как убийство представителей упомянутых двух религий — христианства и иудаизма.

Только вот во времена жизни Пророка мусульмане под «неверными» имели не христиан или евреев, а своих соплеменников, не уверовавших в ислам или же отрекшихся от него.

24. «Подствольник» — подствольный гранатомёт, присоединяемый к автомату Калашникова.

25. Мир Бархаз — Барзах (араб. преграда) — в исламской эсхатологии промежуточное состояние, в котором пребывает человеческая душа в период между смертью и днём воскресения, либо в блаженстве, либо в страданиях.

26. «Цинк» — сокращенное название гробов из оцинкованной стали, в которых стали перевозить погибших в Афганистане военнослужащих. Те же гробы назывались иначе, как «груз 200».

«Клятва на крови»

Рассказ

1. Вот если б скуку разогнать

Лето 1973 года. Я, студент сельскохозяйственного института, приехавший в родное село, для прохождения производственной практики в своём колхозе, пославшем меня по направлению учиться. В то время к студентам-практикантам относились ответственно,

хоть и не всегда. И не совсем. Меня всегда притягивало две вещи — земля и техника. И эти обе стихии объединяла моя будущая специальность — инженер-механик сельскохозяйственного производства.

На время практики я принял гусеничный трактор Т-4А, на котором не было постоянного тракториста и закреплённые за ним машины: прицепной автогрейдер и полунавесной, пятикорпусной плуг. На территории колхоза все грунтовые дороги были прогрейдированы уже, в преддверие уборочной страды до состояния, даже идеальнее, чем сейчас некоторые асфальтированные дороги и, тем более, такую ответственную работу мне бы не доверили. А вот с плугом, так это пожалуйста и сколько душа желает. Понимая, что я практикант, а свободных наставников нет, все при деле, на меня особого внимания не обращали, действуя по принципу: «Чем бы парень не занимался, лишь бы не приставал с вопросом — „а, что мне делать?“», не путаясь под ногами».

Я был предоставлен сам себе и мог с плугом гонять по селу, перепахать, как мог пустыри и заброшенное поселение немцев-колонистов, где было много сюрпризов в виде разрушенных и заросших бурьянами подвалов и колодцев. Мог форсировать на тракторе неширокую речушку Каменную до поры, пока грязь не начинали заполнять просторную кабину трактора, с характерным болотным газом. Ну а затем я загонял своего мощного «красного коня» в пруд, для «купания». Это занятие доставляло мне двойное удовольствие, и сам искупаюсь и «коня» приведу в порядок.

Вечерами, по обыкновению ходил в клуб, чтобы или новый фильм посмотреть, или шары бильярдные погонять. Скучновато было в селе. В основном клуб посещали подростки до 14—15 лет, окончившие, как максимум 7 классов и те, кто уже отслужил или женатые молодые люди. А мои ровесники, в своём большинстве служили, парни и девчата, поступившие в ВУЗы или СУЗы были, подобно мне, где-то на практике.

Потом приехала на каникулы моя двоюродная сестра, ещё кто-то, к кому я не проявлял никакого интереса. Справедливости ради хочу сказать, что я к женскому полу был практически равнодушен. Незадолго до этого, будучи ещё в институте, отметили в конце июня моё восемнадцатилетие. Оно для меня стало резкой границей между детством в прямом и переносном смыслах и взрослой во многом уже жизнью.

Мои одноклассники начали с того, что предложили, как это делали другие, отметить мой день рождения в пивнушке, расположенной в городском парке, под экзотическим и в то же время, с ассоциацией какого-то зверинца, названием «Решётка». Но всё было проще, её так называли потому, что большая открытая веранда в верхней части имела украшения в виде переплетения узких деревянных брусков крест-накрест, что и создавало впечатление решетки. Я, до этого не любитель никаких спиртных напитков, впервые попробовал испытать удовольствие от питья пива с рыбой, цимлянским лещом. Понравилось. И в этот же день меня, «застыдив» принудили закурить первую в жизни сигарету,

а вечером пойти «навеселе» на танцы. Чего греха таить, тоже понравилось. Даже на девушек стал смотреть более уверенно, чем раньше, но не более того.

При встрече сеструха обрадовалась и предложила мне то, от чего я не мог отказаться:

— Как твой «Восход»? Витёк не загонял, пока ты в институте «гранит науки грыз»?

Весной предыдущего года, когда я заканчивал десятилетку в районной школе, мама купила мне мотоцикл «Восход-2М», на котором я ездил на расстоянии 25 километров на консультации и экзамены в среднюю школу, расположенную в районном центре. Когда же я учился уже в институте, мотоцикл перешёл «по наследству» моему меньшему брату Вите, хоть и на 15 минут, но меньшему. Он, справедливости ради, не отличался аккуратностью, но «убить» двухколёсный аппарат не успел.

— Да «жив», пока ещё «жив». Теперь я ему «ноздри продуваю». А что ты хотела, тебя куда-то свозить надо? — спросил сестру Тому.

— Да хотела бы в Политотдельск съездить, одноклассников проведать. Они, с другими классами у себя в школе встречу организовали. Хотелось бы всех увидеть, узнать, кто где и как. У тебя как с работой, я думала завтра, но пораньше, после обеда поехать, встретиться и пообщаться, а-то там на танцульках не поговоришь. Не дадут. Так что?

— Сестра, как скажешь и куда скажешь. Бензин не проблема, я же при гараже на практике. Да и без того, дядя Саша Голуби, ты же знаешь его, никогда не от-

кажешь, хоть в бардачок бензин заливай. Да и вообще, я сам себе хозяин.

— Ну и добре! К двум часам ко мне. Я успею на себе «марафет» навести.

— Тома, завтра буду. «Орлика» вымою, чтоб сиял и чтоб лицом в грязь... Сама знаешь.

— Да ладно тебе, мы твоего «Орлика» у Татьяны, моей подружки оставим и пешком пойдём, там 100 метров всего до школы.

На утро, я по обыкновению сходил на работу. Тётя Маша, работающая диспетчером, встретила с улыбкой:

— На работу, как на праздник, пахарь ты наш.

— Здравствуйте, тёть Маш! Чё там, Самойлович, наряда никакого мне не придумал?

— Нет! Только у механика спросил: «Как там, наш практикант, «зверюгу» не утопил? А-то дожди обещают, возможно, дороги придётся подправить. Уборка со дня на день, за потери зерна на дорогах «по голове не погладят», а «партбилет на стол» — «как пить дать», положить придётся. А, если куда-то тебе надо, то я могу «прикрыть», чего-нибудь придумаю.

— Нет, тётя Маша! Спасибо! Всё нормально. Я покручусь тут до обеда в гараже, может, кому чем помогу. А с обеда у меня есть важные дела, «слиняю».

— Лады! Марии Петровне привет от меня!

— Спасибо! Передам.

Погода стояла тёплая и пригожая, настроение на высоте. Но время отчего-то тянулось необычно дол-

го. К обеду солнышко начало прятаться за тучками, жара чуть спала, подул ветерок. На недавно грейдированных дорогах, гуляющие по широким сельским улицам мелкие смерчи, поднимали ту тут, то там конусными воронками пыль.

— Быть дождю! — только и сказал, вышедший из бокса гаража и увидевший поднятую пыль на дороге, Владимир Соловей, и ловко выбив из пачки «Беломора» папиросу, не дотрагиваясь к ней замасленными руками, прямо муштуком в зубы, спросил меня, — куришь? Дай огоньку.

Я, уважительно быстро и сравнительно ловко, зажёл спичку и поднёс её к водителю, прикрывая от ветра руками.

— Может тебе бензин нужен? Я всё равно ещё на ремонте.

— Спасибо, дядь Вов! Ну, если литров пять, чтоб до полного бака, то можно.

— Бери-бери, ведро на крючке, под кузовом, шлаг за спинкой.

«У дядьки Сашки не успел попросить, значит на другой раз будет чью „коровку сдоить“, когда выкатаю эту горючку» — подумал я и, чтобы не забыть, пошёл сразу «по указанному адресу».

Дома выкупал «Орлика», поспорил с матерью, пришедшей на перерыв с работы, попросил, на всякий «пожарный случай» карманных денег, без которых раньше обходился. Ну, а приехав на практику, сразу сказал, что я начал курить и мне мать сама покупала сигареты в магазине, где и работала. Курил я сигареты

с фильтром, такие, как «Наша марка» или «Ту-134». Спор вышел из-за того, что я не хотел одевать ничего сверху нейлоновой, «петухастой» рубахи.

— Мам, лето же, июль, жара!

— Смотри какая жара, дождь заходит, не видишь?!

— Так я до дождя, вжик и там! — хоть и противясь, но одел простой пиджак в виде френча, с накладными карманами и металлическими пуговицами.

— Вот так-то лучше! — заулыбалась довольная мать.

Подкатив к хате, где жила сестрёнка, нажал на хриплый, скрипучий сигнал, звук которого улучшался, при увеличении оборотов двигателя. Сидевшая на лавке у забора тётя, замахала грозно палкой, в поднятой над головой руке.

— Чертяка, усих собак перелякав! Глуши мацаклет! — грозно, но с улыбкой в уголках старческих губ, скомандовала тётя Нюся, мама сестрёнки, а когда я заглушил мотоцикл, добавила, — ты дивись, не гони! Бо я вас знаю! — желая снова погрозить палкой, но передумала, и опёршись на неё двумя руками, стала наблюдать за тем, что происходит на улице.

После напутствий, адресованных тётей для дочери, мы тронулись в путь и ещё какое-то время слышали плохо различимые, громкие напутствия тёти.

«Орлик» ритмично урчал и, как только село скрылось за «зоной бокового зрения», «запел» более ритмично, привычно и мелодично. Дорога была хорошей и только на поворотах приходилось чуть сбавлять скорость. Чтобы слышать друг друга, нужно было кричать,

настроение было выше неба... Хотя нет, небо начинало настроение опускать нависшими тучами. Они стремительно двигались нам навстречу, и мы увидели вспышки молний и раскат грома, от которого мотошлемы не смогли защитить от трескучего звука.

— Успеем? — с некой грустью спросила сестра.

— Попробуем! — без прежней уверенности ответил я, накручивая трос дроссельной заслонки карбюратора до максимума.

Крупные капли, всё усилившегося дождя, быстро остудили наш позитивный настрой. Сестра, крепко обняв меня руками, ударяла козырьком своего по пластику моего гермошлема. Гроза приближалась. Мы находились на полпути от пункта назначения, до которого изначально было 10 километров. И теперь моей целью стало, хотя бы дотянуть до орехового сада или, в худшем случае, до шелковичной лесополосы.

Ливень очень быстро превращал дорогу, по которой ещё минут десять назад можно было катиться боком, в скользкое месиво. «Восход» начало водить по проезжей части, и мне пришлось перейти на вторую передачи и двигаться медленно, «вальсируя» ногами, чтобы не упасть. Почва очень быстро превращалась из скользкой в липкую и грязью забивало крылья, и, в конце концов заднее колесо начало, как циркулем, делать окружность, вокруг переднего забившегося до «не могу», я еле успеваю выставить ногу, чтобы не завалиться набок.

Тома визжит. Одежда промокла до нитки, пластиковые щитки справлялись с грязью, летевшей из-под

колеса, но не с потоком воды, льющегося через «про-
рванную плотину» небес. Цилиндр двигателя шипел
и парил, пытаюсь согреть нам чай, но вода, испаряясь,
только окутывала нас паром. Вскоре и «сердце движка»
биться перестало, он заглох. И в наступившей тишине,
стало более отчётливо и угнетающе слышны стали уда-
ры крупных капель дождя по шлему.

Я повернулся к сестре и, стараясь улыбаться, сооб-
щил:

— Сестра, остановка «приехали». Вставай аккурат-
но и ногой багажник не сломай.

Программа минимум была выполнена. Справа
от дороги тянулась густая лесополоса, а метрах в пя-
тидесяти и левее, густым лесом и хмурым, тёмным
пятном, через сплошной поток дождя, нас недруже-
любно встречал ореховый сад. Но до него нам дотя-
нуть на себе технику с не вращающимися колёсами,
а иначе никак, уже было нереально. Мы, где букси-
ровкой за багажник, «задним ходом», то волоком, то
кантуя, но затащили «Орлика» в лесополосу.

До Политотдельска оставалось около трёх километ-
ров и еще по селу нужно было пройти не менее полу-
тора, но я ещё этого не знал. Мои замшевые, красивые
когда-то и модные в те годы туфли, почему-то стали
на меня как будто на пару размеров больше и спадали.
Я их снял, тоже самое сделали и сестра. Босиком стали
идти намного легче, вот если бы обувь ещё можно бы-
ло выбросить.

Ливень, к счастью, был непродолжительным,
но мощным. И мы, придя в себя, начали смеяться друг

над другом, над тем, какие мы «красивые» в грязевом макияже. Сигареты и спички размокли. Хотелось пить, как ни странно, и курить. На небе вскоре ветер разогнал тучи и о дожде напоминали только журчащие по водосливным канавам кюветов ручьи. Они-то нам и указывали направление, куда нужно было идти.

Сестра, хорошо знающая село и конечный пункт назначения, предложила маршрут не по центральным улицам, а по верхней, крайней, где была меньшая вероятность встретиться со знакомыми моей сестры, как минимум. Всё-таки видок у нас был ещё тот.

Татьяна, подруга Тома, жила как раз в верхней и дальней части села. И вот мы уже стучим, а вернее, сестра просто стала звать подругу.

— Боже, мой! — только и сказала полненькая, круглолицая, с румянцем на щеках девушка. — Заходите скорей, сейчас воды согрею.

Из дома на шум выглянула женщина и только собралась спросить, как её опередила дочь словами:

— Ма, это ко мне, друзья...

Таня завела нас в летнюю кухню, предложила присесть, хотя... Она увидела смтение и, поняв, сказала:

— Ничего страшного, потом приберёмся. Я сейчас одежду вам подберу. Тебе, Тамара, из моей, из которой я выросла, а тебе... как тебя зовут, жених?

Слово жених меня на время выбило из равновесия, но придя в себя, ответил:

— Саша, брат Тома.

— Подруга, а чего ты мне о брате ничего не рассказывала? Два года учились вместе, а ты... всё о сестрах.

— Так сёстры-то родные, а братик двоюродный. У меня в Марьевке ещё два брата, правда один сейчас в армии, а старший уже отслужил. Ты ж никогда не спрашивала, я думала, что у вас с женихами полный ажур. Село-то у вас раза в два-три больше нашего, так? — сестра растерялась и пряча грязные ноги под табурет, присела.

Я сделал тоже самое и начал осматривать стандартную в общем-то летнюю кухню. Как говорят, в тесноте, но не в обиде. Столик у окна на два-три едока, в углу газовая печь от баллонного газа, в середине печь под уголь, для обогрева помещения зимой и приготовления корма для домашнего подсобного хозяйства. В другом углу кровать-односпалка, заваленная бархлаком, в основном домашней одеждой.

К тому времени вода в тазу пустила пар. Таня посмотрела на меня, затем на сестру и объявила:

— Родственники, конайтесь, кто первым будет мыться, а я за одежкой сгоняю, — и не дожидаясь ответа нырнула, чуть пригнувшись, в открытую дверь.

— Давай, сестра, ты первая. И не дай Бог, чтобы ты заболела. Тётя Нюся с меня живого тогда не слезет.

— Хорошо! — тихо ответила сестра и начала задвигать шторы на маленьких окнах, выходящих во двор.

Когда с крыльца юрко соскользнула, казалось, не касаясь ступенек, Татьяна, и, пока она не шмыгнула в кухню, я успел спросить:

— Таня, а у вас кто-нибудь курит? А-то я... у меня...

Почему-то эта бойкая девушка меня смутила, и я терялся, но она, кивнув головой, ответила:

— Шас! Бельё отдам. Батя курит «Приму». Пойдёт?!

— Да всё пойдёт, — обрадовался я этому больше, чем тому, что скоро сброшу с себя мокрую одежду.

Я присел на перемышку лестницы, ведущей на чердак и закурил. Мне хватило две затяжки, чтобы закружилась голова. Сигареты были крепче тех, что я курил, драло в горле, я кряхтел, но не оставлял желания затянуться ещё и ещё.

Я выкурил ещё одну сигарету, пока девчата готовили купель для меня, а сестра начала стирать в корыте свою одежду. Когда я, обмывшись, оделся в предложенную одежду, то был схож на своего отца, в такой мешковатой одежде был батя на фото, когда я только родился. Но телу стало тепло и приятно. Сестрёнка помогла и мне разобраться с грязным бельём. И вскоре моя ярко-броская в «петухах» рубаха, гордо реяла рядом с блузкой и юбкой сестры.

Татьяна с сестрой больше шушукались, а я изучал подворье, выходил на улицу, но в таком наряде, с чужого плеча, даже за сигаретами не рисковал сходить. Потом молодая хозяйка пригласила нас почаёвничать. Подружки разговаривали о встрече, о том, что лучше одеть, но это по отношению к Таня, Тамара же надеялась, что к вечеру её одежда вновь обляжет вокруг форм хозяйки. А я в этом даже был уверен. Студенческая жизнь научила, если не всему, то многому.

Когда Таня спросила, не нужно ли нам чего, она собиралась куда-то идти. Я попросил купить сигарет.

Она деньги брать отказалась, сказав, что «вы же мои гости».

Но вернулась Таня не одна, а с ещё одной подружкой. Она была полной противоположностью Татьяны: брюнетка, стройная, среднего роста, с сияющим просто так, даже без причины лицом.

Они с Томой друг друга знали, поздоровавшись, девушка сама подошла ко мне и представилась раньше, чем Татьяна хотела это сделать:

— Я Любаша, Люба! А тебя как зовут?

— Алек... Саша, — ответил я сбивчиво, не ожидая такой инициативы от новой знакомой.

— А мы с Таней всю жизнь знакомы и в садик вместе ходили, и в школе за одной партой сидели, а потом я с восьмого учиться в Таганрог уехала, в медицинском училище, а Таня с Тamarой дальше уже учились вместе. У тебя ничего не болит? Если чё, обращайся. По благу вылечу.

— Да, нет...

— Так всё-таки да или нет? — продолжала атаковать меня Люба, не давая опомниться.

— Нет, пока не нужно. Ноги ходят, руки делают, сердце стучит, — придя в себя и подстраиваясь к темпу разговора собеседницы, ответил, как выпалил.

— А стучит сердечко как, ровно или?

— Ровно и ритмично, как у спортсмена и еще десять дней назад не знавшее, что такое никотин сигаретный.

— Плохо и первое и второе... Вот я и говорю, что помощь нужна. Это я, как будущий фельдшер говорю.

Поняв, что имела ввиду Люба, я промолчал, сделав вид, что не словам особого внимания.

— Так, что лечиться, товарищ больной или как?

— Или, как и никак! — на удивление даже самому себе, резко ответил собеседнице и решил сгладить острые углы ситуации, добавил, — поживём — увидим.

— Надеюсь, — заглянув мне прямо в глаза, как-то вызывающе и смело, очень уверенно и заигрывающе.

Я, конечно, никогда близко не общался не только с девушками лёгкого поведения, но с девушками вообще. Даже, когда в старших классах школы, когда меня подсаживали то к кореянкам, то к армянке, то к очень бойкой русской блондинке, которая была выше меня ростом. И все они были симпатичные, но я на них мог смотреть чаще всего исподтишка или с «пионерского» расстояния. А тут... И причём девушка-то деревенская, не городская. Хотя, это ещё не факт.

— А ты со мной не будешь стесняться, если мы пойдём вместе, — продолжала меня атаковать Любаша.

— Так мы же вместе пойдём на встречу. Так же? Хотя я-то иду за компанию с сестрой.

— А за компанию со мной не хочешь? Тania с Тамарой, как «санитары», ходят парой. А я без пары остаюсь.

— Что у вас парней мало?

— Почему мало, хватает. Значит, не хочешь. У тебя девушка есть? Заревнует? Так я навязываться не стану. Насильно мил не будешь.

— Хорошо, я составлю тебе компанию, — заметив, что Люба начинает терять спокойствие и даже самооб-

ладание, — надеюсь, что твои ухажёры будут меня бить, хоть и сильно, но не больно и мать потом сможет меня узнать в «отбивной». А если нет, то тебе тогда точно придётся мной заниматься, но уже в больничке.

Мы оба дружно рассмеялись и напряжение было снято.

Время шло к вечеру и девчата принялись сушить утюгом и заодно гладить в основном мою одежду, брюки и пиджак. Перекусив домашней едой, девушки ушли в горницу, оставив меня в гордом одиночестве. А я этим временем познакомился сначала с мамой Татьяна, а затем и с отцом, пришедшим с работы.

Они оба хорошо знали моих родителей. И в этом ничего предрассудительного не было. Во-первых, моя мать, ещё будучи незамужней, возила кинопередвижку по селам района. И девушку-киномеханика не запомнить было нельзя. Во-вторых, долгое время оба наши села входили в состав одного колхоза и только пять лет назад, как произошло разделение колхоза на два с центральными усадьбами в с. Политотдельское и с. Марьевка. Отец же в Марьевке работал заведующим клубом. В-третьих, мама сейчас работая продавцом Политотдельского сельпо, часто приезжала сюда по работе.

В разговоре они оба лестно обзывались о моих родителях, что мне было, конечно, приятно слышать. Дядя Коля, отец Тани, тихонько, чтоб не слышала супруга, предложил мне, ради знакомства «по сто грамм», но я вежливо отказался.

Вышли нарядные девахи: туши, крема, пудры и губной помады было потрачено ими изрядно. Но оно

и понятно, не за хлебом в магазин собралась, а на встречу, где после каждого будут обсуждать или завидовать. Мы спускались по улице сверху вниз к центральной улице, где чуть правее располагалась центральная площадь села, а вокруг магазины, дом культуры, неприметное здание райпо, а за магазинами двухэтажная школа.

Мы шли парами, впереди Таня и Тамара, за ними Люба и я. Я, не выдавая некоторого дискомфорта, незаметно озирался по сторонам, желая увидеть осуждающие взгляды незнакомых людей. Но никому до нас не было дела. Когда девушки здоровались с односельчанами, я делал тоже самое, ведь у нас в селе были такие же правила — здороваться со всеми, с кем встретишься, со знакомыми или приезжими.

2. Клятвенный ритуал

Я смотрел на Любашу и мысленно пытался сравнить её с моей, можно даже сказать первой девушкой, с которой опять-таки волей случая я познакомился около месяца назад, ещё в зернограде, во время прохождения учебной практики на полигоне. Мало того, я с ней провёл вместе двое суток, именно суток, два дня и две ночи.

Это было в моей жизни впервые, когда я целовался с юной дюймовочкой, как я её потом стал звать, часами, прерываясь, лишь для восстановления дыхания. Почему-то я только сейчас о ней вспомнил, хотя то, что произошло за эти двое суток достойно, как минимум, для написания приключенческой повести.

Эту девушку звали Наташей, она была школьницей из Новочеркаска, и в тот день приехала со своей старшей сестрой в зерноград к тётке в гости. Но так как я её, после случайной встречи на вокзале, уже отпустить от себя не смог, то у тётки она смогла побыть всего полчаса и, получив урок воспитания, вынуждена была отправиться домой, но уже в сопровождении меня, а её старшая сестра, под руку с моим другом Саней.

Но там развивалось всё как-то не так, стремительно и обоюдно. Мы оба как бы сошли с ума. Ладно я, мне вот-вот должно было исполниться 18 лет, а Наташе ещё и шестнадцати не было. Мы проводили наших знакомых девушек в Новочеркасск и там вместе провели сутки, познакомились со своими, как шутя говорили, тещами. И всё было замечательно и романтично. Но почему я стал на время забывать, хоть первые пару недель, вставал и ложился с мыслями о Наташке, уже написал ей пару писем с учёбы и одно из дому. Почему я, сначала на время её забыл, а теперь, когда познакомился по случаю с другой девушкой, снова вспомнил ту?

Одно я точно знаю, что меня привлекло в Наташке — это то, что я всегда представлял свою девушку такой, как моя мама: невысокого роста, обязательно брюнетку, живую, подвижную, заводную. Всеми этими качествами обладала Наташа, да и Люба в принципе тоже, кроме роста, она была среднего роста и не столь миниатюрна. Но в остальном, они были схожи. Весёлость, напористость и решительность, что больше было свойственно, конечно, юношам, игривость и простота.

Конечно, всё перечисленные качества девушки мне не могли не нравиться. Тем более, что я в школе, да и без малого не весь первый год обучения в институте был эталоном мальчика-недотроги, не «ботаника» и фаната учений и зануды, но тихоней — это точно. У каждого такие изменения случаются, тем более, когда влюбляешься. А, что, я снова влюбился? Да, не может быть?! Месяц назад у меня кружилась голова от поцелуев и счастья соприкосновения с юным девичьим телом, без интимного продолжения, но уже не «пионерской» близости и вот опять — приехали...

«Саня, а чё ты делаешь? Ты для чего приехал сюда, для этого? Ты, что превращаешься в какого-то мачо или просто ведёшься на девичьи чары? — спрашивал я себя и не находил ответа, — может быть мне просто признаться Любаше, что моё сердце занято и не стоит строить далёких планов? Что за бред лезет в голову, это уже я тороплю события, ведь ничего нет серьёзного, да и не будет. Девушка флиртует, а я вместо того, чтобы поддержать её, играя в паре, включил программу курса, изучаемой на первом курсе философии — зануда!».

— Ты чего, кавалер, задумчивый такой, — прервала поток моих бредовых мыслей, Люба, — расслабься, сейчас мы тебя познакомим с нашими друзьями.

Школа была на пригорке и перед входом в неё, да и по всей территории, за зданием, на спортивной площадке, небольшими группами собирались молодые люди. Я всматривался в их лица, но никого, по понятным причинам не узнавал. Было бы это в райцентре, где я оканчивал десятилетку, другое дело, но не в селе,

где я был впервые, не считая того, что приходилось несколько раз проезжать на «грузопассажирское такси», как называли тентованные грузовые автомобили, с установленными лавками в кузове, в качестве сидений. Жёстко и порой холодно, но были такие времена и такой общественный транспорт. На них сельяне везли в Таганрог, на рынок избытки сельскохозяйственной продукции своего домашнего хозяйства.

— Парни, знакомьтесь. Это наш гость из Марьевки и мой новый друг, Саша. Кто обидит, будет дело иметь со мной.

Все дружно засмеялись, услышав явную угрозу из девичьих уст, но на смех не подняли и за то спасибо. Хотя я чувствовал себя всё же немного неловко в такой ситуации. Ребята, как правило были чуть моложе меня, но эта возрастная граница не была столь существенной. Главное, что они были добродушны, приветливы, внушая доверие и желание общения на равных условиях, без напряжения.

Вскоре загремела музыка и всем известные, популярные мелодии, в исполнении местного ВИА из дома культуры, ударами по струнам электрогитар пригласили внутрь фойе, так как во дворе не было удобной асфальтированной площадки. И, возможно, вторым фактором тому, что мероприятие проводилось в помещении было то, что накануне ливень наделал много переполоха и организаторы выбрали этот беспроегрешный вариант.

Когда я отошёл от моей девичьей компании, чтобы перекурить, ко мне подскочил рыжий парень с предложением:

— Разговор есть. Отойдём?

— Ну, коли есть о чём поговорить, то можно и отойти. Тут сильно шумно, — стараясь не подавать волнение, но мысль о том, что это стандартная процедура, чтобы намекнуть о том, кто тут хозяин положения и уточнить мои права, если они, конечно есть.

Я помню, что с тех пор, как я стал жить сознательной жизнью, лет уже двенадцать, как минимум и до момента, когда я покинул три года назад родное село, между парнями нашего села и из их села происходили постоянные стычки и поводом для них были, конечно, девушки. Изначально парни приезжали к соседям на велосипедах, позже на мотоциклах. Часто разборки заканчивались драками и ответными визитами, с тем же исходом. Потом как-то притихло, толи молодежь стала понимать, что кулаками любовь не завоёвывается, толи ещё что-то, но за последние три года о таких происшествиях я слышал только однажды. Тогда по пьянке мой земляк избил парня из этого же села и получил условный срок.

Парень повел меня по облагороженной тротуарной дорожке в направлении школьного туалета, где она проходила среди кустов сирени с двух сторон.

Чей-то оклик позвал:

— Сюда!

Мой «конвоир», идущий спереди, повернулся и махнул, приглашая за собой. Я, выставив руки вперёд, чтобы не обобрать лицо кустарников, шагнул в темноту. Выйдя на просторную полянку, увидел двоих парней.

Один подошёл ко мне вплотную, чтобы можно было лица и, улыбаясь, предложил:

— Давай знакомиться ближе. Я — Витёк, это Андрей, а это Вовчик, — указав на моего сопровождаемого.

— Я — Саня. Приятно познакомиться.

— Мы, это, как его, хотим предложить тебе скрепить наше знакомство «Агдамчиком». Ты, как?

— Да, я... — начал мяться я, не зная, как поступить лучше, да и питок я не очень.

Сразу вспомнился мне мой выпускной, но очень смутно, так как мои одноклассники предложили начать отмечать его ещё до торжественной части, с распития вина в парке, что в 100 метрах от школы. Они-то привычные, а я окосел и был вынужден пропустить большую часть вечера. А утром в добавок, бабуля не могла меня разбудить на встречу рассвета. Я приехал на своём «Восходе» на место встречи рассвета за речкой и смог только застать двоих, задержавшихся парней...

— Ты же не хочешь нас обидеть! Ты наш гость. Мы же не требуем с тебя «проставиться», а отказ не принимается. Или хочешь обидеть?!

— Нет, конечно.

Выпивали по обыкновению, из горлышка и по кругу. Распив «семисотку», закурили втроём, один оказался некурящим. Я, заметив, предложил ему сигарету, но он закивал головой.

— Андрюха у нас спортсмен, чемпион школы по лёгкой атлетике, — за него ответил Витя.

Беседа пошла без напряжения. Когда я, поблагодарив моих новых знакомых, хотел идти, Витёк, придерживав меня за рукав пиджака предупредил:

— Саня, если у тебя с Любовой серьёзно, то не обижай её. У неё никого нет и никогда не было. Она так шумовая, если кто-то понравился, то это по-настоящему, я это понял, так как мы её такую давно не видели. Хорошо?!

— Да и в помыслах не было ничего дурного. Парни, будете у нас, буду рад вас встретить уже в качестве гостеприимного хозяина.

Пожав друг другу руки, я пошёл к зданию школы, где веселье набирало обороты. Люба бегала от одной группы парней к другой, видимо в поисках меня.

— Фу, где ты был? С ног сбилась в поисках. С меня бы сестра твоя три шкуры сняла с меня, если что...

— Извини! Всё нормально. Нужно было отойти.

— А ты любишь танцевать, хочешь? Пойдём!

— Ну не очень, а если ты приглашаешь меня на «белый танец», то отказать не могу, конечно.

— Точно! Я тебя приглашу на «белый танец» ... Нет, на три танца, а потом пойдём погуляем туда, где потише. Лады?

— Лады! — заулыбался я, видя сияющее лицо девушки.

Она ухватила меня за руку и поволокла так, что я без малого не растянулся на ступенях, зацепившись своими, не донца высушенными и терявшими вид после чистки, замшевыми туфлями.

После уличной свежести, в помещении было немного душновато. Я заметил веселившуюся сестру и её подругу. Люба перехватила мой взгляд и прижавшись ближе к моему уху, из-за громкой музыки, прокричала:

— Подруги уже в курсе, что я тебя «украду». Ждать тебя не будут. Уверена, что у них ночь также будет весёлой, как и вечер или предадутся воспоминаниями. Если устанешь от меня, Танюхины родители приготовят в кухне второе ложе для тебя на раскладушке. Думаю, что ты сестре кровать уступишь?! — я ощущал пылкое дыхание на щеке и лёгкое прикосновение грудью к моему плечу.

Лёгкая дрожь пробежала по коже и уже знакомые желания, которые я уже испытывал к девушкам — обнять и поцеловать или это просто вино ударило в голову. Начался медленный танец и Любава, развернувшись лицом к лицу, молча кивнула, приглашая на танец.

Танцором я был так себе, но, когда девушка попыталась меня вести в танце, я перехватил инициативу и она покорно согласилась, расслабившись, следуя за мной и лишь сильнее и сильнее прижимаясь. Рука на талии ощущала гибкость девичьего стана, а волосы передавали лёгкий аромат духов. И я «растаял». Не скрою, что мне была приятна такая непринуждённая близость, вызывающая лёгкое головокружение. Люба от меня не отходила и в перерывах между танцами, ожидая следующий медленный, дабы лишить потенциальных соперниц возможности сделать это раньше. Только так я понимал её нежелание «оторваться»,

хоть на время от меня в прямом и переносном смысле.

Вот и остались за спиной звуки музыки и веселья. Я покорно шёл в сопровождении своей пассии, на душе было легко. Ушли все огорчения, связанные с ливнем и последующими за ним неприятностями. Я давно уже не испытывал удовлетворённость происходящим моментом, после дней суеты и скукоты.

Люба также, на удивление, молчала, улыбалась и, стараясь идти со мной в ногу, иногда сбивалась, что заставляло или мне подбирать ногу, или наоборот.

— У тебя есть девушка? — Как обухом по голове, так неожиданно и резко, без подготовки, выпалила Любава, резко остановившись.

— Как тебе сказать, и есть, и нет. Тут однозначно не скажешь...

— Не темни, — не унималась девушка, — у тебя есть девушка, которую ты любишь и предлагал руку и сердце?

— Ну, значит, тогда нет. Такого никому не предлагал.

— Тогда я буду первой.

— В чём первой? Первой моей девушкой, с которой я сегодня познакомился? Так с Таней я познакомился раньше.

— Ты прекрасно меня понял, не дурак же...

— А, ты хочешь быть моей, чтобы мы, ну...

— Дурак! Вот теперь мысли у тебя дурные. Я хочу по-настоящему, венчаться. Совсем тебе не нравлюсь?

— Люба, разве так можно? Мы знаем друг друга все ничего...

— Можно жизнь прожить и человека не познать. Решайся, я делаю тебе предложение.

— Ой, мама, держите меня! Ты шутишь или в церковь меня ведешь?

— Нет, в церковь сейчас не время. Я другой обряд знаю. Вон до того сквера пока дойдём, ты подумай.

— Да, много ты мне времени на раздумье дала, вся жизнь перед глазами пробежит, как перед плахой.

После этих слов, Люба, рассмеявшись, воткнулась буквально головою в мою грудь. И через нейлоновую рубашку прекрасно ощущал её томно-напряжённое дыхание. Улица была безлюдна, в редких окнах светились голубые огоньки телевизоров. А большая часть села уже спала, так как в селе большинство населения относятся к разряду жаворонков и не по собственному желанию, а по необходимости. Село летом оживало в пять часов утра, даже раньше. Женщины уходили на фермы, на утреннюю дойку коров после того, как своих подоят. Да и мужчины спозаранку в хлопотах, по хозяйству управиться нужно до работы, и механизаторы рану уходили в бригаду, где готовили технику к уборке.

— Чё замер? Время натягиваешь? — прямо в лицо рассмеялась мне Люба.

Шли молча и неспеша. Я не знал, где меня «женить» будут или просто это шутка. Вошли во двор какой-то организации, судя по размерам и форме строения. В середине и в дальнем крыле здания, в окнах горел свет.

— Ты куда меня привела? — без притворства удивился я.

— В больницу, — серьёзно сказала Любаша, —

но мы внутрь пока не пойдём, не станем тревожить дежурный персонал и больных. Пойдём во двор, там скамьи есть, присядем.

Обошли здание и, пройдя по аллейке, присели на скамью. Я молчал и ждал, что будет дальше. Девушка серьёзно смотрела мне в глаза.

— Будешь моим суженным или боишься? Ты, уколов боишься? А крови?

— Нет, не боюсь. В этом году, в день донора я даже кровь сдавал. А, что кому-то нужно переливание?

— Да, мне! Дашь мне пару капель крови?

— Этого хватит?

— Ну, чуть больше.

— А, я понял, ты вампирша, да?!

Любаша закатилась смехом, а потом зажала сама себе рот рукой:

— Сейчас, если услышат нас тут, напрут. Надеюсь, что нет, но кровь пустить могу. Ты же не забыл на кого я учусь?

— Ага, забудешь теперь, после всего сказанного, — ответил, пытаясь изобразить, как можно натуральнее испуг.

Люба плотно воткнулась мне в грудь, чтобы глушить смех таким оригинальным способом. Я инстинктивно прижал её к себе, обнимая за плечи. Затем откинул полу пиджака и прикрыл её девушку. Она притихла, еле слышно дыша, словно пригревшийся под родительским крылом птенец.

— Ты клятву когда-нибудь давал? — вновь заговорила Люба.

— Конечно, когда принимали в пионеры, клялся и зная целовал.

— Я серьёзно. Есть такой обряд «клятва на крови», не слышал.

— Слышал, конечно. Я должен поклясться в верности или в чём?

— Ну, раз ты мне не ответил на вопрос, нравлюсь я тебе или нет, то хотя бы в дружеской верности можешь поклясться?

— Мы кровь донорскую украдём из холодильника в больнице? Вот почему мы здесь, — теперь очередь смеяться была моя и мне пришлось глушить смех на груди у девушки.

А девушка, загнав свои тонкие пальцы в мои моих кудри, как расчёской, ещё плотнее прижала бестолкову к себе и я почувствовал учащенное биение её сердца. Затем я не сдержался и «впился», словно вампир поцелуем в пылкие уста девушки. Девушка обмякла и не предпринимала никаких попыток, чтобы освободится.

Потом Любаша воспряла, чуть отстранилась и улыбаясь произнесла:

— Целуй! Целуй меня крепко, целуй меня страстно, пока мы не провели обряд «клятвы на крови» для дружбы. Ты же друга так целовать не станешь, да?! А избранницу сможешь, но обряд должен иметь другой смысл и слова клятвы иные...

Ночь, на удивление быстро пролетела, на то она и летняя, короткая очень. Мы наобнимались и нацеловались до одури. Ощущая опьянение от множества

поцелуев и негу со слабостью из-за бессонной ночи, понимали, что пора отсюда уходить, пока нас не обнаружили работники специального учреждения медицины.

— Время! Ты, готов? — резко спросила Люба.

— Всегда готов! Я же клятву давал, вступая в ряды пионеров.

— А со мной слабо?

— Не слабо! Кусай или режь! — освободив шею от ворота рубахи, повернулся к Любаше.

Та, улыбаясь, предложила:

— Правую руку.

— Ты у меня просишь руку, а сердце не будешь?

— Не буду.

Я покорно протянул ей правую руку и наблюдал, что будет дальше. Люба недолго смотрела молча мне в глаза, держа руку и потом спросила серьёзно:

— Готов?!

— Да, готов-готов! Кусай!

Я не успел даже понять, откуда она достала лезвие для безопасной бритвы и начала разворачивать упаковку.

— Может скальпель в больничке попросим? — пытаясь не показывать волнение, которое, хоть и в незначительном виде, но присутствовало.

— Спирта нет, а огонь для лезвия нежелателен. Попробуем на заводскую консервацию. Я тебе это сделаю, а потом ты мне, хорошо?

— Я не смогу!

— Сможешь!

Люба, держа руку ладонью вверх, быстро сделала два разреза на внутренней стороне запястья «крестиком». Хотя порезы были неглубокие, но кровь, набралась в крупные капли, а затем начала растекаться по руке.

— Держи! — скомандовала Любаша, подав лезвие и протянув мне свою руку, — не тяни, режь!

— Не могу я, Люба! Давай я лучше себя ещё раз порежу. Тебя не могу.

— Тоже мне, друг! Или жених?!

— Любаша, я только одно могу тебе сказать, что ты — девушка хорошая, душевная и прямая, но, зная друг друга несколько часов и... не могу я тебя резать, хоть убей.

— Придётся тогда самой...

— Меня убить? — не дав досказать, перебил Любашу.

— Любить, кучерявый ты мой, любить!!!

Люба взяла уверенно из моих рук лезвие и полосовала дважды по своей правой руке. Толи из-за того, что она это делала левой рукой, было неудобно, толи давление артериальное было высоким, а может быть она перехватила крупный кровеносный сосуд, но кровь хлынула струйкой, а потом проделав русло, начала сбегать по руке. Мы, как по сговору прислонили порезами друг к другу руки. Я плотно прижимал свою руку, одновременно держа своей свободной левой рукой её, кровоточащую нежную и окровавленную руку.

— Повторяй всё за мной. Я клянусь...

— Я клянусь... — повторял я все сказанные девушкой слова клятвенного обещания, даже не вдумываясь в сущность и значение этих слов.

Всё моё внимание было на непрекращающееся кровотечение из глубокой раны, плотно прижимая к её руке свою, что как-то уменьшало кровопотерю.

— Ну вот, — улыбаясь сказала Люба, — теперь мы друзья до гроба.

Я сейчас не думал об этом, быстро нащупал в пиджаке носовой платок и изначально думал перевязать рану, но наложить повязку его бы не хватило и тогда я вспомнил, как накладывают жгут на руку, туго затянул узлом платочек выше локтя. Это дало хороший эффект, оставалось перебинтовать рану. Потом меня осенило.

— Сиди, я сейчас быстро в больничку мотанусь, бинт попрошу.

— Саша, не стоит, она уже почти не идёт. У меня просто свёртываемость плохая. Я не знала, как у тебя с этим и потому сюда привела, на всякий случай. Иначе я бы себе такого не простила никогда. И потом, меня же там знают, подумают, что девка дура из-за парня вены вскрыла. Не нужно! Всё хорошо!

— Сейчас, погодь, — я снял пиджак и собирался снимать рубашку, чтобы, оторвав рукав, перебинтовать рану.

— Угомонись! Смотри, остановилась, — Люба приподняла руку, чтобы доказать мне сказанное, — у меня в кофте тоже есть платочек, для слёз приготовила, но видно не судьба поплакаться.

Я взял у неё платочек и перевязал, насколько позволял размер его, рану.

— Я хотела тебе перевязать, а ты...

— У меня, как на собаке заживает. Тем более, что ты профессионально, чтобы не затронуть кровеносные сосуды, аккуратно царапины сделала. Если бы я знал...

— Что?

— Сам бы тебя покромсал.

— Шутник. Гляди-гляди, солнышко. Пойдём отсюда через задний двор и бригаду. Не хватало ещё, что нас вот таких видели. Это я дура, сон, видите ли, вещий приснился. Вот и верь им после этого.

— Кому?

— Ну снам, конечно. А тебе можно?!

— Ой, не знаю, смотря в чём.

— В «клятве на крови»!

— А, я, что клялся?! — это из моих уст прозвучало издевательски.

— Я тебя сейчас убью!

— А это было в клятвенном обещание?

— Так не доставайся ты никому! — такие будут мои последние слова, ясно?!

— Яснее не бывает. Ты лучше скажи, как будущая медсестра или фельдшер, а поцелуи будут способствовать быстрейшему заживлению ран?

— Это то, что доктор прописал. Будут и это нужно делать желательнее уже сейчас и, как можно продолжительнее, чтоб дыхание замирало и сердце на время биться переставало. Ранки враз затянет!

— Хорошо. А то, что ты мне теперь стала другом?
— Одно другому не помеха! — только и успела сказать Любаша, прильнув ко мне в страстном поцелуе.
Ох уж эти девушки!

Нам обоим не хотелось идти домой. Любаше домой, а мне туда, где мне была приготовлена раскладушка в кухне, и сестра уже, наверное, подняла панику, так как я уходил, когда с веселушки, не удосужился её предупредить, да я и не мог знать, когда меня ждать. Это всё так непредсказуемо. Может быть по «линиях жизни», что на ладонях и можно прочесть, но я такими способностями не владел.

Люба повела меня, как говорят, огородами ещё и потому, что село уже проснулось, ожило. Выгоняли коров в череду, то есть в гурт, а затем пастухи направляли стадо на пастбища. Любаша, как и любой местный житель, знала маршруты, где больше всего есть вероятность встретиться с односельчанами. В противном случае и до обеда не доживёшь, чтобы село не начало гудеть последними новостями из СМИ, под названием «ОБС», что расшифровывается, как — «одна бабка сказала». А там, где одна слышали или, видела, будет знать всё село непременно.

Люба повела меня в те укромные места, что за пределами села, где она любила прятаться надёжно в том случае, когда хотелось уединиться, никого, не видя и не слыша. Это место было в роще, куда вела узкая тропка. Там имелись кое-какие сооружения, стара-

тельно выполненные неумелыми детскими руками. Где-то жерди были связаны бичевой или скручены проволокой. В центре зияло давно не выдавшее огня кострище. Мы присели на примитивных сиденьях.

— Может мне костёр развести? — спросил я, между прочим.

— Не стоит выдавать наше здесь присутствие, тем более дрова отсырели после дождя, будут дымить. Лучше сам меня согрей, друг!

Обращение «друг» Люба умышленно произнесла с ударением.

— Слушаюсь и повинуюсь, госпожа!

Мы провели вместе ещё несколько часов вплоть до обеда. Хоть и говорят, что «счастливые часов не замечают», но желудок напоминает о себе ворчанием. Да и просто нужно было домой возвращаться и чем дольше я об этом думал, тем больше меня посещала мысль, а дожждётся ли нас наш транспорт или кто-то ему «ноги сделает» и приставит вместо колёс.

3. Листая жизни календарь и делая отметки

Сестра нас встретила с целым курсом лекций о том, как поступать некрасиво и что теперь делать, чтобы от её мамы, тёти Нюси, ей «влетело» меньше. Я предложил ей говорить правду. Во-первых, совесть не будет мучить после этого, а во-вторых, ведь всё равно влетит и не поверит она, хоть правду говори, хоть соври. На том и порешили и ещё, чтобы сестра на меня больше спирала, а я постараюсь подольше ей на глаза не попадаться.

Нас подруги, Таня и Любаша провожали до окраины села. Попрощались сдержанно, что касается моего расставания с Любой. А на множество вопросов по поводу, что случилось с её рукой, я сам придумал байку, что в темноте не заметили на скамье разбитую «розоч-

кой» бутылки и Любаша на неё оперлась нечаянно рукой. Со мной всё было проще, так как и раны почти не было, и я обшлага рубахи откатил, хоть жара была. Но такой расклад вещей устроил всех.

«Орлик» нас встретил изрядно присохшей под крыльями грязью и... больше ему не судьба была мигать на поворотах красивыми указателями поворотов, их просто скрутил кто-то. Благо, что не более того, иначе нам бы пришлось и самим пешедропом домой добираться и средство передвижения передвигать толканием.

Я проходил практику, встретил свою бывшую одноклассницу, с которой проучился всего два года, в первом и втором классе, а затем их семья уехала за Урал. Я её даже не узнал, после девяти лет, которые мы не виделись. Так как из её одноклассников в селе в это время никого больше не было, то я взял над ней своеобразную опеку, чем вызвал раздражение у парней постарше. Они видели в приезжей блондинке объект для развлечения, не более того. Один мне так и сказал открытым текстом, после чего я стал Нину опекать ещё более пристально и всячески оберегать.

Само-собой Любашу я вспоминал всё реже и реже. Даже удивляюсь, почему «клятва на крови» не только не дала результата, а дала обратный результат, я как-то сделал такой вывод. Возможно, что я что-то не учёл, не прочувствовал или быстрая смена объекта внимания способствовала тому. Но, как получилось, так получилось.

Я уже учился в институте и переписывался с Наташкой из Новочеркасска и уралочкой Ниной. Но Нина, ничего не говорившая мне о своей личной жизни, объявила зимой, что она мне не хотела признаваться, когда мы были вместе, так как её устраивало моё внимание, но у неё тогда уже был парень, а сейчас она его проводила в армию и будет верно ждать.

Не могу сказать, что я стал равнодушен в женскому полу по этому случаю. Так же ходил с друзьями на танцы и встречался с девушками, хоть и серьёзных отношений ни с кем не получалось. Но о Любаше окончательно позабыл. И хоть бы однажды «крестик» на запястье зачесался и напомнил мне об той, не скажу, что красавице и не буду грешить, что уродине, а обычной, симпатичной и, что очень важно, неповторимой и интересной в общении и не только, девушке.

Прошло довольно много времени, и я неожиданно получил письмо с незнакомым почерком — это было письмо от Любаши. Я удивился этому и из письма узнал, что она выпросила адрес у моей мамы, без подробностей, как это произошло. Будучи порядочной сволочью по отношению к этой девушке, но не потерявшим совсем человеческое достоинство, я ответил ей и у нас завязалась переписка. Наши письма занимали промежуточную нишу в пирамиде отношений, между дружескими и любовными. Всё зависело от настроения, но ни упреков, ни напоминаний о событиях, произошедших прошлым летом, не было.

В письмах мы сообщали об учёбе, каких-то мало-значимых мелочах, о погоде и новостях из дома и прочей говорильни. Заканчивали письма неизменными дежурными фразами: «Люблю! Целую! Жду ответа!».

И так продолжалось год, второй. Я бросил институт и служил в военно-морском флоте и здесь мне любые письма были бальзамом. Я переписывался одновременно с тремя и даже четырьмя девушками, а мои ответные письма были, чуть ли не через копирку. Но получать письма от них, как и из дома, было чертовски приятно. Кто это прошёл, испытал, тот согласится со мной.

Я о Любаше практически ничего нового не узнал. Она о себе ничего особенного из личного не рассказывали, но можно было понять, что она, как и три года назад одна, одинока даже, но сказать об этом, скорее всего не позволяла гордость или ещё что-то, что мне не дано было понять.

Ей уже было двадцать и она, скорее всего уже окончила свою учёбу, получила диплом. Возможно, что она даже проходит практику или даже работает по специальности в той же больнице, где у нас происходило ночное тайной ритуально действо. Но я об этом ничего не знал, да и спрашивать было как-то неудобно. Если человек не желать открывать факты из своей личной жизни, значит и не стоит на том настаивать.

Иногда я задумывался над тем, а была ли любовь или мы её придумали! И стоит ли морочить девушке голову или откровенно поставить крест, не «крестик» на запястье, а крест на этих, тупиковых общениях

по переписке. Возможно тогда, она, став свободной полностью от всяких гласных и негласных обязательств, устроит свою личную жизнь.

А у меня на службе становилось всё стабильнее и перспективнее во всех отношениях. Я мог себе позволить ходить в увольнения и встречаться с девушками, мог, при желании и устроить «самоход», ради двух-трёх часов, проведённых где-нибудь за территорией части, с поцелуями и обнимашками.

И однажды, после очередных раздумий, я решился на шаг, который по моему мнению, должен был разорвать нити связи, связывающие меня с Любашей. Но сделал я это, подсказанным мне товарищами, трусливым способом. Это было так. Один из моих друзей согласился написать Любе письмо, под мою диктовку. Вкратце он объяснял, что я давно имею серьёзные отношения с другой девушкой и, даже заходит разговор о том, чтобы расписаться и для этого мне должны предоставить отпуск. Ну и всё в таком роде.

Трудно даже представить, как на это отреагирует Любаша. Думал ли я об этом? Да! Понимал ли я серьёзность и последствия такого поступка? Конечно, нет. Почему я не осмелился сам написать и расставить все точки над «и»? Я только одно понимал, что между нами существует какая-то невидимая связь и я её сам порвать не могу. Видимо и решился это сделать чужими руками. Было ли это подлостью с моей стороны? Скорее да, чем нет. Было бы честнее поговорить самому, пусть даже и в письмах. Это было бы тяжелее мне пере-

жить, но легче, зато ей, чем вот таким способом, которым я воспользовался.

А зерно всё сыпалось на жернова судьбы. При этом менялось качество помола, сорт и пекарные свойства, количество отрубей и настроение после того, когда вкушаешь удовольствие, испробовав результат конечного продукта. Всё выше сказанное нужно было взять в скобки, но порой большая часть эпизодов жизни проходит именно внутри скобок, а не вне их. И эти эпизоды из жизни вычеркнуть нельзя, они были, они в какой-то степени могли повлиять на весь жизненный путь, изменив его направление, уклон дорожного полотна или вовсе снести в кювет, из которого ты долго и мучительно выбираешься. Мы строим долговременные планы, а судьба нет-нет, да и поднесёт очередной сюрприз или череду оных, когда её полоса долго не меняет цвет.

«Эх, жизнь моя жестянка, ну её в болота!», если выражаться словами известного мультяшного героя. А когда, в какой момент ты погружаешься в это самое болото, можешь даже не заметить. Осознание приходит позже, когда появляется желание всё-таки выбраться из мерзкого месива, прикладывая невероятные усилия и не всегда это удаётся. Кто-то смиряется с этим, а кто-то так и барахтается всю оставшуюся жизнь в той самой грязи, и ему это даже нравится.

Заканчивался второй год службы. Жизнь на службе была кипучей: значимые взлёты и резкие падения,

успехи и неудачи, благодарности от командования с отпуском домой и наказание, с разжалованием в звании, «губой» и доказательство самому себе, в первую очередь, что я вновь влечу, вновь всем докажу, что я в принципе другой и, имея жизненный стимул, горы могу свернуть одной лишь левой.

Одним из самых значимых для меня потрясений было то, что Наташка, девушка из Новочеркасска, на которую у меня были надежды, что она дождётся меня, оставался всего один год службы и я обрету с ней, душевный в первую очередь, покой. Мне казалось, что я её всё-таки любил и, несмотря на то, что любовь все эти годы была платоническая и никаких особых обязательств, тем более клятв мы не давали друг другу, но сказать, что мне было больно это осознать — ничего не сказать. И главным было то, что она ни слухом, ни духом мне ничего не сказала, когда я приезжал к ней в отпуске. Только холод, с которым она меня встретила говорил об этом. И расставались, как чужие, вернее, она меня «выталкивала» из своей судьбы, как ненужный элемент. А через месяц пришло письмо от её подруги, которая, теперь уже в моём стиле, по отношению к Любаве, отписала, чтобы я забыл Наташку, она давно встречается с парнем и собираются пожениться. Вот он вам — жизненный бумеранг, возвратился к запустившему его ранее.

Если я и встречался с девушками в увольнении, то только лишь для того, чтобы снять стресс душевный, забыться, отвлечься от бурного кипения в душевном котле. Для этого мне нужен был «предохранительный»

клапан, не допускающий «сноса башни». И это у меня получалось.

В итоге, к концу службы из пяти-шести девушек, которые вызывали у меня симпатии, как минимум и я поддерживал с ними связь по переписке, не осталось ни одной. Нужно было или начинать личную жизнь с чистого листа, или оставлять, вся, как есть.

И я выбрал для себя второй вариант, с формулировкой «бабы — зло», я их просто игнорировал, найдя отдушину душевную в другом, и эта «истина», которая, как известно «на дне бутылки», могла сгубить мою молодую жизнь. Но, к счастью, случилось то, что и должно было когда-нибудь случиться — я из брюзги, по отношению к женскому полу, превратился в горячо любящего молодого человека, влюбившись с первого взгляда. И только теперь я понял, чем отличается влечение, влюбчивость, флирт и прочее, от настоящей любви, с тем прекрасным чувством, которое в разы сильнее и которым нужно дорожить. Оно даже не всем даётся, к сожалению, конечно. И тогда понимаешь, что до этого ты не жил — ты тлел.

Прошло лет восемь после службы. Зимним вечером, мы с женой и двумя детьми, ожидаем вечерний автобус, чтобы уехать на выходные к бабушке и дедушке моих детей, к моим тёще и тестю, иначе говоря. Настоящая зима и разговор среди земляков о том, что если за Марьевкой, в сторону Камышовки дорогу

не расчищают от снежных заносов, то придётся «куковать» в Марьевке. Для нас ничего смертельного не было, так как, хоть мы давно уже жили в райцентре, но в Марьевке у меня осталась родня, жила моя двоюродная сестра и родная сестра супруги. Только в этом случае, хлопоты бабушки, напекшей, в ожидании внуком пирогов, будут напрасны. А может быть, старички и не ждут нас в такую-то погоду.

Я, пританцовывая по рыхлому, постоянно увеличивающий снежный покров из-за того, что небо прорвало, а мороз с ветром, «подсушив» радость детскую, уносил его туда, где ему было угодно разместить, так называемые перемёты, т.е. сугробы. Отбросив воротник и повернувшись за ветром, делал неспешно затяжку за затяжкой, чтобы надышаться никотином на час езды в автобусе. Автобус уехал на заправку и смену водителя. Люди, кто прятался от непогоды в вокзале, а кто-то ожидал, так же, как и я, последний вечерний рейс домой в село или в гости.

Меня кто-то похлопал по плечу:

— Саня, ты? — передо мной стоял мой земляк и тёзка, с натурально радостной улыбкой на лице.

— Привет, Саня! Сколько лет, сколько зим?! Что-то я о тебе давно ничего не слышал.

— Так я после службы женился и жить уехал в примы, как говорится, живу в Политотдельском. Да, больше десяти лет не виделись. Когда я на службу уходил, ты учился, не провожал меня, а когда я женился, то ты опять-таки не дома был, долг Родине отдавал. Вот так и молодость пролетела.

— Ты прав, зёма. Так и есть. Ты мамку проведать? Как там тётя Таня поживает?

— Да потихоньку, на пенсии. Я летом её часто навещаю, машиной с семьёй напрямик на Марьевку ездим. А сейчас, сам понимаешь, не проехать, дороги не успевают чистить на трассе, а просёлочные тем более. А это твоё потомство? — Саня указал в сторону киоска, за которым моя жена, пригорнув детей к себе, чтоб не продуло, с интересом смотрела на нас.

Саня тоже достал сигарету, а я уже не из-за того, что хотелось курить, а за компанию закурил с ним заодно.

— Пойдём, отойдём в сторонку, чтоб людей дымом не травить, — предложил мне товарищ, который учился в школе на класс младше и, конечно, в детстве мы дружили и жили рядом на одной улице.

— А у тебя, как дела, Саша? — спросил я у собеседника, когда отошли в сторонку.

— Да по-разному, Саня. Семейная жизнь, сам знаешь, всё бывает. Да ты же помнишь, какой я был ещё до армии, сколько мать слёз пролила, из-за моих выходов и походов. Один же был у мамки и воспитывался без батиного ремня. Баловала меня маманя, чего греха таить. А твоя жена кто? Что-то лицо знакомое.

— Да, ты её мог запомнить, она моложе намного, но ты же позже учился, чем я. У неё ещё две сестры старшие, а самая старшая — копия меньшей, т.е. моей жены. Камышовские они.

— А! Вспомнил, точно. А с сестрой её я учился.

— Верно, с сестрою средней ты мог учиться. Красивые у твоей тётки девочки. Да и я не жалею, лишь бы на меня меньше обижались. Вот, как повзрослел, ума что ли набрался, хозяином стал, большое хозяйство держу, в колхозе работаю, в почёте у начальства. Будешь у нас, заезжай. Спросишь, любой скажет.

— Лады! Если будет случай, то зайду. Будет возможность молодость вспомнить, только это нужно с ночёвкой.

— Приезжай с ночёвкой и всей семьёй. Я большой дом построил, чтобы не обзывали «примаком». Да, пока не забыл. Скажи, а ты Любаву видел?

— Ты кого имел ввиду, эту из Петровки? Нет, я с ней от нечего делать переписывался, пока служил. А когда пришёл на побывку, приехал, посмотрел, послушал — нет, не моё, не моя, вернее.

— Да я за эту и не знал. Ты, что забыл? Ай-я-яй! Любу из Политотделька, неужели забыл?

— Сразу бы так и сказал. Да не знаю, как тебе и сказать, как-то потерялись мы в жизни. Конечно, по моей вине больше. Девушка не должна набиваться, если у неё гордость имеется, не высокомерие, а гордость. А ты откуда о нас знаешь? Я тебе, если не ошибаюсь, не рассказывал. А, это сестра могла растрепать, она же твоей одноклассницей была.

— Какая разница, Саня. Я даже не знаю, стоит ли тебе говорить, но... — тётка запнулся на полуслове.

— Сказал «А», говори и «Б», — понимая о ком, но не понимая о чём речь, с волнением, бросив взгляд на супругу с детьми, добавил, — ну не тяни же.

— Да не переживай ты так. Все живы и здоровы, слава Богу. Только Любава, походу тебя до сих пор ждёт. Замуж так и не вышла. Она кума моя, крестила дочку старшую. Вот такие-то дела, тёзка. Надеюсь, что эта новость никак не повлияет на всё дальнейшее? Я и так думал долго, говорить тебе это или нет. А ты, что не знал?

— Да я её всего сутки знал, ну переписывались правда долго. Но такого и представить не мог. Даже не верю, разве в наше время такое бывает?

— Видно, бывает! О, автобус. Бывай здоров, Саня! Извини, если что не так!

— Саня, о чём ты? Какие извинения. Это мне перед Любавой, не извинения — прощение просить, не выпросить, если это правда.

— Ты мне не веришь? зуб даю, даже коронку золотую не пожалею.

— Верю, Саша, верю! Дело не в тебе, во мне. Космонавты, загружаемся! — скомандовал я своим домочадцам, подбежал, взял сумку и сына за руки.

Эпилог

С того дня, когда происходили события, которые почему-то именно сейчас всплыли в жизненном омуте моей памяти, прошло полвека. Ну всплыли бы и забылись. Но нет, не так всё просто. Весь вечер я обдумывал и анализировал один из наиболее важных аспектов, возможно ставший какой-то меткой в жизни, светлой или наоборот, чёрной, но по-моему мнению, в этом что-то судьбоносное было, если не для меня, то для того человека, с которым меня однажды связала судьба.

Полвека — это только в цифровом исчислении — 50 лет, а по большому счёту, если к этому прибавить возраст 18 лет, которые уже были прожиты до этого случая, то получается, что это целая жизнь. И как говорится, «пора собирать камни».

Много чего изменилось в мире, не только строй в нашей стране, но и в судьбах большинства людей. Многих уже нет с нами, среди них и дорогие нам, любимые, родные и просто знакомые, друзья. Наши дети давно выросли, да и внуки тоже, хоть и не все и не у всех. Кто-то стал прадедом.

Не судьба было моему меньшему брату стать отцом, а моему товарищу Сане, которого, после встречи на автовокзале и сообщения мне им шокирующего известия, стать дедушкой, и я больше его, к сожалению, не видел. Не видел я со дня окончания школы даже своих одноклассников и многих уже, к сожалению, не увижу. Ни разу я, живя в одном регионе, сельском районе, где в каждом селе есть знакомые, а где-то и родственники, не встретил эту замечательную и неповторимую девушку, Любаву.

Возможно, что в её судьбе произошёл коренной поворот и она наконец поняла, что эта «клятва на крови» была лишь игрой и она сейчас нашла своё счастье. И, может быть, она живёт где-то рядом, просто мы об этом не догадываемся. Может и была когда-то мимолётная встреча с ней, и она могла меня узнав, не подать вида. Могло-могло, да что угодно могло за жизнь произойти, измениться. Одно невозможно сделать — вернуть то время назад, чтобы, если не изменить свою судьбу, но сделать так, чтобы отпустить от себя человека с лёгким сердцем, сняв с друг друга ритуальные клятвенные заклинания.

Господь призывает нас к всепрощению. Мы должны прощать всех, включая врагов своих. А друзей

свои, близких и дорогих сердцу, тем более. И хорошо, когда есть такая возможность, чтобы раньше или позже сделать это, снять с души оковы, которые мучили и приносили порою нестерпимую боль обиды, предательства или другого греха, которые мы и за грехи не считаем.

О, Боже, прости нас грешных за грехи и прегрешения! Любава, прости меня, если я принёс тебе боль и страдания! Мне оправдания нет, хоть в своих поступках, я и в мыслях ни в действиях не желал тебе зла. Как минимум, я так думаю, а может быть, даже этим сейчас грешу.

Понятно, что безгрешных людей нет. А вот признать свои грехи, покаяться и попросить прощение — это важно и нужно, и очень хорошо, если сделано вовремя, от души и сердца. Надеюсь, что и моя исповедь, хоть и не идеально, но максимально честна и откровенна.

Будьте счастливы, люди! Ищите свою любовь, боритесь за любовь, не отпускайте любимых, если это ваша судьба! Живите в любви и согласии! И пусть любовь торжествует в мире, ведь она творит чудеса! Да здравствует любовь!

Декабрь 2023 г.

Оглавление

От автора	4
Русь	7
Моя Родина — Русь	8
Начало января	9
Птица счастья	10
Стрелки часов	11
Рождественское чудо	12
Душа-подранок	13
Простолюдин	14
Вот, если б жить без заморочек... ..	15
Ершистый	16
Не судьба	17
Я не забыл и не забуду	18
Когда приходит к нам любовь?	19
Как тут быть?	20
Достижение желаемого	22
Музыка любви	24
Барду	25
Человек собаке друг?!	27
Дух и металл	28
«Последний динозавр»	30
Послесловие к стихам «Последний динозавр» ..	31
Послесловие к празднику	34
Март	35
Ода мимозе	35
Е.С.	36
Девушка и голуби	36

Гимн Матвеево-Курганского района	37
Морское братство	39
Мы слышим «SOS»	40
Беспечность	42
«Чёрно-белое» детство	43
Александр Ивановичу Ганину	44
Счастливый случай	45
Связь поколений	46
Мы стареем, живя надеждой	47
«Союзники»	48
На душе у меня нет покоя	50
Благодатный огонь	51
Границы времён и народов	52
Цветущий наш, победный май	53
Первомай Первомаю рознь	54
Конкурентоспособность	55
Разлился Миус... ..	56
Судьба-злодейка	57
Душевные корни	58
Воля Божья	58
Когда к тебе тянулись мои руки	59
От нелепости до счастья один шаг	60
Мне с тобою не бывает скучно	61
Единственной	62
Симпотяжка	62
Девушка под ивой	63
Если б знал наперёд... ..	65
Моим читателям	66
Я лечу... ..	67
В родительскую субботу	68

Два следа колеи в судьбе	68
Запавшей в душу	70
За семейным столом	71
Мой долг перед тобой	71
Летят годы	73
Колокольный звон	73
Нет, я — ни глыба...	74
«Ревизия» жизни	75
Грусть	76
Поверь в себя	76
Ромашковое лето	77
Изменилось время, а с ним нравы	78
С внуками в парке	78
Лето! Ах, лето!	79
Пережить бы...	80
Что же я потерял?	81
Душевная «наколка»	82
Ты не был мне другом	82
Я пробираюсь через дебри лет	83
Второе дыханье	85
Весточка	86
«Морской оттенок»	86
Внукам	87
Алевтине	88
«Империя»	88
Мечты, их исполнение	90
Жизненный компас	90
Не осуждайте меня, люди	91
Преображение Господне	92
«Хвала рукам, что пахнут хлебом!»	93

Летнее утро	93
Наш обитель	94
Истина и ложь	95
Смысл жизни в чём?	95
В благодетели заявка	96
Марии Коноваловой	97
О Марии Коноваловой	98
Бойцам-героям	101
Криница	102
А внук мой носит галстук	103
Тем, кто узнал тут себя	105
Старые кости хрупки, дух не сломим	106
Снова осень	107
Гуру	107
Мой долг святой	109
Растяпа	110
Осенние рассветы	111
Красота	112
Осеннее лето	113
«Богатые тоже плачут»	113
Героям ВОВ 1941—1945 гг.	114
Леониду Северу	115
Моя любимая!	116
Минное поле	117
Вторая молодость	118
Уже не дружба, то — любовь!	119
Вам, Бабулечка моя	120
Прощай, великий аксакал!	121
Осенняя вуаль	122
«Хождения по мукам»	123

В твоём плену	124
Память	125
Вернись!	125
На Примиусье в октябре	127
Омут грешной любви	128
Осенний лист	129
Я так хочу...	130
«Динь-динь, дон...»	131
Жёлчь зависти	132
Элитный сор	132
Неповторимая девчонка	133
Неверие	134
Осенний дождь	135
Осколки любви	136
Священный долг в семейной династии	137
Пока ещё есть шанс...	138
Испытания	139
Призвание	140
Военмор	141
Жги, душой зажигаЙ!	144
«Бирюк»	145
Господи, вразуми!	146
Первостатейному братишке	147
Прощай, Серёга!	149
Пока мы живы...	150
Друг самый верный...	151
Нормы и нравы	152
Не отвергни, девица,...	153
Душевный рай	153
Тайну знает лишь степь	154

Я, ни много, ни мало хочу	155
Невзначай	156
Вьюга чувств	157
Люди, верьте в чудеса	158
Какое оно, новогоднее чудо?	159
Твой подвиг бессмертен	161
Кто такие Феи?	163
Накануне Нового года	164
В преддверье новогодних праздников	165
Жанры и аккорды года	166
Стремление к полёту не отнять	166
«Клятва на крови» ¹	167
Откровенность	171
Заветная мечта	173
Сойти с ума	174
О погоде и не только	175
Как жаль	176
Радость — быть нужным	177
Мысли, приходящие с утра	178
Настрой	179
«Пустышка»	180
«Заговор на счастье» — просто бред	181
Какая она — старость?	182
Наш эдем	183
Как?	184
И, чтоб кругом опять голова	184
«День да ночь — сутки прочь»	185
Духовный потенциал	186
Осколок	188
Посвящение	189

1	189
2	191
3	193
4	194
5	196
6	198
Послесловие	199
БИРЮК	201
Предисловие	202
I	204
II	208
III	216
IV	221
Эпилог	224
Шурави	227
1	228
2	230
3	233
4	236
5	239
6	242
7	244
8	247
9	250
10	253
11	256
12	259
Эпилог	262
Пояснения к выделенным словам в тексте	264

«Клятва на крови»	268
1. Вот если б скуку разогнать	268
2. Клятвенный ритуал	284
3. Листая жизни календарь и делая отметки	302
Эпилог	314

Александр Иванченко

Клятва на крови
Стихи, поэмы, рассказ

Редактор Александр Иванович Иванченко
Фотограф Александр Иванович Иванченко
Дизайнер обложки Александр Иванович Иванченко